

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет исторических и политических наук
Кафедра востоковедения

ИРАН И РОССИЯ В ЕВРОАЗИАТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР, ГОСУДАРСТВ, ТЕХНОЛОГИЙ

**Сборник материалов I Международной
молодёжной конференции
(Томск, 2 мая 2023 г.)**

Томск
2024

УДК 947(55+470+571)

ББК 63.5+63.2

И77

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, зав. каф. В.П. Румянцев (**научный редактор**), д-р ист. наук, профессор Е.В. Хахалкина, канд. ист. наук, доц. О.В. Хазанов, канд. ист. наук, доц. А.Г. Данков, аспирант С. Хаваринежад, аспирант, м.н.с. П.А. Домбровский, аспирант С. Емец, магистрант, спец. Н.С. Пугачев (**ответственный редактор**), магистрантка, ассистент А.Г. Мананникова, студент В.А. Васютин, студентка Е.С. Носова, студентка Ю.В. Соловьёва, студентка А.В. Никитина, студент Н.А. Волчков, студент М.С. Дёмин, студент Н.Д. Кувалдин, студент Н.М. Шендо

Иран и Россия в евроазиатском пространстве: диалог культур, государств, технологий: сборник материалов I Международной молодёжной конференции (Томск, 2 мая 2023 г.) / науч. ред. В.П. Румянцев, отв. ред. Н.С. Пугачёв – Томск: Редакционно-издательский комитет конференции, 2024. – 189 с.

ISBN 978-5-600-04031-1

В сборнике представлены материалы I Международной молодёжной конференции «Иран и Россия в евроазиатском пространстве: диалог культур, государств, технологий», состоявшейся на факультете исторических и политических наук Томского государственного университета 2 мая 2023 г. В сборнике содержатся труды участников конференции, раскрывающие взгляд молодых учёных на культуру, историю, экономику и общественно-политические проблемы Ирана, ирано-российского диалога. Статьи печатаются в авторской редакции. Мнение авторов статей может не совпадать с мнением редколлегии.

Для студентов, преподавателей и всех интересующихся проблемами иранистики, востоковедения, международных отношений.

УДК947(55+470+571)

ББК63.5+63.2

ISBN 978-5-600-04031-1

© Авторы статей, 2024

© Томский государственный университет, 2024

Содержание

Секция I

Диалог культур персидская и российская литература во взаимном отражении друг друга

<i>Amini R.</i> Borrowed Russian Words in Persian: A Mirror of Iran and Russia's.....	6
<i>Бисинаева Д.С.</i> Культурные параллели: взаимодействие персидской и русской литературы.....	13
<i>Кошкан П., Боев Э.Б.</i> Влияние произведений А.П. Чехова на творчество современных иранских писателей (на примере взаимосвязи рассказов «Тоска» А.П. Чехова и «Особый цветок» Мансура Якути)	17
<i>Поркашян М.А.</i> Хроника развития культурных взаимоотношений между Россией и Ираном.....	22
<i>Соболь А.А.</i> Влияние Исламской революции 1978-1979 гг. в Иране на современное социально-политическое положение иранских женщин сквозь призму творчества Маржан Сатрапи.....	29
<i>Сороколетова А.Е., Ткаченко Е.А.</i> Отражение образа Авиценны в русской культуре: роль восточного врача.....	35

Секция II

Диалог культур персидская и российская литература во взаимном отражении друг друга

<i>Amini R.</i> The Musts of Public Diplomacy in Iran-Russia Relations	42
<i>Антонов А.Д.</i> Первая военная миссия А. Домонтовича в Персию как пример военно-политического влияния Российской империи во 2 пол. XIX в.....	48
<i>Arzani A.</i> Rising above Factors Preventing Iran's Eurasian Integration.....	55
<i>Варакина А.С.</i> Ирано-российские отношения в контексте теории граничных конфликтов	65
<i>Moghani A.M.</i> Iran-Russia Relations during 18th and 19th Century: Realism Perspective	72
<i>Наконечный И.А.</i> Ирано-российские отношения в период правления шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви (1941-1979 г.).....	81
<i>Родин Д.В.</i> Иранский вопрос во внешней политике Советской России в конце 1917 – 1918 гг.....	86

<i>Singh R.</i> Iran Factor in Russia's Mediterranean Strategy	92
<i>Сурков М.Ю.</i> Факторы влияния на советско-иранские культурные связи в 1925-1941 гг.	103

Секция III

Торговля, экономика и энергетика в отношениях России и Ирана на протяжении пяти веков

<i>Баландова А.А.</i> Влияние санкций США на энергетический сектор Ирана и перспективы сотрудничества с Россией в этой сфере	114
<i>Шендо Н.М.</i> Развитие русско-иранских торговых отношений в конце XIX – начале XX века: специфика и особенности	122
<i>Шуть И.А.</i> К вопросу об экономических аспектах ирано-российского сотрудничества в сферах энергетики и торговли: текущее состояние и перспективы дальнейшего развития.....	129

Секция IV

Взгляд на Иран и Россию в западном политическом дискурсе XIX–XXI вв.

<i>Бажатарник М.А.</i> Образ Ирана в представлении администрации Д. Трампа (2017-2021).....	143
<i>Meshkin D.R.</i> Navigating Western Political Discourse: How Iran and Russia Have Responded to Sanctions and Diplomatic Challenges	152
<i>Салашный М.В.</i> Взгляд США по данным докладов ЦРУ на Советско-Иранские отношения после Исламской революции.....	161
<i>Khavarinejad S.</i> The economic of a strategic partnership in Iran-Russia's relations	171
<i>Кувалдин Н.Д.</i> Общественное мнение Великобритании о политике Э. Грея в период Конституционной революции в Иране	181

Секция I
ДИАЛОГ КУЛЬТУР:
ПЕРСИДСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВО ВЗАИМНОМ ОТРАЖЕНИИ ДРУГ ДРУГА

R. Amini

*Research Center for Cultural Heritage and Tourism, Tehran, Islamic
Republic of Iran*

BORROWED RUSSIAN LOANWORDS IN PERSIAN: A MIRROR OF IRAN – RUSSIA'S RELATIONS

Annotation. *In this research, we have a look at the Russian words entered into Persian during the last recent centuries. These words can be categorized differently. The categorization indicates that in some word-groups, as the group of words related to machines and their parts, Persian has borrowed a considerable number of words from Russian. In a broader view, the Russian words borrowed into Persian can shed light on the historical relations between Iran and Russia. This make it more clear to us that Iran has borrowed many new machines, technologies, and ideas from or through Russia.*

Key words: Iran, Russia, Persian language, Russian language, lexical borrowing.

1. Introduction

Language is not something neutral just being used as a tool for communication. In fact, cultural, social and political aspects always have been significant and affective in things related to language. Based on this chain of argumentation, we can argue that languages are mirrors in which, among the rest, you can see traces of the historical, social, cultural, and political interactions of their speakers.

Iran and Russia are old neighbors, and in Persian historical and literary texts, there are mentions of «RUS» (Russian) and «RUSHA» (Russians) at least from one thousand years ago [for example, look at «ZAINU'L-AKHBAR» of Gardizi that was written more than one thousand years ago]. Along the history, naturally, there have been contacts and conflicts between Iranians and Russians. The relationship between these two nations, among the rest, led to linguistic borrowings, mostly lexical borrowing. Different linguistic and non-linguistic factors are influential in linguistic borrowing; namely, long-time contacts between language societies, bilateral or mono-lateral needs of societies, importance and literary or historical or religious prestige of a language, and so forth. There are evidences that indicate Persian has borrowed from Russian at least from Safavid era (1501-1722). Generally speaking, in the contemporary history of Iran, in case of Persian, the process of borrowing words from European languages, accelerated during the Qajar era (1789-1925), namely from French, English and Russian. After Qajar dynasty being

abolished, the number of Russian words entered into Persian decreased significantly, and the number of French and the English loanwords increased.

Borrowing from Russian is not limited to Persian, and there are words in other languages of Iran. Geographically, we can argue that in the northern parts of Iran, where there was more contact between Iranians and Russians, more Russian words entered into Persian and other Iranian languages; this is why there are more Russian words in Gilaki and Mazandarani than other languages of Iran. In the Iranian languages outside Iran, namely in Central Asia and the Caucasus, a considerable number of Russian words have entered Iranian languages namely the Tajiki variety of Persian in Tajikistan and Uzbekistan, due to the greater contacts they have had with Russians and the status of Russian as a lingua franca in the regions¹.

2. Methodology

Methodologically, this study is an inductive one; since we have extracted Russian words from Persian dictionaries as «FARHANGE FARSI» («Persian Dictionary») of Mohamad Mo'in, and after their categorization and analysis of the way and why these words have entered into Persian, we have attempted to provide some general conclusions.

3. Review of Literature

Bashiri (1994) has studied borrowed Russian words in two main varieties of the language, in Iran called «Farsi» and in Tajikistan «Tajiki». His study shows that these two language varieties have borrowed words from Russian, but «Farsi» and «Tajiki» have borrowed the Russian words differently. Mohamadi and Abdaltajedini (2013) have studied Russian loanwords in Persian based on reviewing «The Great Dictionary of SOKHAN», as one of the new unabridged dictionaries of the language. This study shows that there have been some phonological and semantical changes in a number of Russian words borrowed into Persian. Sadeghi (2005) is another study that has investigated the Russian loanwords in Persian. In that study, he discusses the matter based on a historical look. He also provides examples that show Russian words are used in Persian varieties in different parts of Iran. Researches done about Russian loanwords are not limited to the Russian loanwords in Persian, but also there are researches that has studied the Russian loanwords in other Iranian languages as Gilaki and Mazandarani (see, for example, Seyed Aghaie Rezaie (2012) for the Russian loanwords in the languages of southern coast of Caspian Sea, and Seyed Aghaie Rezaie (2020)

¹ Contacts of Iranians and Russians have led to some Persian words entrance into Russian too. But in this study, we just focus on the Russian words borrowed into Persian.

for the Russian loanwords in Gilaki).

4. Categorization of Russian Loanwords in Persian:

In this section, a lexical categorization of the Russian words borrowed into Persian is provided. Categorization here means specifying «semantic domains» to which the words belong. Based on this, the Russian words imported into Persian language can be classified into the following categories:

A. *Words related to home appliances:* these refer to items that probably have been unknown to Iranians before they have contacts with Russians, or lived with them, or traveled to Russia. Iranians imported these things from Russia to Iran, and naturally used Russian words in referring to them.

Meaning in English	Russian	Pronunciation in IPA ²	Persian
samovar	Самовар	/sæmavær/	سماور
beaker/ glass	Стакан	/estekan/	استکان
making noise in «alarm clock»	Шуметь	/ʃæmate/ In /sɑʔæt-e ʃæmate-dar/	شماطه در «دار-شماطه ساعت»

Table 1 – Examples of Russian loanwords in Persian, related to home appliances

At least some of these items are still in use today in Iran, and Russian words are used in referring to them. Examples of this group of words can be seen in table 1. As the word «шуметь» in the table shows, sometimes borrowed Russian words are used in the structure of compound words in Persian.

B. *Words related to machines and new technologies:* such machines and technologies, like the items in the previous category, were probably unknown to Iranians prior to having contacts with Russians, and as a result of having contacts with Russians; they have been imported into Iran.

Meaning in English	Russian	Pronunciation in IPA	Persian
brake	Тормоз	/tormoz/	ترمز
pad	Лент	/lent/	لنت
gas tank	Бак	/bak/	باک

² International Phonetic Alphabet.

to tug/ towing	буксир	/boksel/	بکسل کردن
reserve/ stock	запас	/zapas/	زاپاس
to skid/ slip	буксовать	/boksovot/	بکسوات کردن
choke valve	сосать	/sasat/	ساسات
axle shaft	полуось	/polus/	پلوس
tire	ластик	/lastik/	لاستیک
current regulator	автомат	/aftomat/	آفتومات
gas	бензин	/benzin/	بنزین
cast iron	чугун	/tʃodæn/	چدن
thread/ screw thread	резьба	/rezve/	رزوه
compartment	купе	/kupe/	کوپه
type case	касса	/garse/	گارسه ³

Table 2 – Examples of Russian loanwords in Persian, related to machines and new technologies

Again, here the imported things have brought with themselves their Russian names into Persian. Examples of this group of Russian words borrowed into Persian can be seen in table 2. There are many other Russian words in Persian related to machines and new technologies that can be added to those provided in table 2 above. The interesting thing is that sometimes in Persian the name of some parts of machines are composed of the Russian elements. For example, Persian has borrowed «лент» («pad») and «тормоз» («brake») from Russian, and then through compounding, based on its grammar, has made the name «ترمز لنت» («brake pads»).

C. Words related to military affairs or tools: In their early wars with the Ottomans, particularly after *the Battle of Chaldiran*⁴, Iranians realized that they need modern weapons and military forces and arrangements. Since then, they turned to countries such as France, Britain and Russia to modernize their

³ In traditional way of printing, a table in the printing house that was divided into small houses to place printed letters in them.

⁴ «Battle of Chaldiran» was a great battle between Iran (in Safavid Era) and Ottoman Empire took place in 1514. The battle ended with the defeat of Iranians. As a result, Iran missed large parts of its territories in Eastern Anatolia and what in twentieth century called Iraq to Ottomans.

military weapons and forces. In Qajar Era, due to Iran's wars in the Caucasus, the need to modernize Iran's military forces became necessary for the country. This led Iran to refer to countries such as Russia to modernize its military. By its turn, this opened another way for the introduction of Russian words into Persian. Later, the establishment of the «Persian Cossack Brigade», and the extensive relations of some Qajar kings and major courtiers with Russia, also led to the introduction of more Russian words in this field into Persian. Examples of this category of Russian words can be seen in table 3. This category can also be expanded by adding other Russian loanwords in Persian related to military affairs.

Meaning in English	Russian	Pronunciation in IPA	Persian
Soldier	солдат	/saldat/	سالادات
Bandolier	патронташ	/fanosq/	فانوسقه
Aiguillette	аксельбант	/vaksil/	واکسیل
Squad	отряд	/aterjad/	آتریاد
shoulder mark	Погоны	/pagun/	پاگون

Table 3 – Examples of Russian loanwords in Persian, related to military affairs or tools

D. Words related to intellectual phenomena or new political developments in Russia: since Iran and Russia being old neighbors, naturally Iran has been affected by the intellectual and political phenomena and developments of its neighbor. For example, the Bolshevik revolution in Russia in 1917 caused words such as «بولشویک» («Bolsheviks») and «منشویک» («Mensheviks») to enter into Persian, which have continued to be used in the language until now. In the same way, words like «پرستریکا» («Perestroika») and «گلاسنوست» ("Glasnost") have been borrowed into Persian after the developments of 1980s in Soviet Union.

E. Words from other semantic fields: these words are related to different matters or things unknown to Iranians probably till they have been borrowed from Russians. Some of these words originally may not be Russian, but Iranians have borrowed them from Russians, as a result they can be considered Russian.

Meaning in English	Russian	Pronunciation in IPA	Persian
--------------------	---------	----------------------	---------

Banknote	асси́гнация	/ʔeskenas/	اسکناس
Barrel	бочка	/boʃke/	بشکه
hair roller	бигуди	/bigudi/	بیگودی
Hose	шланг	/ʃelæng/	شلنگ
strudel, pierogi	пирожки	/piraʃki/	پیراشکی
Kielbasa	колбаса	/kalbas/	کالباس
Vodka	водка	/vodka/	ودکا
Suitcase	чемодан	/tʃæmedan/	چمدان
Carriage	коляска	/kaleske/	کالسکه
Carriage	дрожки	/doroʃke/	درشکه
Austria	неме́цкий	/otriʃ/	نمسه

Table 4 – Examples of Russian loanwords in Persian, from different semantic fields

A number of the words of this category can be seen in table 4. These Russian loanwords belong to different semantic fields, so they can be seen as a clear evidence of the extent of relations and interactions between Iranians and Russians. The last word in table 4 also deserves more close attention, since «نمسه» now is an archaic word in Persian that no longer is used in new texts of the language, instead of which the word «اتریش» (/otriʃ/) is used that seems to be borrowed from French.

5. Conclusion

Based on the investigations carried out in this study, it is possible to say that in some semantic fields, more Russian words have entered into Persian: fields related to industry, modern technology and new scientific and non-scientific phenomena unknown to Iranians. Actually, the study and categorization of the words borrowed into Persian from Russian can be used to argue that, at least, during the last recent centuries, Russia has been one of the origins for Iran to have access to or being familiar with new industry and technologies, and modern phenomena as a whole. Therefore, if we look at the issue from a broader perspective, we can say that Iranians have turned to Russians so that they can get the modern industry, technology, and new scientific phenomena of the modern world. Today too, in many aspects, Russia can interact with Iran in industrial and scientific fields. And considering that

Iran is a major regional power in its region certainly can interact and cooperate with Russia in managing the affairs in Middle East, Caucasus and Central Asia in a way fruitful for both nations. Therefore, Iran and Russia both have the necessary justification for expanding their centuries long relations, based on friendship, mutual respect and bilateral benefits.

Sources and Literature

1. Gardizi Abu Said. Zayn al-akhbar / Abu Said Gardizi introduced and edited by Rahim Rezazadeh Malek. – Tehran. : Society for the Appreciation of Cultural Works and Dignitaries, 2005. – 300 p.
2. Mo'in M. A. Persian Dictionary // Tehran : Amirkabir Publication. 1981.
3. Bashiri I. Russian Loanwords in Persian and Tajiki // Persian Studies in America. – 1994. – pp. 109-141.
4. Mohamadi M., Abdaltajedini N. Russian Loanwords in Persian Language: Case Study on Farhang-e Bozorg-e Sokhan // Language Related Research. – 2013. – № 4(3). – pp. 155-178.
5. Sadeghi A. A. Russian Words in Persian Language and a Short History of Their Entrance into Persian // Journal of Linguistics – 2005. – No. 2. – pp. 3-46.
6. Seyed Aghaie Rezaie S. M. Russian Loanwords in Persian Language and Southern Coast of the Caspian Sea Languages: Relying on The Caspian Sea Fishes Name // Journal of Foreign Language Research. – 2012. – No. 1, 2012. – pp. 21-46.
7. Seyed Aghaie Rezaie S. M. Russian Loanwords in Gilaki Dialect / Persian Language and Iranian Dialects. – 2020. – Vol. 1, No. 9. – pp. 169-187.

Д.С. Бисинаева

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕРСИДСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. *В этой статье исследуются интересные и несколько сложные взаимоотношения между персидской и русской литературами. Особое внимание уделяется XIX веку и исследуется, каким образом персидская литература с ее богатой историей и разнообразием тем и мотивов повлияла на русских писателей, таких как А.С. Пушкин и Б. Пастернак, и как русская литература, в свою очередь, повлияла на персидских писателей. На конкретных примерах из литературных произведений в статье показано, как это взаимодействие привело к уникальному слиянию восточных и западных литературных традиций.*

Ключевые слова: культурные параллели, персидская литература, русская литература, литературное взаимодействие, межкультурное влияние, разнообразие литературных традиций.

Литература – это мощное средство самовыражения и коммуникации, позволяющее людям из разных культур делиться своим опытом, мыслями и эмоциями. Взаимодействия между различными литературными традициями сложны и увлекательны, они раскрывают универсальность человеческого опыта и разнообразие культурного самовыражения. В этой статье мы исследуем культурные параллели между персидской и русской литературами, двумя богатыми, такими разными (но в то же время схожими) литературными традициями с удивительной историей взаимного влияния. Мы рассмотрим исторический контекст, в котором возникли эти две традиции, и проанализируем их взаимодействие. Рассматривая конкретные примеры литературных произведений, мы продемонстрируем сложное и значительное влияние, которое эти две традиции оказали друг на друга, и выделим универсальные темы и мотивы, которые они разделяют.

Чтобы понять взаимодействие между персидской и русской литературами, важно изучить исторический контекст, в котором они возникли. Персидская литература имеет богатую и древнюю историю, восходящую к доисламской эпохе. Персидская поэзия, в частности, прославилась своей красотой и глубиной, а ее наиболее значительной фигурой был Руми [1]. Русская литература, с другой стороны, возникла

гораздо позже, в XVIII веке, как ответ на стремительную модернизацию страны. Литературная традиция быстро выработала свой уникальный стиль и тематику, часто вращающуюся вокруг социальных и политических проблем. Первым великим русским писателем был Александр Сергеевич Пушкин, которого многие считают отцом современной русской литературы. Произведения А.С. Пушкина опирались на широкий спектр литературных традиций, в том числе европейских и восточных, и помогли создать самобытную русскую литературную традицию [2].

В XIX веке началось взаимодействие между персидской и русской литературами, поскольку русская интеллигенция проявляла все больший интерес к персидской культуре и литературе. Этому во многом способствовал тот факт, что Россия и Персия являлись одними из самых крупных империй того времени – Российской и Персидской, которые имели обширные культурные и экономические связи. Многие русские писатели, такие как Александр Пушкин, Николай Гоголь и Лев Толстой находились под влиянием персидской литературы и включали её темы и мотивы в свои собственные произведения. В то же время персидские поэты, такие как Хафиз и Саади, были переведены на русский язык, и их произведения стали широко читаемыми и вызывающими восхищение [3].

Одним из наиболее значимых мотивов, общим для персидской и русской литературы, является тема любви. Персидская литература славится своей романтической поэзией, которая выражает сильные эмоции влюблённых и их стремление к единению. Русская литература также глубоко исследовала тему любви, и такие писатели, как А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой изображали сложную и часто трагическую природу романтических отношений [4, с.84-93].

Ещё одна общая тема – поиск истины и мудрости. Персидская литература характеризуется своим суфийским мистицизмом, который стремится преодолеть ограничения мирского существования и достичь более высокого состояния сознания [5, с.255-269]. Русская литература тоже исследовала поиск истины и смысла, а такие писатели, как Ф.М. Достоевский и А.П. Чехов кропотливо изучали экзистенциализм, который встречается во многих работах персидских авторов.

Одним из примеров взаимодействия двух литератур является влияние персидской поэзии на русскую. А.С. Пушкин, в частности, находился под глубоким влиянием персидской поэзии, и его произведения содержат много отсылок к персидским темам и мотивам. Например, знаменитый роман Пушкина в стихах «Евгений Онегин» [6] содержит несколько отсылок к персидским поэтам, включая Хафиза и Саади. Кроме того, использование Пушкиным газели, традиционной персидской поэтической

формы, очевидно во многих его произведениях.

Также персидская литература оказала значительное влияние на творчество Бориса Пастернака. Рассмотрим основные мотивы, которые использует автор в своём романе «Доктор Живаго» [7]:

1. Любовь как священный огонь: этот мотив часто встречается в поэзии Хафиза. В романе Б. Пастернака описывается любовь главного героя Юрия Живаго и Лары, которая затмила все остальные чувства и стала для него своего рода святыней. Это напоминает идею Хафиза о любви как священном огне, который сжигает все остальное.
2. «Роза и ночь»: этот образ, который весьма популярен в персидской литературе, используется Б. Пастернаком в «Докторе Живаго» для описания Лары. Девушка появляется в романе как загадочная женщина, окружённая множеством тайн. Её красота сравнивается с розой, а ночь — это таинственный фон, на котором она появляется
3. Духовная жизнь: поэты восточной поэзии часто писали о духовной жизни и поиске высших истин. В «Докторе Живаго» Б. Пастернак также исследует темы духовности и религии, описывая поиски главного героя, который стремится найти свою жизненную цель и понять своё место в этом мире.
4. Мотив путешествия: путешествия и поиск новых впечатлений являются важными мотивами в поэзии персидских авторов. В «Докторе Живаго» Б. Пастернак также использует этот мотив, описывая путешествия главного героя. Путешествия помогают Живаго искать новые впечатления и лучше понимать мир вокруг него.

В XX веке отношения между персидской и русской литературами продолжали развиваться, и многие иранские писатели и поэты обращались к русской литературе как к источнику вдохновения, особенно в советскую эпоху. В свою очередь, современные иранские писатели часто прибегают к использованию в своих работах темы экзистенциализма (например, Ахмад Махмуд «Соседи» или Садег Хедаят и его произведение «Слепая Сова»). Экзистенциализм является одной из самых популярных тем в русской литературе и фигурирует, как уже говорилось ранее, в творчестве Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и Л.Н. Толстого.

Другим примером литературного взаимодействия является перевод русских произведений на персидский язык. В 1983 г. был осуществлён перевод культового произведения «Мастер и Маргарита» Аббасом Милана. Именно с этого романа у жителей Ирана возник сильный интерес к русской литературе, ведь с 1983-го по 2011 год «Мастера и Маргариту» переиздавали четырнадцать раз, что стало абсолютным

рекордом для иноязычной литературы [8]. Сегодня взаимодействие между персидской и русской литературами остаётся прочным, регулярно выпускаются новые переводы и адаптации.

В заключении следует отметить, что взаимодействие персидской и русской литератур оказало значительное влияние на развитие обеих литературных традиций. Персидская литература с ее богатой историей и разнообразием тем и мотивов, служила источником вдохновения для многих русских писателей, включая А.С. Пушкина, Б. Пастернака и других. Благодаря знакомству с персидской литературой многие писатели смогли включить новые идеи, темы и литературные приёмы в свои собственные произведения, создав уникальный сплав восточных и западных литературных традиций. В то же время нельзя недооценивать влияние русской литературы на персидских авторов, поскольку многие иранские поэты и романисты черпают вдохновение в русских произведениях. Взаимодействие персидской и русской словесности не только обогатило литературные традиции обеих стран, но и способствовало более глубокому пониманию и уважению культур друг друга.

Источники и литература

1. Brujin J. Persian Literature // Britannica. – 2018. – P. 1-10.
2. Пруцков Н. И. От сентиментализма к романтизму и реализму // История русской литературы: в 4 т. – М.: Л., 1981. – Т. 2. – С. 20–27.
3. Кляшторина В. Россия-Иран. Культурное взаимодействие в прошлом и настоящем // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 7. – С. 42-45.
4. Худенко Е. А. Жизнетворческие стратегии в русской литературе XIX-XX вв.: романтизм и символизм // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2010. – № 3 (63). – С. 84-93.
5. Balkhi D. Persian Literature And Sufis Of Bihar: dis.... Ph.D.: / D. Balkhi - New Delhi. : Jawaharlal Nehru University Press, 2010. - 173 p.
6. Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин. – М.: Изд-во детской литературы ЦК ВЛКСМ, 1974. – 289 с.
7. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго / Б.Л. Пастернак. – Петропавловск-Камчатский.: Изд-во Тройка, 1994. – 528 с.
8. Нахид А. Мастер и Маргарита по-персидски. Трудности в передаче реалий бытового языка // Вопросы Литературы. – 2020. – № 6. – С. 249–260.

П. Кошкан, Э.Б. Боев

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация

**ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА НА ТВОРЧЕСТВО
СОВРЕМЕННЫХ ИРАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ
ВЗАИМОСВЯЗИ РАССКАЗОВ «ТОСКА» А.П. ЧЕХОВА И
«ОСОБЕННЫЙ ЦВЕТОК» МАНСУРА ЯГУТИ)**

Аннотация. *В рамках настоящего исследования рассматривается влияние произведений А.П. Чехова на творчество современных иранских писателей на примере взаимосвязи рассказов «Тоска» А.П. Чехова и «Особенный цветок» («Гол-е хас») Мансура Ягути. В качестве основных методов исследования используются методы литературного анализа текста – сравнительно-исторический, типологический и сравнительно-сопоставительный.*

Ключевые слова: Антон Чехов, Мансур Ягути, рассказ «Тоска», рассказ «Особенный цветок».

Следует отметить, что большой интерес к русской литературе, который наблюдается в современном иранском обществе, может быть обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, Россия и Иран длительный период времени находятся в состоянии культурного взаимодействия, в первую очередь в сфере литературы. Уже в XIX веке произведения русских авторов активно распространялись в Иране в переводах на персидский язык. Проблематика гуманизма, приверженности высоким морально-нравственным идеалам и неприятия несправедливости, представленная в русской литературе, находила широкий отклик среди иранских читателей. При этом немаловажным фактом являлось и то, что для иранцев русская культура являлась частью европейской культуры, распространение которой в условиях вестернизации страны в позднюю каджарскую эпоху и в период правления династии Пехлеви воспринималось значительной частью политической элиты страны в качестве прогрессивного явления. Во-вторых, масштабные социально-политические события, происходившие в Иране в XX веке – главным образом Конституционная революция 1905-1911 года и Исламская революция 1979 года – способствовали росту интереса иранской аудитории к русским советским авторам,

произведения которых были посвящены идеалам революционного переустройства общества, социальной справедливости и критиковали любые формы угнетения и политического диктата. Большая роль в издании произведений как дореволюционных, так и советских авторов в Иране принадлежала Иранскому обществу культурных связей с СССР, учреждённому в 1943 году. Главным редактором издававшегося при нем литературного журнала «Пеям-е Ноу» («Новый вестник») был выдающийся иранский историк, писатель и переводчик, член Академии литературы и языка Ирана Саид Нафиси. Публикации в журнале способствовали популяризации русской литературы в Иране. При активном содействии Нафиси на персидский язык были переведены и опубликованы произведения Пушкина, Толстого, Некрасова, Чехова и других классиков русской литературы, а также статьи советских литературоведов [3].

Необходимо отметить, что среди всех русских писателей, известных иранскому читателю, Антон Чехов лидирует по количеству переводов своих произведений на персидский язык [2, с.55]. Причиной такого внимания к творчеству Чехова в Иране является то, что уже в начале XX века стиль чеховских рассказов приобрел в этой стране большую популярность. Многие иранские писатели, переводя произведения Чехова, пополняли свой опыт работы в этом стиле. Также важным обстоятельством является и то, что такие отличительные особенности чеховских рассказов, как описание быта представителей средних слоев общества и их проблем, осуждение различных социальных пороков, были очень близки иранским писателям и их аудитории. Саид Нафиси, филологи Садег Хедаят и Фатеме Саях считали Чехова реалистом и советовали молодым иранским романистам следовать стилю его произведений. Так, Фатеме Саях в одном из своих очерков пишет: «Метод Чехова — образец для подражания и хороший пример для молодых иранских писателей, потому что они тоже пишут небольшие рассказы о жизни людей... Стоит сказать, что ни один писатель не может оказать им той помощи, которую Чехов оказывает нашим молодым писателям. Они должны научиться всему из технических принципов и принципов написания рассказа и стиля выражения у Чехова [2, с.55].

В рамках настоящего исследования рассматривается влияние произведений А.П. Чехова на творчество современных иранских писателей на примере взаимосвязи рассказов «Тоска» А.П. Чехова и «Особый цветок» («Гол-е хас») Мансура Ягути. В качестве основных методов исследования используются методы литературного анализа

текста – сравнительно-исторический, типологический и сравнительно-сопоставительный.

Следует отметить, что рассказ «Тоска» Антона Чехова был впервые опубликован 16 января 1886 года в «Петербургской газете». Героем данного произведения является одинокий извозчик Иона, у которого нет никого, кому бы он мог рассказать о своем горе. Сын главного героя умер в больнице. Иона грустит и пытается общаться с окружающими, но никто его не слушает. В конце концов, единственным живым существом, способным выслушать Иону, оказывается его лошадь [1, с.425].

Автор рассказа «Особенный цветок» (перс. «Гол-е хас») Мансур Ягути родился в 1949 году в курдской семье в иранской провинции Керманшах. После получения среднего образования Ягути был мобилизован в Корпус просвещения, созданный шахским правительством в ходе так называемой «белой революции» и направлен на работу преподавателем в сельские районы Керманшаха. Впоследствии его официально утвердили на преподавательской должности, которую он занимал в течение пяти лет. Ягути неоднократно подвергался аресту за свою антишахскую политическую позицию. В первый раз он был арестован еще в период своего обучения в средней школе. Для литературного творчества Ягути характерна приверженность традициям социалистического реализма. В его произведениях большое место уделяется описанию природы Иранского Курдистана и жизни местных крестьян. Также Ягути занимался изучением курдского фольклора, устного народного творчества и курдской Шахнаме [4].

Короткий рассказ Ягути «Особенный цветок» (перс. «Гол-е хас») посвящен описанию жизни населения окраин города Керманшаха в начале 1970-х годов [5]. В это время в стране в связи с форсированной модернизацией интенсивно распространяется новый, технологический уклад, развивается дорожно-транспортная инфраструктура, что бесповоротно меняет привычный быт простых людей. Герой рассказа, Амуказем, уже двадцать лет занимается перевозкой грузов на своем старом коне по кличке «Особенный цветок» (перс. «Гол-е хас»). Ежедневная работа Амуказема заключается в доставке продукции кожевенного завода, расположенного за пределами города, на центральный городской рынок. Эта работа выполняется Амуказемом с большим трудом. Он терпит проклятия и ругань прохожих, недовольных тем, что им приходится уворачиваться от нагруженного вьюками коня, до тех пор, пока не наступает день, когда городские власти начинают изымать у горожан телеги, намереваясь заменить гужевой транспорт на

фургоны и такси. Амуказем и несколько его коллег отправляются в здание муниципалитета и пытаются протестовать против действий администрации. Однако мэр города избегает встречи с ними, и они вынуждены вернуться к своим близким ни с чем. Семья Амуказема сталкивается с большим количеством финансовых проблем из-за его вынужденной безработицы [5, с.63].

Члены семьи Амуказема предлагают ему отвезти коня в пустыню и оставить там, чтобы избавиться от необходимости запастись кормом для животного, ставшего теперь для них обузой. Амуказема, эмоционально привязанного к своему коню, возмущает это предложение, и он отказывается расставаться с «Особенным цветком». В итоге конь умирает через сутки. В конце рассказа Амуказем, причитая, размышляет вслух о своем безрадостном будущем, обращаясь к своему умершему коню [5, с.65].

Важным обстоятельством, на наш взгляд, является выбор писателем имени для коня Амуказема. «Гол-е хас» в переводе на русский язык означает «особенный цветок». Данное словосочетание в современном персидском языке часто используется по отношению к кому-то или чему-то, представляющему особую важность и ценность для человека.

Таким образом, на основании анализа текста произведений А.П. Чехова и М. Ягути. можно сделать следующие выводы об их взаимосвязи.

Мы можем констатировать то, что оба автора используют в своих произведениях реалистический стиль. Героями рассказов «Тоска» и «Особый цветок» выступают обычные люди «из народа». Также оба автора акцентируют внимание читателя на одиночестве главного героя и холодном отношении к нему со стороны других людей. Для создания соответствующей атмосферы в рассказе «Тоска» используется описание заката снежного дня, что символизирует холод в отношениях между людьми. В свою очередь, рассказ «Гол-е хас» начинается с описания кожевенного завода, который находится вдали от города в пустыне. Чехов и Ягути создают у читателей соответствующий психологический фон, и в этом проявляется реалистический подход авторов. Сближают рассказы и диалоги главных героев с лошадью. Рассказы имеют одинаково пессимистическую концовку – Иона, и Амуказем обречены на внутреннее одиночество. Известный иранский писатель Сейед Аббаса Маруфи за приверженность Ягути технике короткого рассказа назвал его «иранским Чеховым». Вместе с тем, принимая во внимание ряд сходств между произведениями Ягути и Чехова, в то же время следует отметить

безусловный талант иранского писателя и его творческую самобытность, основанную на богатом жизненном опыте Ягути и его любви к родному краю и людям, живущим в нем.

Источники и литература

1. Чехов А.П. Юмористические рассказы. – М.: Эксмо, 2020. – 640 с.
2. Джаналлах Карими Мотахар. Взгляд на взаимное влияние персидской и русской литературы // Исследования иностранных языков. – 2000. – № 8. – С 48–56.
3. Волков А. Рассказы Чехова. Перевод на персидский язык Саида Нафиси // Пеям-е Ноу. – 1944. – № 2. – С. 73-83.
4. Ягути М. // Кетабак [Электронный документ]. – Режим доступа: [https://ketabak.org/content/3117- منصور-ياقوتی](https://ketabak.org/content/3117-منصور-ياقوتی) (Дата обращения: 15.04.2023)
5. Ягути М. Гол-е хас. / М. Ягути. – Тегеран. : Джаведан, 1976. – 75 с.

М.А. Поркашян

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты, Шахты, Российская Федерация

ХРОНИКА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИРАНОМ

Аннотация. *За последнюю четверть века российско-иранские отношения значительно изменились в контексте политики в Исламской Республике Иран, которая охватывает развитие и распространение историко-культурного наследия в ряде стран, в том числе и в России. Сам Иран противится внедрению какого-либо культурного влияния других стран, но в рамках сотрудничества с Россией заинтересован в расширении культурного взаимодействия.*

Ключевые слова: наследие, культура, Иран, Россия, сотрудничество

В настоящее время Иран и Россия укрепляют и развивают двусторонние связи в торговой, научной и экономической сферах. На государственном уровне изучение историко-культурного наследия не выделяется в самостоятельную ветвь и играет небольшую положительную роль. Однако присутствует явная недооценка культурной составляющей в формировании общего культурного пространства.

Культурное наследие стран и взаимодействие на его основе являлись во все времена индикатором отношений между государствами. В период развития современного информационного общества этот тезис подчеркивает необходимость такого взаимовлияния.

«Влияние культуры сейчас играет такую же немаловажную роль в межгосударственных отношениях, как экономическая, политическая и другие составляющие страны» [1, с.84].

Первый опыт в обмене дипломатическими миссиями, выраженный в ранге послов, состоялся в период с 1552 по 1553 год. Россия и Иран всегда были готовы развивать двусторонние экономические, политические и культурные отношения.

Особенности развития и укрепления отношений между Ираном и Россией как основа расширения связей

Отношения России и Ирана уходят вглубь веков. Самый первый этап, именуемый «нулевым», – начало развития торговых и политических связей между странами. В результате этого происходило проникновение культуры одной страны в другую.

Общая протяжённая граница, безусловно, способствовала взаимной миграции и развитию двусторонних культурных отношений, благодаря чему в российском государстве появились курсы изучения турецкого и персидского языков. Кроме того, традиционный интерес России к изучению других культур привёл к появлению коллекций произведений искусства народов Востока.

Граждане России впервые начали знакомиться с персидской литературой в конце XVIII в. При этом иранская литература сначала переводилась на французский язык, а потом уже на русский. Несмотря на трудозатратность подобного процесса, это не мешало двум культурам взаимодействовать в дальнейшем вплоть до XX века, а некоторые элементы иранской культуры постепенно начали проследиваться и в российской литературе.

Общество Ирана начало знакомиться с российской культурой только в середине XIX в. Именно в это время страна начала постепенно изучать европейскую культуру. В прошлом столетии в Иран начала проникать и русская литература. В иранской культурной среде появились новые формы литературы, такие как прогрессивная пресса. В дальнейшем на персидский язык были переведены произведения некоторых российских писателей-классиков, в их число вошли А. С. Пушкин, А. П. Чехов и другие. Помимо этого, в Иране образовалась русская община, благодаря которой происходили изменения, например, в традиционной живописи, архитектуре, прикладном искусстве.

Тесное взаимодействие двух культур чётко прослеживается и в самом персидском языке, а именно – в нем появились некоторые заимствования из русского языка. Данный факт свидетельствует о том, что взаимодействие осуществлялось также на неофициальном уровне, т. е. через прямой контакт между представителями народов.

Обмен культурными ценностями продолжился вплоть до начала XX века, несмотря на различие общественно-политических систем государств. Помимо культуры развивалось взаимодействие в сферах образования и спорта.

Необходимо отметить, что описываемый период характеризовался тем, что взаимодействие двух стран осуществлялось исключительно на государственном уровне, любое действие находилось под контролем и имело

ограничение в определённых областях, но были созданы общества, которые отвечали за развитие культурных связей между странами.

В середине XX в. в Тегеране было образовано Советское общество дружбы, которое стало одним из центров культурной жизни в Иране. При данном обществе работало несколько курсов по изучению русского языка, имелась библиотека. В нем показывали советские фильмы, некоторые из них были переведены на персидский язык, и в дальнейшем транслировались в удалённых уголках за пределами столицы. Из разных республик СССР в Иран приезжали музыкальные коллективы и давали концерты. Среди гостей оказался и советский цирк.

Советская страна оказывала помощь в подготовке кадров для учебных заведений. В период Второй мировой войны в Тегеране Советский Красный Крест открыл больницу. В России большое внимание уделялось исследованиям, которые проводились в Иране, совместная работа учёных внесла большой вклад в развитие науки обеих стран. На персидский язык были переведены некоторые российские произведения, печатались словари.

О большом интересе к русской культуре в Иране говорят переводы и издания произведений русских писателей. Так, например, «Преступление и наказание» Ф. И. Достоевского переводилось пять раз, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого переводились на персидский язык до 20 раз [2].

В период с 1980 по 2000 год, вследствие Исламской революции, отношения двух стран были подвергнуты тяжёлым испытаниям. Был выдвинут лозунг, что есть только ислам и ничего более. Именно это и ограничило двусторонние взаимоотношения, в особенности после того, как Иран потребовал закрыть на своей территории все советские институты, в число которых входили представительство, библиотека, кинотеатр, больница. Помимо закрытия «вложений» в государство, пострадали и торгово-экономические связи. Идеология Советского Союза стала пониматься как противоречащая исламу.

В Москве также предприняли шаги, направленные на ограничение культурного взаимодействия, поскольку Советский Союз был обеспокоен тем, что идеи ислама могут проникнуть и в СССР. При такой сложившейся ситуации народы двух стран не имели возможности общаться друг с другом. Б. Амирахмадиян утверждает, что в период последних 35 лет культурные взаимоотношения Ирана и России так и не достигли своего предреволюционного уровня [3].

Улучшение взаимоотношений между Россией и Исламской Республикой Иран (ИРИ) началось в период 1990-х годов, затронув области торговли и политики, однако это не коснулось сферы культуры. Сами иранцы считали,

что проблема, мешающая восстановлению связей, была устранена. В описываемый период в России происходили кардинальные изменения в разных сферах, и наблюдался повышенный интерес к культурным контактам с западными странами и их ценностями, а потому развитию культурных контактов с Ираном уделялось меньшее внимание. Каждая страна искала свое место в международном сообществе.

В середине 1990-х годов Россия разрабатывала свои национальные идеи. Среди них наибольшую популярность получило евразийство, которое включает в себя историко-культурную и геополитическую составляющие. Последователи данной концепции утверждали, что Россия является проводником между Востоком и Западом, это было направлено на тесное взаимодействие с близлежащими странами Азии.

В конце прошлого десятилетия в мире пробудился интерес к восточным ценностям и во внешней политике. К этому времени стало понятно, что опасения о последствиях внедрения ислама в Иране не оправдались, а наоборот, Россия и ИРИ увидели, что их интересы по многим имеющимся глобальным и региональным проблемам совпадают. Это повлияло на дальнейшее развитие политических, торговых, культурных отношений. Однако для всеобъемлющего их развития была необходима большая государственная поддержка.

В 1990-е годы в ИРИ начала формироваться новая культурная доктрина [3]. Повышенная заинтересованность в дальнейшем развитии культурных связей явилась причиной проведения государственной политики в данной сфере. Была образована Организация культуры и исламских связей, цель которой – представление культурных ценностей и особенностей исторического развития Ирана, распространение исламского мировоззрения, укрепление культурных взаимоотношений с другими государствами и организациями, обеспечивающими культурное развитие.

В 1997 г. в Москве появилось Культурное представительство при посольстве ИРИ благодаря достигнутому между двумя государствами соглашению. В дальнейшем появился ряд других соглашений. В России был открыт Иранский культурный центр, задачами которого явилось формирование имиджа страны и представление достижений Ирана. Ближе к 2000 году, благодаря вышеупомянутому центру, в разных городах России были организованы многочисленные выставки, показы фильмов, концерты национальной иранской музыки, конкурсы чтецов Корана.

Иранские литературные произведения начали переводиться на русский язык. В этот перечень вошли речи различных политических деятелей, их сочинения. Для распространения знаний о культуре был создан журнал

«Караван». Иранские представители стали частыми гостями на различных московских мероприятиях.

Необходимо отметить, что двусторонняя культурная деятельность до сих пор имеет ограниченный характер. В сфере обмена творческими и музыкальными достижениями представители из России принимали участие в фестивале Фаджр и ряде других культурных мероприятий, которые проводились на территории Ирана. Посредством организации фотовыставок по разным тематикам можно было познакомиться с российскими культурными ценностями. Одним из важных направлений в историко-культурном наследии стало изучение и преподавание языков двух стран в учебных заведениях.

Исторические науки

Язык является одним из ключевых элементов культуры страны, благодаря ему происходит передача знаний и расширение коммуникации. Интерес Ирана в расширении связей с миром, в том числе и с Россией, выразился в том, что в последней был создан специализированный центр, в котором преподаётся персидский язык и изучается иранская литература. Благодаря данной организации за последние несколько лет в России стало больше учебных заведений, в которых преподают персидский язык и готовят специалистов по данному направлению. Также в нем обеспечивается совершенствование имеющихся методов преподавания, написание различных учебных пособий. Обучающиеся, а также сами преподаватели имеют возможность пройти стажировку в Иране, тем самым присутствуя в одной среде с носителями персидского языка. В связи с появлением специалистов, владеющих персидским языком и имеющих знания в области философии, культуры, психологии, экономики, появляется благоприятная почва для дальнейшего развития деловых коммуникаций между двумя странами.

Вместе с этим в Иране растёт интерес к изучению русского языка. В Тегеране имеются отделы по преподаванию русского языка в нескольких университетах, в том числе и негосударственных. Также есть два университета, в которых готовят специалистов по преподаванию русского языка как иностранного.

Взаимодействие между учебными заведениями путём обмена студентами, стажировками и практиками является ещё одним важным направлением в историко-культурном развитии двух стран. Кроме того, подобный культурный обмен закладывает базу для благоприятного развития взаимоотношений между странами в долгосрочной перспективе.

Иран, помимо проявления большого интереса к преподаванию русского

языка, также проявляет свою заинтересованность и в научном содействии с Россией на регулярной основе.

Обучение студентов из Ирана в российских вузах имеет давнюю традицию. В последние годы значительно возросло число иранцев, которые приезжают в Россию учиться на платной основе. Анализ доступных данных показывает, что количество иранцев, выбирающих Россию в качестве страны обучения, выше, чем в других странах, что говорит о большой заинтересованности в российском образовании. Значительный интерес Иран проявляет при подготовке специалистов по раз личным техническим профессиям. Однако с этим связан ряд ограничений, в связи с тем, что приём абитуриентов из Ирана может способствовать наложению западных санкций на российские вузы.

Заключение

Таким образом, проанализировав историко-культурное наследие Ирана и России, было отмечено, что отношения между нашими странами уходят вглубь веков, когда только начинали формироваться государства, происходило становление политической системы и развитие торгово-экономических связей.

С тех пор между Россией и Ираном сложились отношения, в ходе которых у народов этих стран возник взаимный, в том числе и культурный интерес. Обмен культурными ценностями происходил достаточно долгое время. Переводились литературные произведения русских писателей-классиков на персидский язык, а затем и многократно издавались, так как у иранцев появился к этому большой интерес. Россия образовывала свои информационные «каналы» в Иране, с помощью которых можно было познакомиться с частичкой культуры России.

В университетах Ирана появились факультеты, на которых готовят специалистов по преподаванию персидского языка для России. Некоторые учебные заведения также предлагают изучение русского языка. В Иран на гастроли приезжают музыканты, организовываются выставки фотографий, живописи и других видов искусства, посвящённых культуре России, транслируются российские фильмы, переводятся на персидский язык известные литературные произведения. С другой стороны, в России есть университеты, где преподаётся персидский язык и готовят специалистов, обладающих знаниями в области культуры, экономики, социально-политической жизни Ирана.

Межвузовское сотрудничество и изучение языков и культуры друг друга положительно влияет на дальнейшие коммуникативные связи и

взаимоотношения.

Этап развития российско-иранских культурных отношений ещё никогда за всю историю существования не достигал таких масштабов. Культурные взаимоотношения Ирана и России впервые за долгое время обладают широким спектром, выраженным во взаимодействии между гражданами этих стран в разных сферах культуры.

Источники и литература

1. Иранская концепция диалога культур: научный и политический аспект: материалы конференции, Москва, апрель 2001 г. – Москва: Изд-во Муравей, 2003. – С. 82–85.
2. Литературные связи Ирана и России : сб. ст. : пер. с перс. /ред.: М. Санаи, Дж. Карами - Тегеран: Изд-во Ирас, 2008. – 243 с.
3. Культурные связи Ирана и России: сб. ст. : пер. с перс. /ред.: М. Санаи, Дж. Карами - Тегеран: Изд-во Ирас, 2008. – 274 с.

А.А. Соболев

Благовещенский педагогический университет, Благовещенск, Российская Федерация

**ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1978-1979 ГГ. В
ИРАНЕ НА СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИРАНСКИХ
ЖЕНЩИН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТВОРЧЕСТВА МАРЖАН
САТРАПИ**

Аннотация. *В статье рассматриваются изменения в социально-политическом положении иранских женщин, произошедшие после Исламской революции 1978–1979 гг. Автор обращается к творчеству Маржан Сатрапи, которая в своих автобиографических романах «Персеполис» и «Вышивки» представляет опыт иранских женщин в революционный и послереволюционный периоды.*

Ключевые слова: Иран, иранская литература, история Ирана, Маржан Сатрапи, права женщин, феминизм, французская литература.

Политический курс Ирана с приходом в 1941 г. к власти шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви вплоть до Исламской революции 1979 г. представлял собой комплекс политических и социально-экономических реформ, направленных на вестернизацию Ирана. Так называемая «Белая революция» (انقلاب سفید) Энгелаб-э Сефид) включала в себя преобразования в культурной и аграрной сферах, расширение избирательных прав населения и индустриализацию страны. Реформы Пехлеви также затронули экономическое и социально-политическое положение женщин в стране. Так, Мохаммед Реза Пехлеви провёл следующие реформы в отношении прав женщин: женщинам было предоставлено право занимать высокие государственные должности, был повышен возраст девушек для вступления в брак до 18 лет, закон также регламентировал процесс развода, защищал права разведённых и замужних женщин [1, с.25]. Вследствие этого уже в 60-х гг. XX в. присутствие женщин в государственных организациях значительно расширилось: теперь женщины входили в состав парламента, женщины становились министрами, судьями и полицейскими [1, с.25].

Конечно, вышеперечисленные реформы нельзя назвать исключительной заслугой шаха. В организации реформ, направленных на расширение женских политических прав, первостепенную роль сыграли сами женщины. Ещё с

конца XIX в. по всему Ирану под влиянием Западной феминистской идеологии начали возникать различные женские общества [1, с. 24]. Роль же Пехлеви в этом – способствование развитию данных обществ. При Мохаммеде Реза-шахе женские организации приобретают государственную поддержку – теперь их деятельность стала государственной, либо закреплённой за политическими партиями различного толка, тем самым расширяя политическое влияние женских обществ в стране.

Тем не менее, политика Мохаммеда Резы-шаха, направленная на жестокое подавление оппозиции, была встречена ростом последователей идей исламского фундаментализма. В результате к концу 1970-х гг. в Иране сложилась предреволюционная ситуация: в стране разразились массовые беспорядки, постепенно подрывавшие существование монархии. А попытки шаха подавить их как посредством либеральных реформ, так и силовыми методами, были встречены ещё большим разрастанием недовольства среди населения. Таким образом, на волне реакции против реформ Мохаммеда Резы Пехлеви (в том числе и реформ его отца – Резы-шаха Пехлеви) к власти пришло консервативно настроенное мусульманское духовенство шиитского толка во главе с аятоллой Хомейни. С приходом к власти Хомейни положение иранских женщин резко меняется.

Автобиографический графический роман «Персеполис» французской писательницы иранского происхождения Маржан Сатрапи начинается с погружения читателя в новые реалии иранского общества: «В 1979 г. произошла революция, которую позднее назовут "Исламской"» [2, с.6]. Далее Сатрапи повествует о своем первом опыте ношения платка, который до 1979 г. в вестернизированном иранском обществе не было принято носить повсеместно: «Настал 1980-й. С тех пор в школу стало нельзя ходить без платка» [2, с.6]. Вопреки тому, что ношение хиджаба в Иране было отменено ещё при Резе-шахе Пехлеви в 1936 г., к концу 70-х гг. многие женщины видели в ношении платка отнюдь не угнетение женщин патриархальным исламским обществом, как может показаться человеку европейского мышления, выросшему в христианских догматах. Ношение хиджаба стало признаком оппозиционности, противопоставления его жестокому шахскому режиму [3, с.58]. В указанный период хиджаб стал неким символом «добродетели», многие женщины стали носить его добровольно. Однако же Сатрапи говорит о том, что никто из детей не понимал предназначения платка: «Нам не нравилось носить платки, а главное, мы не понимали, зачем это» [2, с.6].

Другими нововведениями в школах стали разделение учебной программы для мальчиков и девочек, а также упразднение светских и билингвистических

школ, что также, по впечатлениям Сатрапи, как свидетельницы революционных изменений, было воспринято негативно не только детьми, но и некоторыми родителями. В особенности родителями, до этого принадлежавшими к среднему и высшему классам.

Несмотря на то, что, как было указано выше, во время процесса Исламской революции многие женщины различного социального статуса и класса предпочитали добровольно надевать хиджаб в знак протеста шахскому режиму и солидарности с оппозиционным шиитским духовенством, по завершении революции к середине 80-х гг. ношение хиджаба, однако, становится обременительным. Еще при шахском правлении в 70-е гг. в Иране стихийно начали возникать различные органы самоуправления, направленные на организацию митингов и демонстраций, а также на соблюдение правопорядка их проведения [4, с.85]. Но уже при установившемся правлении аятоллы Хомейни данные самопровозглашенные гражданские организации упраздняются и реорганизируются под государственным началом. Таким образом, в стране возникают различные революционные комитеты, призванные для сохранения и поддержания исламского режима. Организации подобного толка имеют место и в нынешнем Иране.

Говоря о Комитетах Исламской революции, Маржан Сатрапи в «Персеполисе» упоминает один случай, произошедший с ней после того, как ее родители привезли ей европейскую одежду из Турции, ношение которой в 80-е гг. порицалось, поскольку в рамках идеологии революционного движения была пропагандирована сдержанность и скромность в одежде, соответствующей исламской традиции. Помимо этого, некоторые представители оппозиции к шахскому режиму также сочли ношение европейской одежды несовместимым с традиционной культурой и исламской верой. Так, маленькую Маржан останавливают стражницы революции, недовольные ее внешним видом. «С 1982 года эта категория (женщин – А.С.) пришла на подмогу мужчинам, задерживая женщин (например, меня) за неправильное ношение платка. Они были призваны наставлять нас на путь истинный, втолковывая о долге мусульманки» [2, с.136-137]. Хотя Сатрапи говорит именно о «неправильном ношении платка», вызывающая – по меркам исламского общества – одежда также могла стать поводом для задержания. Прямым примером распространенности подобных инцидентов становится задержание Сатрапи из-за цвета носков: «Я помню, что как-то раз провела целый день в Комитете из-за того, что была одета в красные носки» [2, с.309].

Подобная политика государства в отношении женского самовыражения –

в данном случае посредством выбора в подборе одежды – свидетельствует о характерных для патриархального общества контроле и ограничениях, налагаемых на представительниц женского пола. Регулируя выбор женской одежды, государство не просто поддерживает гендерное неравенство, оно подпитывает социальное расслоение, а также повышает уровень враждебности граждан друг к другу. Касательно последнего, речь идет, например, о возрастании количества донесений в Комитеты революции, природа которых в большинстве случаев строится на ревности и завистливости к своим соседям, коллегам, друзьям.

Проблематичность деятельности Комитетов Исламской революции в 80-90-е гг. XX в. в Иране, однако, состоит не столько в социальном давлении на женщин, их права и свободы, сколько в репрессиях, следующих за те или иные проступки против исламской идеологии. И речь идет именно о проступках – «неверном» ношении платка, «неправильном» подборе одежды или «вызывающей» косметике. Как замечает Сатрапи: «В Комитете могли и не оповестить моих родителей, могли продержать меня и два часа, и несколько суток, могли выпороть – короче, что угодно» [2, с.138]. Превышение должностных полномочий являлось нередким явлением в Комитетах. Сама система наказаний располагала к этому. Например, в августе 1982 г. в межджисе был принят новый закон об уголовных и гражданских наказаниях за нарушение исламских принципов. Женщина могла быть приговорена к бичеванию, отрезанию конечностей, побитию камнями. Такие приговоры, выносимые шариатским судом, не допускали обжалований и должны были быть немедленно приведены в исполнение [5, с.34].

Помимо непосредственно шариатских законов, еще одним возможным обоснованием жестокости в отношении женщин в этот период может быть то соображение, что власть духовенства оставалась шаткой и пыталась удержаться посредством как ирано-иракского конфликта, возникшего в 1980 г., так и жестких репрессий по отношению к оппозиционно настроенным организациям, в том числе женщинам, состоящим в них.

В 90-е гг. в Иране наряду с общим увеличением активности женского движения под давлением авторитарного патриархального государства, выделилось три течения иранского феминизма: консервативный мусульманский, мусульманский реформаторский и прозападный светский [5, с.36]. С активизировавшимся с новой волной женским движением можно говорить о существенном расширении политических прав и свобод иранских женщин. С каждым новым десятилетием феминистская идеология разного толка привлекала все большее внимание иранских женщин. А с развитием интернет-технологий женский вопрос стал подниматься только активнее.

Стоит упомянуть, что и вопрос ношения хиджаба на сегодняшний день стоит в Иране очень остро. В сентябре 2022 г. в Иранском обществе развернулись широкие протестные движения после новости о гибели Махсы (Жины) Амини, погибшей после задержания Назидательным патрулем, органом-преемником Комитетов Исламской революции. Причиной задержания послужило неподобающее ношение хиджаба. Свидетели, среди которых были женщины, задержанные вместе с Амини, утверждают, что перед своей смертью она была подвергнута жестокому избиению, в результате которого получила серьезные травмы головы. От полученных травм Махса (Жина) Амини скончалась в больнице. Протесты разразились под лозунгами отмены обязательного ношения хиджаба и несогласия с актами нарушения прав человека, в частности нарушения женских прав.

Также стоит отметить, что современные иранские женщины и некоторые мужчины во многом сменили ценностные ориентиры: возраст по вступлению в брак постепенно увеличивается. Большое количество молодых людей отдает предпочтение поступлению в высшие учебные заведения, отодвигая организацию семьи на более позднее время, а количество рождаемых детей на одну семью уменьшается [6, с.82]. Данная тенденция свидетельствует о существенных изменениях запросов и потребностей иранского общества. Хотя иранцы, несомненно, продолжают сохранять исламские ценности, вместе с ними наравне начинают приживаться и западные устои.

В результате Исламской революции 1978–1979 гг. была установлена Исламская Республика Иран, которая в значительной степени опирается на религиозные принципы и законы шариата. Это неизбежно привело к постепенному снижению социально-политической роли иранской женщины. Однако сегодня мы наблюдаем обратные тенденции – женщины стремятся принимать все более активное участие в политической, экономической и социальной сферах страны. Иранские женщины получают все больше мест в государственных структурах. Несмотря на то, что Иранская революция привела к ограничению прав и свобод женщин, она также привела к активному росту борьбы за свои права и установлению собственной идентичности и культурного наследия. Таким образом, хотя Исламская революция привела к значительным изменениям в иранском обществе, она также способствовала росту сознания и активности иранских женщин в борьбе за свои права и свободы. Несмотря на непростое положение женщин в мусульманских странах, утверждать, что причиной этого являются религиозные воззрения – в корне неверно. Поскольку проблема состоит не в религиозных исламских догматах, а в том, как государственные структуры интерпретируют их в угоду патриархальному устою и сохранению

авторитарной власти.

Источники и литература

1. Березина А. В. Культурологический анализ поэзии Фору́г Фаррохзад и Симин Бехба-хани в контексте проблематики женской идентичности : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / А. В. Березина. – Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2022. – 186 с.
2. Сатрапи М. Персеполис / М. Сатрапи; пер. с фр. Анны Зайцевой. – СПб.: Бумкнига, 2013. – 356 с.
3. Аштари Б. Изменения в понятии «хиджаба» в процессе исламской революции: от религиозной обязанности до средства борьбы // Роль и положение женщин в Исламской Республике Иран. – М.: ИВ РАН, 2006. – С. 54–62.
4. Сажин В. И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 3. – С. 83–109.
5. Дружиловский С. Б. Эволюция «женского вопроса» в политике Исламской Республики Иран // Роль и положение женщин в Исламской Республике Иран. – М.: ИВ РАН, 2006. – С. 30–41.
6. Дунаева Е. В. Новые политические и социокультурные реалии современного Ирана // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. – М.: ИВ РАН, 2016. С. 75–86.

А.Е. Сороколетова, Е.А. Ткаченко

Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Российская Федерация

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА АВИЦЕННЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: РОЛЬ ВОСТОЧНОГО ВРАЧА

Аннотация. *Статья рассматривает роль и значение образа восточного врача Авиценны в русской культуре. Автор анализирует различные произведения – от средневековых текстов до современной литературы и кинематографа – где упоминается этот персонаж. Особое внимание уделено его образу в культуре XVIII-XIX веков, когда просвещённые люди восхищались восточной мудростью и считали Авиценну символом ее вершины. Автор отмечает, что образ Авиценны используется в русской литературе для передачи идей гуманизма, мудрости и культурного диалога.*

Ключевые слова: Авиценна, взаимодействие культур, русская литература, восточная медицина, врачевание.

Культурное взаимодействие России и Ирана является важной и долговременной традицией. Оно началось еще в средние века, когда Россия и Иран первоначально начали свое сотрудничество в области торговли и быстро развили культурный обмен. Иран был одним из первых иранских государств, с которым Россия начала развивать международные отношения.

На протяжении истории Россия и Иран обменивались различными формами культурных ценностей, таких как литература, искусство, архитектура, научный обмен и традиции. Оба государства имеют богатое культурное наследие и одинаково уважают традиции друг друга.

Важность культурного взаимодействия между Россией и Ираном заключается в укреплении международных отношений и дружбы между нашими народами. Оба государства являются крупными экономическими и политическими игроками в мире, и культурное взаимодействие помогает продвигать их интересы на международной арене. Сотрудничество этих стран также способствует наращиванию и объединению культур и научных институтов, что может улучшить социально-культурные условия внутри них.

Культурное содействие между Россией и Ираном продолжается в настоящее время, например, российские и иранские музеи регулярно обмениваются экспонатами, а также проводятся выставки, конференции и

другие мероприятия.

Таким образом, взаимодействие России и Ирана имеет приоритетное значение как для двусторонних отношений между нашими странами, так и для международного сообщества в целом. Оно продолжится и в будущем, поскольку наши народы продолжают уважать и беречь свои культурные традиции и наследие. Одним из наиболее ярких примеров влияния иранской культуры на русскую является литература. Историки литературы отмечают, что иранская литература оказала значительное влияние на русскую литературу в эпоху средневековья. Некоторые известные русские поэты, такие как Александр Сергеевич Пушкин и Михаил Юрьевич Лермонтов, часто использовали иранскую поэзию и изображали иранских героев в своих произведениях.

Восточная культура всегда привлекала русских писателей своей экзотичностью, духовностью и тайнами, которые она скрывает. Они видят в ней нечто противоположное Западной культуре и ее ценностям, которые они сами оспаривают. Восточные обряды, философия, принципы жизни, традиции и масса других аспектов, были интересны писателям, потому что они могли использовать их в своих произведениях, что делало их более уникальными и привлекательными для читателей. Восточная культура также помогала русским писателям уйти от жесткой реалии своей жизни и мир, который окружал их в России. Философия мусульманского мира дала таких великих мыслителей, как ал-Кинди, ал-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рушд, ал-Газзали, авторитет которых на Западе не уступал их авторитету на Востоке [1].

Авиценна, также известный как Ибн Сина, был одним из наиболее известных и значимых ученых и философов из Ирана, который оказал большое влияние на развитие исламской философии и науки. Он родился в 980 году в сельской местности, недалеко от города Бухары, в том, что теперь является современным Узбекистаном, и умер в 1037 году в северном Иране. Ибн Сина известен работами в области медицины, философии, астрономии и математики. Он получил опыт в области медицины, работая в течение многих лет в госпиталях и больницах, а затем перешел к философскому и научному исследованию. На протяжении всей жизни Ибн Сина работал неустанно и напряженно. В различных источниках упоминается свыше 450 его сочинений, из которых до нас дошли 240 [2]. Ибн Сина также оказал большое влияние на философию Запада, а его работы были изучены в Европе и являются образцом высокой интеллектуальной и культурной развитости Ирана. Он был выдающимся гуманистом и ученым, чей вклад в науку и культуру не только в Иране, но и по всему миру, нельзя преуменьшать. Ибн Сина был

представителем богатой культуры Ирана и одним из наиболее видных персоналий в истории Востока.

В России Авиценна был известен как Авиценна Ибн Сина, что свидетельствует о том, что он был идентифицирован как персидский мусульманин. Имя Ибн Сины было известно еще на Руси, где его звали Ависен. В многочисленных лечебниках и травниках Древней Руси «встречается его имя, его советы, его рецепты [3]. Его образ в русской культуре был связан с образом экзотического восточного мудреца, обладавшего мудрыми советами и помощью в лечении различных болезней. В литературе и искусстве Авиценна часто изображался как мудрый и уважаемый восточный врач в восточных нарядах.

Влияние Авиценны на культуру России проявляется в разных сферах, таких как медицина, философия, исламские изыскания и история науки и культуры. Он является важной фигурой не только в Иране, но также и в России. Образ Авиценны в русской культуре восходит к его значительной роли в развитии средневековой медицины на Востоке. Его труды в области медицины были широко известны и уважаемы в Средневековье и впоследствии в России. В русской культуре Авиценна часто представляется как образ мудрого, глубоко образованного восточного врача, чьи знания и опыт были переданы через многие поколения и связаны с традицией древней мудрости Востока. Его работы и идеи в области медицины и философии продолжают иметь влияние на межкультурный обмен и понимание мировой культуры. В современной живописи образ Авиценны часто используется в декорации и при оформлении интерьеров, особенно в клиниках и медицинских учреждениях, как символ знания и мудрости. Классическая русская литература всегда интересовалась вопросами здоровья души и лишь изредка проблемами телесного здоровья. Безусловно, врачи в литературе были: мы их встречаем на страницах произведений Пушкина, Достоевского, Чехова и т.д. [4].

В русской литературе и культуре в целом образ Авиценны часто ассоциируется с высокой интеллектуальной культурой. Кроме того, Авиценна оказал значительное влияние на развитие русской медицины, и его труды были переведены на русский язык. В то время как западная медицина была доминирующей в России в XIX веке, многие русские врачи и историки медицины обратили внимание на труды Авиценны, которые стали часто цитироваться и использоваться в медицинских исследованиях. Таким образом, образ Авиценны в русской литературе и культуре в целом ассоциируется с высоким интеллектом, культурной значимостью и важностью в развитии науки и медицины. В России образ Авиценны был

очень влиятельным в средние века, особенно в период Татарского ига, когда многие арабские и персидские ученые были приглашены в Россию для работы над научными проектами. Влияние образа Авиценны было связано с многими факторами, такими как:

1. **Религия:** Авиценна был известен как ученый, который совмещал свои научные работы с исламской религией. Его работы в области философии, медицины и астрономии были неотъемлемой частью исламской науки, что сделало его одним из наиболее уважаемых учёных в России в период Татарского ига.

2. **Интерес к науке:** Российские правители проявляли большой интерес к науке в тот период, что привело к тому, что в России было много научных центров, в том числе и тех, которые основывались на работах Авиценны. Благодаря этому, образ Авиценны стал очень важным для научного сообщества в России.

3. **Интерес к культуре Востока:** в России очень долго на Восточную культуру смотрели с большим интересом и уважением, что привело к тому, что работы учёных из Востока, в том числе и Авиценны, были очень ценными и востребованными в России.

4. **Образование:** в России было много людей, которые очень уважали Авиценну благодаря его научным достижениям, и до сих пор его работы часто упоминаются в академических кругах. В целом, образ Авиценны в России был положительным, и его работы оставили глубокий след в российской культуре.

Образ Авиценны в русской культуре как восточного врача сформировался благодаря его высокой репутации как врача и медика в мусульманском мире. В России во времена позднего Средневековья был популярен культурный обмен и передача знаний из восточной медицины в русскую культуру. Авиценна был одним из главных источников тех знаний и его медицинские сочинения были переведены на русский язык.

В русской литературе образ Авиценны представлен, в основном, в биографических произведениях. Например, А.В. Сагадеев в своей книге "Ибн-Сина (Авиценна)" рассматривает жизнь и творчество философа, его вклад в науку и медицину. Автор подчеркивает, что Ибн-Сина был выдающимся мыслителем и врачом своего времени [5]. Также, биографию восточного философа и мыслителя описывает в своей книге Л.Г. Салдадзе «Ибн Сина (Авиценна): Страницы великой жизни» [6].

В русской художественной литературе образ Авиценны появляется в отдельных произведениях, чаще всего как символ знания и мудрости. Например, в романе Федора Достоевского "Братья Карамазовы" образ

Авиценны упоминается дважды - сначала в контексте обсуждения проблемы свободы воли, а затем как пример высокого уровня мудрости и образования. В романе Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита" Воланд называет авторитетным экспертом и "отличным знатоком души" Авиценну, о чем говорится в одной из теологических дискуссий героев романа. Также образ Авиценны упоминается в произведениях других русских авторов, в основном в качестве эпитета к образам учёных и мудрецов.

Образ Авиценны используется в России в различных контекстах, в том числе в рекламе и маркетинге, а также в культурной и образовательной сферах. Кроме того, в разных странах мира сети медицинских клиник, руководствующихся его методами и принципами, получили название "Авиценна" или "Ibn Sina". Некоторые из таких сетей, например, находятся в Иране, Турции и в России.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что образ Авиценны в русской культуре обычно ассоциируется с образом восточного учёного и врача, который был знаком с традициями и культурой Древней Греции и Рима, а также с исламской философией и наукой. Авиценна был известен своими работами по медицине, философии и логике, и его труды влияли на развитие науки и медицины в России и других странах. Однако, образ Авиценны в русской культуре не был достаточно изучен. Некоторые исследователи обращали внимание на то, что Авиценна был известен не только как врач и философ, но и как поэт и литератор, и его творческий вклад в мировую литературу также заслуживает внимания. Кроме того, изучение рецепции Авиценны в русской культуре может помочь лучше понять, как его идеи и труды были восприняты и интерпретированы в России, и как они влияли на развитие науки и медицины в этой стране.

Источники и литература

1. Сулаймонов С. Ибн Сина и арабская филология // Азия и Европа. – 2022. – № 1(9). – С. 127-137.
2. Дооранов, У. С. Канон ибн Сины – ценный источник истории физической культуры // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: Материалы XIV Международной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Уфа, 25–27 марта 2020 года. Том 1. – Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2020. – С. 23-26.
3. Чернов С. В. Образ личности гения. Искатели совершенства. Часть III: Авиценна // Философская школа. – 2019. – № 9. – С. 87-101.

4. Фатеева Ю. Г. Образ врача в русской классической и современной литературе: несколько слов о преемственности // Новая наука: Проблемы и перспективы. – 2016. – № 6-3(85). – С. 145-147.
5. Сагадеев А.В. Ибн-Сина (Авиценна) / А.В Сагадеев. – М.: Наука, 1980. – 222 с.
6. Салдадзе Л.Г. Ибн Сина (Авиценна): Страницы великой жизни / Л.Г. Салдадзе. – Ташкент.: Изд-во лит. и искусства, 1985. — 464 с.

Секция II
ДИПЛОМАТИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ИРАНО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ XVI-XX ВВ.

R. Amini

Tarbiat Modares University, Tehran, Islamic Republic of Iran

THE MUSTS OF PUBLIC DIPLOMACY IN IRAN-RUSSIA RELATIONS

Annotation. *The experiences Iranians have had in relation to some European countries, Tsarist Russia and the Soviet Union in the last few centuries, in many cases, have been bitter for the nation. Those experiences have created a kind of pessimism about those countries in Iranians. Willingly or not, this can affect Iran's relationship with Russia. To resolve this pessimism, Iran and Russia need a more active sort of public diplomacy that lead the people of the both countries to know each other better, and as a result understand that their relations can be based on win-win cooperation.*

Key words: Iran, Russia, public diplomacy, mutual benefits, historical experiences.

Introduction

There are different definitions for “public diplomacy” based on which we can provide the following definition for the term: “All those efforts a state does in its relations with another state to justify its policies towards it, to gain the support of its people, and to attract their attentions, and to remove “misunderstandings” and “misperceptions” that may exist in their mind about that state”. Based on this definition, public diplomacy is based on “justification”, is targeted at the “people”, and tries to remove possible “misunderstandings” and “misperceptions”, in order to change or correct the old image of the state that is implementing the public diplomacy, and to create a more attractive and acceptable new image of it in the mind of the people of the country in question. To add other important points to the definition provided, we can argue that because of its goals and audiences, public diplomacy, mainly, is a cultural endeavor based on the “soft power”.

In this article, having in mind the importance of “public diplomacy”, I try to show that Iran and Russia need more active public diplomacies towards each other. My main argument here is that Iranians’ past bitter experiences in relations with a number of European countries, Tsarist Russia and the Soviet Union, is an obstacle to the expansion of Iran's relations with these countries; and this is despite the fact that, in particular, there are many opportunities for the expansion of Iran-Russia relations, a goal that certainly can be achieved when the bitter memories of the past are erased from the mind of Iranians, and they come to believe that the two nations can have relations based on mutual

respect and benefit. In my opinion, erasing those memories - to achieve that goal – must be the most important task of the “public diplomacy” of Russia in its relations with Iran.

Methodology

This study is a qualitative research, based on a historical look, whose main purpose is to highlight the research problem, increase the reader's awareness of the problem, and propose and provide ways to solve it. Therefore, methodologically, this research is an explanatory and analytical one.

Review of Literature

Lebedeva [1] has paid attention to the importance of public diplomacy in 21st century, formation and development of Russian public diplomacy, and its changes and shortcomings during Soviet Union and the post-Soviet Union eras. In the book, there are also short mentions of Iran's public diplomacy, particularly in Central Asia, difficulty of public diplomacy in the Middle East, and Russian's public diplomacy in the region. Lebedeva considers "public diplomacy" to be one of the tools of "influencing the external audience"; and for her "the most important characteristic of [public diplomacy] is attractiveness, that is, orientation towards soft power when using it" [1.P. 49]. "Dialogue with [the] foreign audience", and "openness in relationships" are among the criteria"... that distinguish public diplomacy from other types of influence" [1.P.49]

Velikaya and Simons [2] is a collection of articles about the “evolution and practice” of “Russia’s Public diplomacy” in which Morozov and Simons [2] have studied “Russia’s Public Diplomacy in Middle East”. In that article, the writers say “the middle east region has always been and remains one of the key original purposes of Russian foreign policy” [2.P.234]. Then they speak about the “permanent conflict” that exist in the region; and “... the need for new ways and mechanisms that could, if not resolve the conflict, at least help to reduce its acute phase. ... In addition to traditional instruments of diplomacy, “soft power” has become an integral part of efforts to achieve foreign policy objectives. This primarily includes the tools provided by civil society, as well as various methods and technologies, from information and communication, humanitarian and other types” [2.P.234]. What is important for us here in what quoted from Morozov and Simons is their attention to “soft power” “as an integral part of efforts to achieve foreign policy objectives”. In other parts of the article too, the writers make mention of “social networks”, “digital space”, “digital diplomacy” and terms like them all related to or instruments for implementing “soft power”. But the notable thing about the article of Morozov and Simons is that while Russian public diplomacy in countries like Syria and Israel has received

extensive attention, in it, there is nothing about Russian public diplomacy in Iran, saving a few cases of mentioning the name of the country. In the same way, Velikaya [3] has examined the public diplomacy of The United States and Russia in the Middle East comparatively. Her study indicates steady increase of Middle East importance in Russia public diplomacy in recent decades.

Iran and Russia: The Importance of Public Diplomacy

Old neighbors they are, Iran and Russia! Russians have been mentioned in Iranian historical texts, since more than a thousand years ago [4]. Since Iranians and Russians have been long-time neighbors, naturally, they have had trade, cultural and political relations and interactions [for a short review of Iran – Russia relations, see 5]. And, In the recent centuries, Russia has been one of those countries Iran has referred to, to meet its needs for modern sciences and industries.

Generally speaking, Iranian academics – particularly those who study humanities - and book and history lovers know the great writers, poets and scientists of Russia; and less or more, they may be familiar with the history, society, culture, politics, economy, and geography of Russia. On the other hand, the ordinary people of Iran (the main audience of any public diplomacy), mostly and before anything else, know Russia with the name of a number of its Tsars (for example, Peter the Great), Iran – Russia’s war in 19th century, Treaties of Gulistan and Turkmenchay and Akhal, occupation of Iran during the World War I and World War II, and a number of the more famous leaders of Soviet Union (namely, Joseph Stalin). And, of course, for them, Russia is among the great powers of the world. Consequently, as a whole, it can be said that there are a kind of pessimism in the ordinary people of Iran towards Russia, since they consider Russia that great expansionist military power which has separated large parts of Iran in Caucasus and Central Asia by force, and has annexed them to Russia during Tsarist era; and has attempted to separate Azerbaijan and parts of Iranian Kurdistan, through creating separatist movements, and establishing puppet governments there, during and immediately after the end of World War II.

This deep-root historical pessimism always can be an obstacle for the real expansion of Iran – Russia fruitful relations. This is why I argue that Iran and Russia need a more active kind of “public diplomacy” to improve the knowledge of their people about each other; and more importantly to remove misperceptions and misunderstandings of their people about each other, some of them have deep historical roots.

In this way, knowing that the world is different now in terms of factors influential on "minds and hearts" of the public, the public diplomacy of Russia in Iran needs to pay more attention to and to use new tools of interaction to have

an influential communication with Iranians. It is something undeniable that social media are too important now in forming and shaping our opinions, and many other aspects of our lives; and social media – needless to say - are also important in the domain of politics, international relations and relations between nations. Based on this, it is reasonable to argue that traditional ways of interaction in politics and international relations, i.e. relationships between politicians and governments, are not the best way now for creating and shaping relationship between countries in such a way that maximize mutual interests. Therefore, in the case of Iran-Russia relations too, paying attention to and applying the new ways and tools of communication and interaction, namely “digital diplomacy”, is imperative now [for “digital diplomacy”, see 6].

Based on what was said above, it is possible to specify a number of the requirements or musts for public diplomacy, in Iran – Russia relations: First of all, both countries should recognize that public attitudes are important in real consolidation of their relations; and to do so, they need to move beyond traditional ways of interactions in their relations. Also, it is necessary to pave the way for direct interactions between the peoples: people of both countries must have the opportunity to experience each other directly. In this way, they now each other better. In addition, and more importantly, this helps to correct wrong mindsets and schemata about each other. Moreover, since paying attention to public opinion is necessary in countries interactions; not only foreign policy officials of the two countries – particularly those in the cultural offices - must try to have their own parts in forming public opinion, but also must pay attention to the public opinion, in what they do, and what are going to arrange for future. Moreover, the officials must pay more close attention to this fact that today non – governmental players, increasingly become important in politics and in international relations. So, they must have good relations with these players, so that each country can use their power and facilities and influences to advance its public diplomacy.

“Public diplomacy” is not “propaganda” - particularly in what is termed as “international broadcasting” [see 7 and 8, for “international broadcasting”] - so it must be based on the realities, not baseless words and wishes. Fortunately, there are so many great and good realities about Iran and Russia that can be used as the foundation of their public diplomacies: both countries have rich cultures that can be attractive for each other, so, culturally, their peoples need to know each other better; both countries have rich literature, literary traditions, and many world-renowned literary figures. If people of Iran and Russia know each other from the point of view of each other's literature, it helps them to develop stronger relationships.

There are many great Russian Iranologists, unfortunately, not known to most of the Iranians. These scientists have done many services to the history and

culture of Iran (to name just a few, we can make mention of: Vasily Vladimirovich Bartold, Vasily Abaev, Ilya Pavlovich Petrushevsky Vladimir Alexeyevich Ivanov, Lazar Samoilovich Peisikov, Igor Mikhailovich Diakonoff, Mikhail Mikhailovich Diakonoff, Vera Sergeevna Rastorgueva, Vladimir Fyodorovich Minorsky, Iosef Mikhailovich Oranski ...). What these Russian scientists have done for Iranian culture and history, scientifically, in many cases, are uniquely excellent or at least among the available best ones. For example, works of Vladimir Fyodorovich Minorsky and Iosef Mikhailovich Oranski about Iranian languages are among the most reliable sources of the field. Each of these Iranologists, and others like them, need to be introduced to the Iranian people. This can be part of what the public diplomacy of Russia must do about Iran; surely this would be influential in correcting the mindsets and erasing the images of the past.

Conclusion

Joseph Nye [9], in *Soft Power, the Means to Success in World Politics*, elaborates on the importance of “soft power”, and in answering “what is soft power” tells the reader that: “It is the ability to get what you want through attraction rather than coercion or payments. It arises from the attractiveness of a country's culture, political ideals, and policies. When our policies are seen as legitimate in the eyes of others, our soft power is enhanced.” [9.P.x]. So, as the conclusion, having in mind the answer of professor Nye, I want to say the main mission of the “public diplomacy” of Iran and Russia must be to prove and highlight the legitimacy of their policies, in the eyes of the people of each other country, through showing the “attractiveness” of their “country's culture”, and legitimacy, rightness and morality of their “political ideals and policies”. In this way, they can also overcome "misperceptions" and "misunderstanding" about each other.

Sources and Literature

1. Lebedeva M. M. *Russian Public Diplomacy. From USSR to the Russian Federation* / M. M. Lebedeva. – London. : Routledge. – 2021. – 78 p.
2. Morozov V., G. Simons. *Russia's Public Diplomacy in the Middle East* / ed. by Anna A. Velikaya, G. Simons. // *Russia's Public Diplomacy, Evolution and Practice*. – Gewerbestrasse. : Palgrave Macmillan. – 2020. – pp. 491-502.
3. Velikaya A. A. *Comparative Aspects of Russian and US Public Diplomacy in the Middle East* / A. A. Velikaya. – Tehran. : Tehran International Studies & Research Institute of Abrare Moaser. – 2021. – 157 p.

4. Jamalzade M. A. History of Rus and Iran Relations / M. A. Jamalzade. – Tehran. : Sokhan Publications. – 2005. – 482 p.
5. Karmi J. Iran and Russia: Past Experiences and Future Prospects // Journal of Iran and Central Eurasia Studies. – 2019. – №2 (1). – pp. 1-21.
6. Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy / I. Manor. – Gewerbestrasse. : Palgrave Macmillan. – 2019. – 420 p.
7. Price M. Public Diplomacy and the Transformation of International Broadcasting // Cardozo Arts and Entertainment Law Journal. – 2003. – №21 (1). – pp. 51-85.
8. Arceneaux P., Powers S. International Broadcasting: Public Diplomacy as a Game in a Marketplace of Loyalties // Routledge Handbook of Public Diplomacy / ed. by N. Snow, N. J. Cull. – 2nd ed. – New York. : Routledge. – 2020. – pp. 50-63.
9. Nye J. S. Soft Power, the Means to Success in World Politics / J. S. Nye. – New York. : Public Affairs. – 2004. – 191 p.

А.Д. Антонов

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация

ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ А. ДОМОНТОВИЧА В ПЕРСИЮ КАК ПРИМЕР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛ. XIX В.

Аннотация. *В работе рассматривается проблема расширения военно-политического влияния Российской империи в Средней Азии в кн. XIX в. Правители Каджарской Персии на протяжении XIX в. пытались модернизировать страну и в первую очередь ее вооружённые силы. В процессе реформирования вооружённых сил шахи Персии обращались к разным государствам. Среди них была и Российская империя, чьё участие в реформировании персидской армии способствовало усилению ее влияния в Средней Азии.*

Ключевые слова: военно-политическое влияние, А. Домонтович, Насреддин-шах, реформирование, военная миссия.

Настоящая работа представляет собой попытку рассмотреть первую военную миссию подполковника русской императорской армии А. Домонтовича в Персию (название Ирана в XIX в.) в 1879 г., как проявление влияния Российской империи в Средней Азии в конце XIX в. в ходе очередной попытки шаха Насреддина реформировать персидскую армию по европейскому образцу.

Из этой проблематики вытекает цель настоящей работы: рассмотреть военную миссию 1879 г. как проявление военно-политического влияния Российской империи в Средней Азии в конце XIX в. в ходе попытки модернизации шахом Насреддином персидской армии.

Для решения поставленной цели нам необходимо решить следующие задачи: 1. Определить причины и обстоятельства отправки военной миссии А. Домонтовича в Персию. 2. Рассмотреть состояние персидской армии во II пол. XIX в. и влияние первой миссии А. Домонтовича на ее модернизацию. 3. Определить значение первой военной миссии А. Домонтовича как рычага политического влияния России в Персии.

В историографии военное сотрудничество Каджарской Персии и Российской империи в XIX в. рассматривают по нескольким направлениям: 1.

Участие России в военной модернизации вооружённых сил Персии в XIX в., 2. История создание и развитие персидской казачьей бригады и 3. военные миссии в Персии как средство политического влияния.

К первому направлению относится статья А. Б. Ларина «Участие России в модернизационной программе Ирана в 30-х – 40-е гг. XIX в.». В ней автор показывает начало процесса военного сотрудничества между двумя державами в военной сфере и отмечает, что оно было неразрывно связано с интересами Российской империи в Средней Азии. Таким образом, нижнюю границу начала русского влияния в Персии можно определить концом 1820-х – началом 1830-е г. (от подписания Туркманчайского мирного договора (1828 г.)). В работе А. Б. Ларина чётко обозначено, что участие Российской империи в модернизации вооружённых сил Персии носило точечный характер, поскольку России было не выгодно слишком сильное усиление своего южного соседа. В 1830 – 40 гг. она касалась артиллерии, а на рубеже XIX – XX в. кавалерии. Так же оказание помощи в модернизации Персии со стороны России имело целью ограничения проникновения в страну французского и английского влияния [7].

Ко второму и третьему направлению можно отнести работы, посвящённые непосредственно развитию персидской армии во второй пол. XIX в. и созданию Персидской казачьей бригады. К первому из этих направлений относятся работы Н. К. Тер-Нурганова и О. А. Гокова. В работах этих авторов подробно излагается история создания и развития Персидской казачьей бригады. Освещаются особенности содержания части и участие в ее подготовки офицеров русской армии. Так же авторы затрагивают вопрос борьбы за влияние в Персии Российской империи и Великобритании [2; 10].

К третьему направлению можно отнести работу О. А. Красняк «Русская военная миссия в Иране (1879 – 1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России». В этой работе О. А. Красняк, анализируя деятельность руководителей русской военной миссии в Персии, приходит к выводу, что русские военные, занимавшиеся обучением бригады, оказывали на шахское правительство влияние и способствовали укреплению позиций Российской империи в Персии [6].

В семитомной «Кембриджской истории Ирана» сюжет с появлением персидской казачьей бригады и русским влиянием в Персии рассматривается поверхностно. Авторы многотомного издания считают, что бригада была создана шахом Насер ад-Дином, которого впечатлили русские казаки, когда он совершал свой второй визит в Европу и проезжал через Кавказское генерал-губернаторство. Авторы опускают значение двух миссий А. Домонтовича в Персию и обстоятельства заключения русско-персидского

договора о создании казачьей бригады и ее обучения русскими инструкторами [11].

Основным нашим источником по рассматриваемому вопросу выступают воспоминания, написанные А. Домонтовичем о двух своих миссиях в Персию и опубликованных в журнале «Русская старина» в 1908 г. [3; 4.] В воспоминаниях автор подробно описывает свою первую миссию в Персию и подготовку ко второй.

По нашему мнению, организация военных миссий в Персию и создание персидской кавалерийской бригады отражают стремление правительства Персии модернизировать свои вооружённые силы, чем воспользовалась Российская империя для усиления своего политического и военного присутствия в регионе и этим пытаясь воспрепятствовать расширению английского влияния.

На протяжении XIX в. шахи Каджарской династии пытались модернизировать вооружённые силы Персии по европейскому образцу. Реформы имели неоднозначный результат, т. к. ряд военных миссий западных держав, начиная от английских миссий 1833 – 1834 г. [9. С. 90] и завершая австро-венгерской военной миссией (1878 г.), [9. С. 90] не сумели превратить персидскую армию в грозную военную силу. Военные специалисты Российской империи оценивали боевые качества персидской армии того периода крайне низко, хотя и отмечают высокое качество солдатского материала [5. С. 41 – 42; 8. С. 30 – 31]. Однако, следует оговориться, что, например, в Военно-статистическом сборнике 1868 г. отмечается улучшение качества подготовки персидской артиллерии [8. С. 31]. Вероятно, это было связано с результатами отправки в 1839 г. в Персию военной миссии, которую возглавил полковник И. Ф. Бларамберг, находившийся тогда при ставке шаха Мохаммеда [1. С. 163]. Миссия последнего в немалой степени способствовала улучшению отношений между Российской империей и Персией, а так же закладывала фундамент для дальнейшего военного сотрудничества. Тем не менее к 1878 г. состояние персидской армии желало быть лучшим.

В 1878 г. Насреддин-шах отправился в свое второе путешествие в Европу. Проезжая через Эриванскую губернию, монарха сопровождали казахи кавалерийские части. А. Домонтович в своих воспоминаниях пишет: «Внешний вид этих боевых полков, их красивая обмундировка и блестящее снаряжение привлекли внимание шаха. При дальнейшем же следовании по пути он имел случай убедиться и во внутренних высоких качествах этой кавалерии. Лихая, отчаянной смелости, одиночная езда казаков напоминала ему отчасти вольную не стесняемую никакими регламентами езду персидской конницы. Но в то же время какая-то внушительная тишина и

грозная сплочённость строя казачьих полков более близкая его сердцу, чем мертвенная скованность полков Европейской кавалерии, вызвали восторженное его удивление» [2. С. 331].

Поскольку во время путешествия Насреддин-шаха в 1878 г. в Европу ещё не было принято окончательного решения о том, какую из армий европейских держав взять в пример при проведении военной реформы, шах по прибытии к Тифлису обратился к наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу с просьбой отправить в Персию группу русских офицеров для формирования отборного кавалерийского подразделения [2. С. 331]. Авторы «Кембриджской истории Ирана» считают, что впечатление, произведённое на шаха казачьими частями, стало решающим фактором для обращения к военному руководству Кавказской армии с просьбой отправить в Персию военных специалистов для образования кавалерийской части по казачьему образцу [11. Р. 191 – 192].

Великий князь сразу ухватился за эту возможность и попросил у императора Александра II разрешения об отправке миссии в Персию. В октябре 1878 г. было получено Высочайшее соизволение на отправку военной миссии в Персию. Её главой Михаил Николаевич выбрал А. Домонтовича.

Алексей Иванович Домонтович – выходец из старинного запорожского рода, числился в Кубанском казачьем войске. Действительную службу начал с 1863 г. В 1864 г. окончил 2-е Московский кадетский корпус, получил чин хорунжего и был переведён в Михайловское артиллерийское училище. В 1868 г. был произведён в сотники. В 1872 г. в есаулы. В 1875 г. закончил Николаевскую академию Генерального штаба и был зачислен в Генеральный штаб в чине капитана. Русско-турецкую войну 1877 – 1878 г. в должности старшего адъютанта Эриванского отряда. В ходе войны занимал ряд штабных должностей. Отличился в ходе боевых действий, за что был награждён орденами Св. Владимира (с мечами) и Св. Георгия 4-й степени, Св. Станислава 2-й степени и был произведён в подполковники Генерального штаба. По завершению войны числился штаб-офицером для особых поручений при штабе Кавказского военного округа [2. С. 42 – 43].

А. Домонтович был вызван к начальнику штаба Кавказского военного округа П. П. Павлову. «В нескольких словах Павлов передал мне сущность дела – вспоминал Домонтович. Никаких подробностей его не касался. Да и что он мог мне сказать в самом деле, когда, по его словам, оно было и для него совершенно незнакомо» [3. С. 333]. П. Павлов лишь порекомендовал: «Советую только вам понравиться шаху, – добавил он с улыбкой, – если можно, сделайте министром» [3. С. 333].

Таким образом, А. Домонтович не получил конкретных указаний ни от

Великого князя Михаила Николаевича, ни от начальника штаба Кавказского военного округа П. П. Павлова, следовательно, полномочия у подполковника Генерального штаба были самыми широкими. Из этого мы можем предположить, что Великий князь Михаил Николаевич видел в предложении шаха Насреддина возможность для усиления влияния России в Средней Азии.

Здесь следует сделать важное уточнение. Еще во время поездки Насреддин-шаха по Ереванской губернии, англичане пытались договориться с шахом об отправке своих специалистов для обучения персидской кавалерии. Английские дипломаты апеллировали к успешному опыту обучения английскими офицерами бенгальской кавалерии. Однако выбор шаха пал на русских военных специалистов. Тем не менее, эту попытку демарша английскими дипломатами, мы можем рассматривать как проявление Большой игры между Российской империей и Великобританией в Средней Азии.

Итак, в конце ноября 1878 г. подполковник А. Домонтович в сопровождении денщика отправился в свою первую миссию в Персию. 15 декабря 1878 г. он прибыл в Тегеран [2. С. 44]. С приезда А. Домонтовича прошло несколько дней или неделя, прежде чем персидское правительство дало о себе знать. Военный министр предложил подполковнику Генерального штаба рассчитать содержание кавалерийской части... [4. С. 578].

Через некоторое время Насреддин-шах пригласил А. Домонтовича на смотр гулямов – гвардейской кавалерии. Смотр проходил, в сравнении с европейскими армиями, специфически. А. Домонтович вспоминал: «Шах, проезжая, иногда спрашивал о чем-нибудь всадников, или обращался к кому-нибудь из свиты. Каждый из гулямов, мимо которого проезжал шах, сидя на лошади, делал глубокий поклон всем корпусом, как-то сгибаясь вправо. Но едва шах отъезжал шагом на десять, как сзади его, между гулямами начинался разговор; некоторые из них слезали с лошадей, отходили назад к стоящим тут же разносчикам, другие же, садясь на землю, спокойно покуривали кальян». [4. С. 581] Несколько позднее шах обратился к А. Домонтовичу с вопросом можно ли обучить его гулямов по-казацки? На это был дан положительный ответ. 7 февраля 1879 г. был подписан контракт на обучение русскими военными специалистами персидской кавалерийской части по казачьему образцу [4. С. 583; 10. С. 53]. На следующий день глава русской военной миссии отбыл в Россию.

Таким образом, первая военная миссия А. Домонтовича в Персию (1878 – 1879 г.) способствовала расширению военно-политического влияния Российской империи в Средней Азии. Стремившееся модернизировать свои вооружённые силы персидское правительство находилось в активном поиске

военной модели, которая могла бы послужить основой для проведения военных реформ. Однако впечатлённый казачьими войсками Эриванской губернии, Насреддин-шах принял решение пригласить русских военных специалистов для организации отборного кавалерийского подразделения.

Источники и литература

1. Бларамберг И. Ф. Воспоминания / И. Ф. Бларамберг. – М. : Наука, 1978. – 355 с.
2. Гоков О. А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878 – 1895): по русским источникам / О. А. Гоков. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. – 418 с.
3. Домонтович А. Воспоминание о пребывании первой Русской военной миссии в Персии. Первая поездка в Тегеран / А. Домонтович. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1908. – №2. – С. 331 – 340.
4. Домонтович А. Воспоминание о пребывании первой Русской военной миссии в Персии. Первая поездка в Тегеран / А. Домонтович. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1908. – №3. – С. 575 – 583.
5. Золотарёв А. М. Военно-статистический очерк Персии. Курс Николаевской Академии Генерального штаба. / А. М. Золотарёв. – СПб. : типо-лит. А.Е. Ландау, 1888. – 207 с.
6. Красняк О. А. Русская военная миссия в Иране (1879 — 1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России // Интернет-ресурс [Б. м.]. URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf (дата обращения: 24.04.2023).
7. Ларин А. Б. Участие России в модернизационной программе Ирана в конце 30-х – 40-е гг. XIX века // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2013. – №1. – С. 110 – 116.
8. Персия // Военно-статистический сборник / составлен под общю редакцию Г. Ш. генерал-майора Н. Н. Обручева, управляющего делами Военно-учёного комитета и профессора военной статистики. – СПб. : Военная тип., 1868. – Выпуск III. – С. 1 – 33.
9. Тер-Оганов Н. К. К истории формирования регулярной армии в Каджарском Иране // Проблемы востоковедения. – 2014. – №4 (66). – С. 87 – 94.
10. Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада. 1879 – 1921 гг. / Н. К. Тер-Оганов. – М. : Институт востоковедения РАН, 2012. – 352 с.
11. The Cambridge History of Iran: Vol. 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic / ed. by P. Avery, G. Hambly, Ch. Melville. – Cambridge:

Cambridge University Press, 2008. – 1072 p.

A. Arzani

University of Isfahan, Isfahan, Islamic Republic of Iran

RISING ABOVE FACTORS PREVENTING IRAN'S EURASIAN INTEGRATION

Annotation. *Due to circumstances surrounding the war in Ukraine and the JCPOA revival, Iran and Russia are increasing cooperation and activating dormant trade agreements. This article examines the key factors that need to be addressed to align Russo-Iranian interests towards a mutually beneficial partnership and create a strong and sustainable economic relationship. To achieve this, confidence building measures among Iran's economic non-state actors are necessary, as well as coordination on high level matters like energy diplomacy, export markets, and geopolitical obstacles.*

Key words: Iran-Russia Relations, Regionalism, Economic Convergence, EAEU, INSTC.

1. Introduction.

Regionalism has gained renewed impetus in recent years due to various events, including the COVID-19 pandemic, US-China competition, and the war in Ukraine. The dim prospects for reviving the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) has made Iran's leadership switch to a second rail in its foreign policy which is neighborhood policymaking. Against this backdrop, Iran and Russia have increased their cooperation, activating dormant trade agreements and seeking out new areas of cooperation. This paper aims to examine the factors that hamper further alignment of Russo-Iranian interests and their implications for Eurasian regionalism while offering suggestions to overcome the challenges.

The paper identifies low and high factors that have negatively impacted the growing economic ties between Iran and Russia. The low factors include structurally similar economies, public skepticism, two-tiered exchange rates, and negative public image, while the high factors include regional crises and competition over export markets. To enhance confidence in Russo-Iranian ties, immediate actions such as providing tangible gains, engaging the private business sector, and fulfilling previous commitments can be pursued. The success of Iran's neighborhood policy and Russia's efforts in courting Iranian businesses will define the quality of this relationship, which remains an important point for the integration of Iran in a large pan-regional project.

2. Methodology.

This study employs a qualitative research design that utilizes deductive reasoning. The deductive approach involves developing a hypothesis based on existing theories and knowledge on Iran-Russia convergence, followed by testing this hypothesis in-line with our conceptual framework of Regionalism. To conduct the study, relevant data will be collected from various sources including academic articles, government reports, and media sources. The data will then be interpreted using qualitative analysis. The theoretical framework of the study is based on a theory of Regional Integration and Economic Development [1].

3. Literature Review.

The literature on regional cooperation between Iran and Russia has grown significantly in recent years. Scholars have explored the reasons behind the flourishing economic, political, and military cooperation between Iran and Russia, as well as the challenges and opportunities that come with it. But first the theoretical framework utilized in forming this study's hypothesis will be explained.

Mistry's theoretical framework argues that in previous regionalism efforts Free Trade Agreements (FTA) had shown limited tangible advantages, leading to a decrease in political backing for their continuity and where successful these regional integration arrangements were perceived as inequitable by the less-developed member countries [1]. Failures were attributed to improper sequencing, poorly chosen tools, and inadequate structures but in New Regionalism, measures have been taken to have a more outward looking approach and maintain the competitiveness of the region [1]. Mistry emphasizes the need for regional cooperation frameworks to be grounded in pragmatic and achievable economic objectives, rather than lofty political ideals or notions of solidarity [1].

A comprehensive rationale needs to be adopted that considers less ambitious forms of economic cooperation in the short term, with the ultimate aim of achieving closer integration in the long run such as how the INSTC is being operationalized. The success or failures of regional integration rests upon political will and commitment which are invariably also linked to the accuracy of perceptions concerning the costs and benefits of such integration that encompass not only economic aspects but also political considerations [1]. Importantly, these perceptions are not just limited to the technocratic elite but should also include the public at large to facilitate the full backing of the society. It is imperative for individual member states to be persuaded that the pursuit of enhanced regional integration will provide more effective solutions to their domestic economic, political, and social challenges compared to its absence [1].

Iran-Russia commodity trade has been on the rise, overall trade worth \$4.9

billion reported for 2022 which is hoped to reach \$40 billion in the future [2]. In 2021, Iran-Russia trade was valued at \$3.68 billion, while Russia's total trade was around \$570 billion of which Türkiye (close neighbor of Iran) had a \$30 billion annual share indicating lackluster interest in trade with Iran which this paper has identified as a trade cap given financial restrictions imposed on Iran [2]. During the Iranian fiscal year of 1401 (from mid-March 2022 to mid-March 2023), Russia became Iran's highest investor with \$2.76 billion in foreign direct investment [3]. This significant increase in investment has led to a diversification of Iran-Russia trade in engineering, technical, and agricultural sectors. However, concerns have been raised about transparency in investment figures, reflecting the ambiguity of the relationship [4].

One of the main factors driving the Iran-Russia regional cooperation is the need to diversify their trade and reduce their dependence on Western markets in reaction to the wide-ranging sanctions. As such, Avdaliani argues that due to geopolitical trends, the Iran-Russia relationship will inevitably be pushed towards mutually advantageous economic cooperation [2]. Alternatively, several scholars caution that the burgeoning relationship is beset by many conflicts of interest that will take time to solve during which wedge issues may arise for the west to exploit and slowdown the linking of interests and activities [5, 6, 7, 8].

In addition to economic factors, political considerations also play a significant role in the Iran-Russia regional cooperation. Some scholars argue that the two countries share a common vision for promoting multipolarity in the region and countering US hegemony while being at odds over the future trajectory of the Middle East [6]. Newly published leaked documents on Discord also highlight the role of Iran and Russia in supporting the Syrian government and maintaining stability in the region by challenging US influence in the country [9].

Despite the potential benefits of full-on Iran-Russia convergence, there are several challenges and considerations that need to be addressed to make it a reality. Scholars have pointed out that there is still a significant level of skepticism and lack of confidence among both Iranian and Russian businesses and investors, which hinders the implementation of joint projects [8, 10]. For instance, the opening of VTB bank in Iran received much media adoration and attention in Iran media that later fizzled out when the head of the institution Andrey Kostin clarified that it is merely a representative office [8]. Similar issues of enthusiasm exist on the Iranian side with the Tehran Chamber of Commerce reportedly having told the Iranian business community to be cautious while dealing with Russia [10]. Furthermore, Russia's negative public image in Iran, stemming from historical trauma and perceived betrayals in supporting the UAE's claim over Iran's territorial integrity, presents a challenge [11, 12]. Cultural exchanges are suggested to address this issue

and facilitate deeper ties beyond the military aspect.

Overall, the literature on Iran-Russia regional cooperation suggests that while there are many opportunities for collaboration, there are also significant challenges that need to be addressed. This paper aims to contribute to the literature by analyzing the main factors that contribute to Iran-Russia regional cooperation, the potential gains and obstacles that need to be addressed, and promoting bottom-up diplomacy to ease the adaptation of Iranian society to Eurasian integration.

4. Rising Above the Obstacles

The implications of the factors hindering Iran's Eurasian integration are crucial for developing realistic expectations and formulating necessary policies to overcome them. The previously mentioned low and high factors encompass security, economic, and political aspects which underscore the importance of addressing internal bureaucratic challenges and fostering mutual understanding with neighboring countries, especially those with political disagreements. By recognizing and proactively managing these challenges, Iran and Russia can pave the way for a more effective and successful Eurasian regional integration arrangement.

5. Regional Security

The requirements of regionalism are just starting to be taken seriously which has highlighted the role of some actors that are shaping their own regional order (Middle Corridor) to impede Eurasian integration. All the while, the Middle East region is undergoing a phase of de-escalation and re-engagement to link up collective economic interests but this development does not preclude the geopolitical concerns that can hamper economic integration. The deteriorating relationship between Iran and Azerbaijan is a prime example of this complex geopolitical situation.

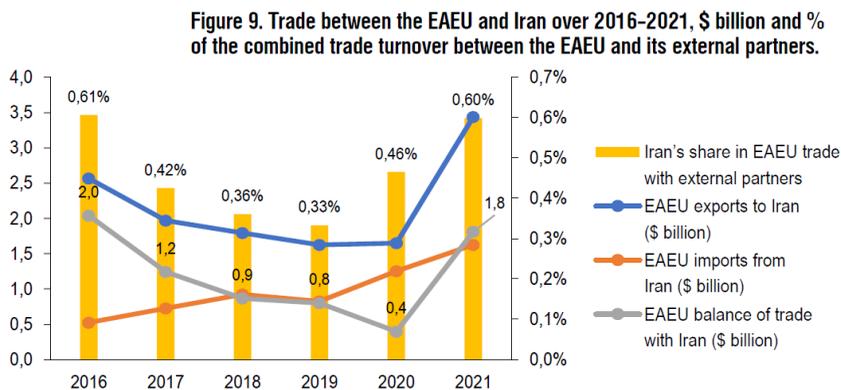
Azerbaijan acts as a key node of the west route for the INSTC but the unpredictability of tensions between Armenia and Azerbaijan over the Zangezur corridor –fencing off Iran from its land connection with Armenia– and the broader rivalry Iran has with Turkey and Israel have complicated the establishment of the last railway connection in this important transit route [13]. Given how much more efficient transit through this route is –as opposed to the trans-Caspian and East route– significant diplomatic efforts by Iran and Russia should be taken to resolve the thorny issue of the Nagorno-Karabakh dispute so that the west route can be reliably used for trade with the EAEU and destinations beyond the Persian Gulf[14].

Iran's full membership in the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), also reveals several nuances in terms of the security dimension of regionalism in Eurasia. While the organization's primary focus is on security rather than economic, this opportunity lends itself to Iran's arms industry exports [15]. Iran and Russia's

sensitivity to US and NATO presence in Central Asia is another point of mutual interest in regional security which pairs well with their side-projects of combating drug trafficking and providing energy security [16]. In addition to the military boost Iran’s membership provides to the SCO’s three missions, it shares civilizational roots with some of the member states which will be a great boon in strengthening social and cultural ties between the peoples to form a norms-based order [17].

6. Eurasian Economic Integration

Iran and the EAEU are in the final stretch of implementing a Free Trade Agreement which is said to go into effect by late September 2023 [18]. While the challenges in bilateral trade between Iran and Russia –particularly in terms of the two tiered exchange rate– are indicative of a temporary cap [19], the inclusion of Iran as trade partner of the EAEU will turn the tide for Iran especially if it is able to provide the necessary transit route for Central Asian states to reach either the Persian Gulf or Türkiye. Figure 1. from a recent report on EAEU’s performance shows that Iran has been able to steadily recoup lost trade to \$5.1 billion which spells positive developments once the FTA is implemented [20].

Source: Compiled by the authors using the EEC data¹²²

Figure 1 – Iran-EAEU Trade Picking Up After 2019

Kaleji identifies several problems which need to be addressed if Iran and the EAEU are to maximize the full benefit of the FTA [21]. Lack of financial mechanisms outside of exchange offices to settle transactions; inadequate rail infrastructure to quickly move cargo to Russia seeing as it constitutes 80% of Iran’s

trade with the EAEU which can be solved by completing the INSTC; Trade volume mismatch with land and sea capacities available, for example the quantity of trucks and wagons equipped with refrigerated containers falls short of meeting the substantial demand for transporting agricultural and livestock products between Iran and EAEU; in terms of maritime transfers low number of shipping fleets, bad scheduling, offloading and customs clearance impact low trade volumes; the final issue is information asymmetry member states have that leads to unrealistic expectations which can be easily remedied by accurate media reporting, hosting of expos, and cooperation between chambers of commerce [21].

7. Iran and Russia's Commitments

The Ukraine conflict, substantial Western sanctions on Russia, the Iran-EAEU PTA, and growing trade and transit between Russia and India have heightened the importance of the INSTC compared to previous times since not only has it reduced transit time by 40% (around 24 days from 40) but also reduced shipping costs by 30% with the sea route [22, 3]. Both sides are committed to this project –especially Russia– as it offers a sanction proof corridor to reach target markets, making it an investment with a considerable return [23].

The rail project is estimated to be completed within 3 years with work set to begin from 2024 and will connect to the railway of Azerbaijan's Astara [24]. A senior figure involved in the construction of the Rasht-Astra rail has also commented on the environmental difficulties of cutting across vast fields and the need to design intricate bridges which stand to complicate the timetable further even though the necessary funds to initiate the project have now been secured [25].

But might the Iran-Russia partnership experience a Sino-Soviet Split moment? The current convergence seems to be based on a shared threat perception and focused more on a political-security level thus foregoing commercial logic [6]. Sariolghalam [26] diagnoses Iran's eastward move as being motivated by three reasons 1) refusal to concede to US pressure 2) prioritizing security over economic development 3) state continuity in a sensitive juncture of leadership transition; so it appears unlikely that Iran or Russia would sacrifice one another for the good graces of the West.

8. Conclusion

This article explored the increasing cooperation and activation of dormant trade agreements between Iran and Russia in the current regional and global context. Through a descriptive method, we analyzed the low and high factors affecting this relationship, including structurally similar economies, skepticism, negative public image, regional crises, and export markets. It remains unclear whether Iran and

Russia will be able to materialize the signed agreements to prove the naysayers wrong and show that the political establishment of both countries have reached the conclusion that only through compromise, negotiation, and trust building can they withstand the pressures deployed by Atlanticist forces.

Despite the challenges, Iran and Russia have made progress in diversifying their trade in engineering, technical, and agricultural sectors, with investment in ambitious energy and transit projects together with Iran's status with EAEU being upgraded to an FTA which will positively affect trade volumes. However, there are concerns about the feasibility of energy upgrade proposals and gas swaps, which require enhanced banking, trade, and transportation infrastructure and underpin the distrust among Iran's energy sector that Russia may not be willing to upgrade Iran's energy capacity only for it to have more market share [2]. This relationship not only has to overcome the challenges of its time and past shortcomings but also needs to operate in a way so as to plan long term for any unforeseen changes within leadership ambitions and shifting regional power balance.

In conclusion, the current regional and global context suggests that increased cooperation is necessary and mutually beneficial even at the cost of temporary setbacks in pursuit of deeper ties. By addressing the high and low factors influencing this relationship and Moscow giving Iran more room to participate in regional dynamics –not just share the burden of close relations with Russia– Iran and Russia have the potential to strengthen their ties and shape regional policies in the South Caucasus, Central Asia, and redefine regional equations by operationalizing the SCO and EAEU. Delivering such a massive win in terms of both diplomatic and material gains will make it easier for the Iranian state to justify its ever increasing integration with the east and foster an authentic, enthusiastic public base for this eastward shift. In the absence of results in formation of practical East-centered regional institutions, the country's elite will be forced to revise its doctrine and adopt policies that would not be conducive to Eurasian integration having exhausted that option.

Sources and Literature

1. Mistry P. Regional Integration and Economic Development – in *The New Regionalism and the Future of Security and Development*. – London : Palgrave Macmillan, 2000 – P. 26-49.
2. Avdaliani E. Russia and Iran – 2023 Bilateral Trade and Investment Dynamics – April 2023 // *Russia Briefing*. – Russia, 2023. – URL: <https://www.russia-briefing.com/news/russia-and-iran-2023-bilateral-trade-and-investment-dynamic.html/> (access date: 10.06.2023).
3. Iran & Russia: Gyration Trade Grows – May 2023 // *The Iran Primer*. –

- Washington, 2023. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/may/18/iran-and-russia-gyrating-trade-grows> (access date: 10.06.2023).
4. The Challenge of Russian Oil – November 2022 // Iranian Students' News Agency. – Tehran, 2022. – URL: www.isna.ir/xDMHYG (access date: 10.06.2023).
 5. Rome H. Iran & Russia: Growing Economic Competition – July 2022 // The Iran Primer. – Washington, 2022. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2022/jul/18/iran-russia-growing-economic-competition> (access date: 10.06.2023).
 6. Vatanka A., Divsallar A. Can the West Stop Russian-Iranian Convergence? – April 2023 // Middle East Institute. – Washington, 2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/can-west-stop-russian-iranian-convergence> (access date: 10.06.2023).
 7. Azodi S., Mahmoudian A. Iran's historic interdependence with Russia takes a turn over Europe – March 2023 // Quincy Institute for Responsible Statecraft. – Washington, 2023. – URL: <https://responsiblestatecraft.org/2023/03/28/irans-historic-interdependence-with-russia-takes-a-turn-over-europe/> (access date: 10.06.2023).
 8. Mahmoudian A. Economic incompatibility limits Russia-Iran ties – July 2023 // Stimson Center. – Washington, 2023. – URL: <https://www.stimson.org/2023/economic-incompatibility-limits-russia-iran-ties/> (access date: 16.07.2023).
 9. Warrick J., Hill E. Iran plans to escalate attacks against U.S. troops in Syria – June 2023 // The Washington Post. – Washington, 2023. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/06/01/discord-leaks-iran-russia-syria/> (access date: 10.06.2023).
 10. Timofeev I. Does Russia Have 'Black Knights'? – March 2023 // Valdai Discussion Club. – Moscow, 2023. – URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/does-russia-have-black-knights/> (access date: 10.06.2023).
 11. Abedi A. Iran-Russia «Strategic» Relations; yes or no! – November 2017 // Etemad Daily. – Tehran, 2017. – URL: <https://www.etemadnewspaper.ir/fa/main/detail/90772> (access date: 12.07.2023).
 12. Koolae E. A Return to Negative Balancing Strategy – July 2023 // Etemad Daily. – Tehran, 2023. – URL: <https://www.etemadnewspaper.ir/fa/main/detail/203285/> (access date: 12.07.2023).
 13. Vatanka A. Iran, Turkey, and the future of the South Caucasus – May 2022 //

- Middle East Institute. – Washington, 2022. – URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus> (access date: 10.06.2023).
14. Kaleji V. The complex web of interdependence and threat balancing that prevents war between Iran and Azerbaijan – April 2023 // Middle East Institute. – Washington, 2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/complex-web-interdependence-and-threat-balancing-prevents-war-between-iran-and> (access date: 10.06.2023).
 15. Kaleji V. What Will Iran’s SCO Membership Mean for Security Arrangements in Central Asia? – July 2023 // The Jamestown Foundation. – Washington, 2023. – URL: <https://jamestown.org/program/what-will-irans-sco-membership-mean-for-security-arrangements-in-central-asia/> (access date: 13.07.2023).
 16. Azizi H. Analyzing Iran’s Security Ties with Central Asia Based on the «Regional Security Complexes» Theory – April 2018 // Central Eurasia Studies. – 2018. – Vol 11, No. 1. – P. 157-175.
 17. Tishehyar M. Why is Iran’s Membership in the Shanghai Cooperation Organization Important? – December 2022 // Valdai Discussion Club. – Moscow, 2022. – URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/why-is-iran-s-membership-in-the-shanghai/> (access date: 10.06.2023).
 18. Iran-EAEU FTA to go operational by late September – January 2023 // Tehran Times. – Tehran, 2023. – URL: <https://www.tehrantimes.com/news/481027/Iran-EAEU-FTA-to-go-operational-by-late-September> (access date: 10.06.2023).
 19. Smagin N. An inside look at the breaks on Iran-Russia trade ambitions – March 2023 // Amwaj Media. – [S. 1.], 2023. – URL: <https://amwaj.media/article/an-inside-look-at-breaks-on-iran-russia-trade-ambitions> (access date: 10.06.2023).
 20. EAEU Development 2022+: Strategic Objectives and Demands of the Times – July 2023 // RIAC. – Moscow, 2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/ea-eu-development-2022-strategic-objectives-and-demands-of-the-times/> (access date: 15.07.2023).
 21. Kaleji V. Iran and Eurasian Economic Union Negotiations: Upgrading EAEU-Iran Preferential Trade Agreement into a Free Trade Agreement – January 2022 // RIAC. – Moscow, 2022. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/middle-east-policy/iran-and-eurasian-economic-union-negotiations-upgrading-eaeu-iran-preferential-trade-agreement-into-/> (access date: 10.06.2023).
 22. Kaleji V. Iran and Russia Cooperation in the Construction of Rasht-Astara:

- The Only Remaining Railway of the INSTC – March 2023 // Valdai Discussion Club. – Moscow, 2023. – URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/iran-and-russia-cooperation-in-the-construction/> (access date: 10.06.2023).
23. Tirone J., Motevalli G. Russia and Iran Are Building a Trade Route that Defies Sanctions – December 2022 // Bloomberg. – New York, 2022. – URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2022-russia-iran-trade-corridor/> (access date: 10.06.2023).
 24. Iran, Russia sign contract to start railway project – July 2023 // Iran Chamber of Commerce. – Tehran, 2023. – URL: <https://en.otaghiranonline.ir/news/44827> (access date: 10.06.2023).
 25. Deal With Russia on Completing Rasht-Astara Railroad Likely – May 2023 // Financial Tribune. – Tehran, 2023. – URL: <https://financialtribune.com/node/117970> (access date: 10.06.2023).
 26. Sariolghalam M. Diagnosing Iran’s emerging pivot toward Russia and China – June 2023 // Middle East Institute. – Washington, 2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/diagnosing-irans-emerging-pivot-toward-russia-and-china> (access date: 10.06.2023).

А.С. Варакина

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

ИРАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ГРАНИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. *В статье анализируются ирано-российские отношения. Государства на протяжении XVI-XXI веков то были странами-соседями, то не имели общей границы, именно поэтому двусторонние связи двух держав можно рассмотреть в рамках теории граничных конфликтов. Автором этой концепции является профессор международных отношений Джеральд Ратнер. Таким образом, в аналитической работе выявлены исторические периоды, когда государства находились в союзнических отношениях, а когда переживали кризисные этапы.*

Ключевые слова: Россия, Иран, двусторонние отношения, теория граничных конфликтов, сотрудничество, дипломатия, территориальные споры.

Россия и Иран – крупные игроки на международной арене, которые в течение многих веков оказывают значительное влияние на мировые политические процессы. Государства имеют богатый опыт двустороннего взаимодействия в экономической, социальной, культурной и других сферах общества. В течение пяти веков, начиная с XVI столетия, державы находятся в постоянных дипломатических отношениях. За это время Россия и Иран то имели общие границы, то не являлись странами-соседями. Учитывая вышеизложенное, двусторонние связи двух государств можно исследовать сквозь призму теории граничных конфликтов, автором которой является профессор международных отношений Джеральд Ратнер. Согласно этой концепции, военные конфронтации возникают чаще всего между государствами, которые имеют между собой общие границы. Для того чтобы проследить, как развивались двусторонние отношения России и Ирана, нужно по отдельности рассмотреть исторические этапы взаимодействия двух стран.

1. Первые контакты между Россией и Ираном

Первый период истории развития двусторонних связей между Россией и Персией относится к XVI – XVIII вв. Как уже было отмечено ранее,

регулярные дипломатические отношения между двумя государствами были установлены в конце XVI в. Однако первые политические и торговые связи между отдельными владениями, находившимися на территории современных России и Ирана, были зафиксированы намного раньше, ещё в VIII-X вв. Сближению двух держав в XVI в. способствовали, во-первых, торгово-экономические интересы, а во-вторых, их соперничество с Османской империей. Таким образом, государства были вынуждены вместе противостоять общему врагу. В течение тринадцати лет, начиная с 1588 г., в Персию отправлялось четыре российских посольства. Это был ответ на предложение персидского шаха Мухаммеда Ходабенде на союз против османов, которые в 1586 году разгромили персидские войска. В результате, в 1588 году было организовано первое русское посольство в Персию во главе с московским дипломатом Григорием Васильчиковым. Перед русской делегацией стояла задача: подтвердить намерения персов уступить Баку и Дербент в случае освобождения их от войск Османской империи. Исходя из этого, следует отметить, что Московское государство выражало готовность оказать военную помощь Персии в обмен на получение ряда новых территории [1].

Переходя к XVIII в., важно упомянуть следующее. В 1723 г. после Каспийских походов Петра I было подписано Петербургское соглашение, по которому Российская империя обязывалась оказать военную помощь Персии в случае экспансии Османской империи. Взамен Россия получала под свой контроль территории на южном и западном берегу Каспийского моря, включая Дербент, Баку, Решт, а также провинции Ширван, Гилян, Мезендеран и Астрабад. Однако вскоре такое положение дел стало не устраивать саму Персию, и в 1735 г. Россия по русско-персидскому договору возвратила часть занятых территорий. В этом же году Российская империя и Персидское государство заключили договор о «вечном союзе».

Несмотря на достаточно тесное сотрудничество России и Персии в торговой, политической и культурной областях, этот период не обошёлся без вооружённых конфликтов. В 1651-1653 гг. из-за столкновения ряда интересов на Северном Кавказе, была развязана Русско-персидская война. Военная конфронтация закончилась подписанием мирного договора в Фарабате. Соглашение восстановило дружеские отношения двух стран.

Подводя итоги первого периода истории развития двустороннего взаимодействия, можно сказать, что в целом отношения России и Персии носили дружественный характер. Если и были какие-либо конфликты и споры, то все они носили исключительно территориальный характер. Более того, несмотря на войны, удалось сохранить тесные связи во многих сферах

общества. Это заслуга дипломатов двух стран, которые смогли выстроить двусторонние отношения на стабильный уровень.

2. Сближение России и Персии в XIX веке

Следующий этап относится к XIX в. Начало столетия характеризуются борьбой двух держав за влияние в Закавказье. Это противостояние привело к двум Русско-иранским войнам 1804-1813 гг. и 1826-1828 гг. Военные конфликты удалось урегулировать путём успешных дипломатических переговоров. Таким образом, в 1828 году был подписан Туркманчайский мирный договор, на котором основывались русско-персидские отношения вплоть до 1917 года [2]. В подписании этого соглашения стоит отметить роль А.С. Грибоедова, русского поэта, прозаика и дипломата, который во время войны активно участвовал в переговорах с персидскими представителями, а также разработке выгодных для России условий Туркманчайского договора. Он выполнял обязанности редактора протоколов конференции, что позволило ему внести некоторые важные уточнения в текст мирного трактата. Русско-персидский конфликт (1826-1828 гг.) стал последним военным столкновением между Персией и Россией.

Со второй четверти XIX века наблюдается заметное сближение Российской империи и Персии в политической, экономической, военной и образовательной областях. В этот период между Великобританией и Россией велась борьба за сферы своего влияния в Закавказье. При этом Российское государство проводило в этом регионе политику, направленную на поддержание союзнических отношений с персидским правительством, что нельзя сказать про Великобританию. Так, русские войска оказали помощь Персии во время осады Герата в 1837-1838 гг., в то время как Великобритания встала на сторону Афганистан в этой борьбе. Несмотря на то что одержать победу не удалось, Мохаммед-шах высоко оценил помощь Российского государства. Уже в 1846 году иранский правитель заключил с Россией договор, по которому та получила широкие торгово-промышленные права, а также право держать постоянные военные суда в персидских портах Астрабад и Решт. Более того, в Крымской войне 1853-1856 гг. Насреддин-шах оказал России военную помощь. В Русско-турецком конфликте 1877-1878 гг. Персия также встала на сторону Российского государства, угрожая турецким войскам, расположенным в Багдаде, на тот момент территории Османской империи [3].

Таким образом, XIX век в целом характеризуется налаживанием двусторонних отношений между двумя государствами. Не обошлось, однако, без территориальных споров между Россией и Персией, странами, которые на

тот момент имели общую границу на Кавказе.

3. Динамичный XX век

XX век отличается высокой динамичностью российско-иранских отношений. После поражения в Русско-японской войне 1905-1906 гг. Санкт-Петербург был вынужден пойти на сближение с Великобританией, и в 1907 году заключил с ней соглашение о разделе сфер влияния. Этот договор вызвал глубокое возмущение всех слоев персидского общества, и именно с этого момента наблюдается охлаждение в отношениях между Российской империей и Персидским государством. После Октябрьской революции 1917 года в России двустороннее сотрудничество вновь активизируется. Тогда Персия одна из первых признала новое правительство, выражая уверенность в улучшении отношений между странами. К тому же Персидское государство, находившееся на тот момент под сильнейшим влиянием британских колонизаторов, рассчитывало на помощь от Советской России. Новое большевистское руководство сразу же аннулировало все неравноправные договоры, которые ущемляли права Персии. Так, Совет Народных Комиссаров провозгласил, что «договор о разделе Персии порван и уничтожен»[4].

В течение около 25 лет Советская Россия и Иран сохраняли достаточно тесные отношения в торговой, культурной и финансовой сферах. Однако с 1930-х годов иранский правитель Реза-шах стал отходить от союза с СССР к сближению с Германией. Иран для Гитлера представлял в перспективе особую ценность, так как канцлер Третьего Рейха стремился превратить это государство в своего сателлита. Планы Гитлера разрушили СССР и Великобритания, которые 25 августа 1941 года ввели свои войска на территорию Ирана. В результате, в сентябре того же года Реза-шах отрёкся от престола в пользу старшего сына, а также немецкие войска были вывезены из Ирана. 29 января 1942 года СССР, Великобритания и Иран подписали союзный договор против гитлеровской Германии. Таким образом, Советский Союз и Британия обязывались «...защищать Иран всеми имеющимися в их распоряжении средствами против всякой агрессии со стороны Германии или любой другой державы». Для этого СССР и Англия по договору получили право «...содержать на иранской территории сухопутные, морские и воздушные силы в таком количестве, в каком они считают необходимым» [5].

До 1980-х годов советско-иранские отношения оставались неустойчивыми, характеризовавшиеся то охлаждением, то некоторым потеплением. Между Советским Союзом и Ираном существовали территориальные притязания на границе в Азербайджане и Туркмении. Эти

споры не привели к военному конфликту, однако сильно испортили отношения двух стран.

4. Начало нового тысячелетия

На рубеже XX-XXI веков произошла трансформация в российско-иранских отношениях. После распада в 1991 году СССР, когда разрушилась общая граница между Исламской республикой Ираном и Российской Федерацией, вновь стали улучшаться двухсторонние связи в экономической, военной, политической, культурной и технической областях. 12 марта 2001 года был подписан Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран.

В настоящее время Россия и Иран близки как никогда. Сближению двух государств способствуют общие взгляды на глобальные проблемы. Так, обе страны выступают против гегемонии Запада в пользу скорейшего перехода к многополярному миру. Сейчас мы можем наблюдать активное сотрудничество на высшем и высоком уровнях. В январе 2022 года президент Ирана Эбрахим Раиси приехал в Москву, где провёл переговоры с В.В. Путиным. На встрече был достигнут ряд договорённостей по вопросам двухстороннего взаимодействия в торгово-экономической сфере. Главы государств обсудили региональные и международные темы, а также проблематику выполнения Совместного всеобъемлющего плана действия по иранской ядерной программе (СВПД).

К марту 2022 года Россия стала мировым лидером по количеству введённых против неё санкций, обойдя Иран, который подвергается давлению со стороны США почти полвека. Таким образом, общая проблема санкций ещё больше сплотила государства и привела к тесному экономическому сотрудничеству. В июле того же года российский президент В.В. Путин посетил с рабочим визитом Тегеран. Глава государства провёл не только трёхсторонние переговоры с Турцией и Ираном, но и двухсторонние встречи с лидером Исламской республики, в ходе которых он особо отметил позитивную динамику в отношениях двух стран. Во время общения с журналистами по итогам саммита В.В. Путин подчеркнул, что за последние полгода товарооборот между Россией и Ираном вырос на 40%. К тому же, при встрече удалось обсудить и ряд других вопросов, касающихся международной безопасности, урегулированию сирийского конфликта, развитию инфраструктуры, в частности создание транспортного железнодорожного маршрута Север – Юг и т.п.

Успешное развитие российско-иранских отношений не ограничено

двухсторонним взаимодействием. Государства совместно с другими державами принимают участие в международных конференциях и саммитах. Так, 13-14 апреля 2023 года в Самарканде прошла встреча глав МИД России, Ирана, Китая и Пакистана, где представители стран обсудили дальнейшие шаги по содействию афганскому политическому урегулированию и стабилизации социально-экономической и гуманитарной ситуаций в этом государстве. 25 апреля 2023 года, в Москве состоялись четырёхсторонние переговоры министров обороны России, Ирана, Сирии и Турции. Обсуждалось укрепление безопасности в Сирии, нормализация сирийско-турецких отношений. 10 мая 2023 года в Москве прошла встреча глав МИД России, Ирана, Сирии и Турции в Москве, на которой представители государств обсудили дорожную карту по нормализации отношений Анкары и Дамаска и в целом ситуацию в Сирии.

В итоге, можно сделать вывод, что, в целом, отношения России и Ирана были и остаются союзническими. Несомненно, за пять веков не удалось обойтись без военных конфликтов, но большинство из них носило исключительно территориальный характер. Сейчас же, в XXI веке, когда государства не являются странами-соседями, двусторонние отношения стремительно развиваются. В перспективе ожидается дальнейшее укрепление сотрудничества двух государств в экономической, геополитической, военной областях, а также в сфере международной безопасности. Таким образом, пример развития российско-иранских отношений подтверждает теорию граничных конфликтов.

Источники и литература

1. Громов А.Б. Иран. От Кира Великого до Аятоллы Хомейни. /А.Б. Громов. – М. : ООО «Садра», 2022. – 536 с.
2. Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX - начало XX века). – 1-е изд. – М.: Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения; [отв. ред. Н. М. Мамедова], Ключ-С, 2010. – 272 с.
3. Сближение России и Персии в XIX веке – Октябрь 2016 // Военное обозрение. – [Москва], 2016. – URL: <https://topwar.ru/101774-sblizhenie-rossii-i-persii-v-xix-veke-po-materialam-rgvia-i-dosovetskikh-izdaniy.html?ysclid=lg99qvdkfw384951451> (дата обращения: 20.04.2023)
4. Из обращения Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». 20 ноября 1917 г. // Декреты советской власти. –1957. – Т.1. – С. 113-115.
5. Дипломатический словарь : в 3 т.. Т. 1 / гл. ред. А. А. Громыко [и

др.] – 4-е изд., перераб. и доп.. – М. : Наука, 1984. – 421 с.

A. M. Moghani

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Islamic Republic of Iran

IRAN-RUSSIA RELATIONS DURING 18TH AHD 19TH CENTURY: REALISM PERSPECTIVE

Annotation. *Over centuries Iran and Russia have experienced ups and downs in their relations. The research aims to answer the question of which factors affected Iran-Russia relations during the 18th and 19th centuries. This study takes a historical and comparative approach to analyzing the relations between the two countries. The theoretical framework of the analysis is based on realism and Mackinder's geopolitics theory. The findings show that the significant factors in Iran-Russia relations are geopolitics, central government, common threats, human behaviors, and trade agreements.*

Key words: Iran, Russia, Realism, Heartland theory, political relations.

1. Introduction.

Studying history helps us better understand how things came to be as they are today. Using lessons from history not only allows us to understand our past but also allows us to avoid mistakes and create a better future for the next generation. Therefore, studying the history of relations between Iran and Russia will help shape the future relations between the two countries in the modern world and regional challenges.

The official Iran-Russia relationship dates back to time the Russian troops who conquered the Kazan and Astrakhan khanates, constructed the Volga-Don Canal, and connected the Caspian Sea to the Sea. In this regard, Moscow served as the hub for Iranian commerce in Europe. This process was a turning point at the beginning of Iran-Russia relations.

Due to the large number of publications about Iran-Russia relations, it is necessary to review previous works. Kajbaf et al. (2018) have written an article about Iran and Russia relations during the Safavid empire. The research objective of the study is to investigate the reasons for the non-development of the relations between Iran and Russia during the Safavid era. They concluded Iran-Russia relations did not achieve a fruitful level during the Safavid empire due to the internal tension and decline of Iran's power in the late years of the Safavid government [1. T. 10. S. 2]. Gapurov et al. (2020) have written an article about Iran-Russia relations in the late 18th century. They analyzed Iran-Russia relations during Zand and Qajar dynasties. They concluded that in the second half of the 19th century when Russia

conquered the Caucasus and Central Asia, Britain, France, and some other European countries had a strong position in Iran, but Russia had only minor economic relations with Iran [2. T. 1. S. 1764]. Mirheydar and Rasti (2012) analyzed the competition between Britain and Russia regarding the east of Iran during the Qajar dynasty. The research objective is to investigate the function of the Qajar government toward Russia and Britain. They concluded Qajar government was traditional and tribal, and the structure of the government was weak; therefore, its policy toward Russia and Britain was vague during the Great Game [3. T. 44. S. 22]. Tarock (1997) wrote an article about Iran and Russia relations at the beginning of the third millennium. He concluded Iran-Russia rapprochement has several significant advantages for both countries. Numerous benefits can be gained from the cooperation between two countries, including economic, political, and cultural ones at the regional and global levels [4. T. 18. S. 208].

The study aims to investigate Iran-Russia relations during the 18th and 19th centuries to learn from the past to shape the future. The author uses a historical and comparative approach to analyze Iran-Russia relations. Furthermore, the research theoretical framework is based on realism and Mackinder's geopolitics theory. The theories help us analyze the geopolitical factors in Iran-Russia relations and the diplomacy of both countries together. The findings show that Iran and Russia had a complicated relationship during the 18th and 19th centuries. Several factors have influenced Iran-Russia relations, including the power of the central government, Geopolitics, a common threat, human behaviors, trade agreements, and the influence of third parties (such as Britain and France). Cooperation and competition have been characteristic of Iran-Russia relations over the centuries.

2. Theoretical framework

For a better understanding of the Iran-Russia relations during the 18th and 19th centuries, the author analyzes Iran-Russia relations based on Realism and Mackinder's Geopolitics theory. In the following, the author discusses the significant assumptions of Realism and the geopolitical theory of Mackinder.

3. Realism theory

Realism is a school of thought in International Relations (IR) that emphasizes the competitive and conflictual nature. Nation-states are the main actors in realism. As realism theory explains, a lack of legitimate power in the international system (anarchic situation) leads states to prioritize survival as a primary goal and self-help as the key to achieving it. Decision-makers are rational actors based on realism. An objective of decision-makers serves the nation's interests by pursuing logical decisions [5. T. 1. S. 55-56]. According to this theory, all leaders, regardless of their

political views, consider rational choices to manage the affairs of their states to survive. Thus, states must rely on their powers.

Realism takes a top-down approach to explaining foreign policy. Neoclassical realists combine realism assumptions to explain particular foreign policies. In offensive and defensive realism, the effects of the structure on foreign policy are discussed, but with differing assumptions about state behavior. Offensive realists' view, the power imbalance in a state's favor is the only way for that state to maximize its security. Defensive realists expect that states will pursue balancing policies. Furthermore, realism perceptions shifted from winning wars to avoiding wars as the primary goal [6. S. 1. T. 2].

4. Mackinder's geopolitics theory

Geopolitics deals with the effects of topography, space, position, climate, lands, seas, natural resources, and distribution of people, social institutions, and behavioral patterns within it. The concept of geopolitics is the struggle over control of geographical entities with a global and international dimension, as well as their use for political gains [7. S. 17. T. 4].

Mackinder's geopolitical theory is the starting point of geopolitical debates. He suggested that central territory of Russia was beyond the reach of sea power (Britain). He also believed that vast Eurasian land had an invulnerable "heartland" and that whoever controlled it would rule the world. Mackinder traditionally placed the Pivot at the center of the planet, which included river basins of the Volga, Yenisey, Amu Darya, and Syr Darya, as well as two seas (the Caspian and the Aral). The Heartland is strategically located in an advantageous area from a geopolitical standpoint [8. S. 1. T. 2-3]. Therefore, the country that dominates the Heartland region ultimately gains crucial political and economic power to govern the island and planet. In addition, he identified the "inner crescent," which corresponds to the Eurasian coasts. In this context, he refers to Europe and Southern, Southwest, and East Asia as the areas with the most intense civilizational development. In contrast, "outer crescent" included South and North America, Southern Africa, Britain, Japan, and Australasia, zones that were geographically far away from inner Eurasia [9. S. 5. T. 191]. In his later efforts, Mackinder rewrites his theory twice to account for changing geopolitical realities, which support his thesis that Eastern Europe is part of the Heartland [10. S. 36. T. 843].

5. Safavid Dynasty

During the Safavid empire, Iran-Russia relations expanded, and Thanks to the travel of ambassadors between Isfahan and Moscow facilitated the growth of commerce. In this regard, Artemy Petrovich Volynsky was appointed as the Russian

ambassador to Iran. A trade agreement was signed between Iran and Russia in 1717 when Volynsky served as ambassador to Iran. This agreement was decisive because it was the first formal bilateral agreement between the two countries. Based on this agreement, Russian merchants became significant players in the Iranian market, the Russian consuls were settled in Gilan and later in Shamakhi, and the contract was referenced as a basis for all future agreements by the end of the Zand dynasty [11. S. 1. T. 166].

The weakness of the central government of the Safavid empire during Shah Sultan Hussein's reign caused a significant change in the relations between Iran and Russia. Therefore, due to the Afghan attacks on Isfahan and the weakness of the Iranian central government, Peter the Great was able to penetrate the West (Baku, Salyan, and Lankaran) and South (Anzali and Rasht) shores of the Caspian Sea. In attacking Iran, Peter the Great had the following motives [12. S. 17. T. 591]:

- Safe trade route (Russia-India route through the Caspian Sea)
- Monitoring Iran's silk trade
- Upper hand in the Caspian Sea
- Preventing Ottoman Empire expansion to the East (Caucasus and Caspian Sea).

6. Afsharid Dynasty

As Nader Shah rose to power, Iran adopted a stricter policy toward the Russians. In other words, in the early years of Nader Shah's policy rule, he focused on the occupied territory evacuation from Russia. As a result of the Nader Shah's pressure and policy toward Russia, a treaty (Rasht) was signed between the two countries in 1732. In this regard, the provisions of the Rasht Treaty, included:

- Russians evacuate Gilan, Mazandaran, and Astarābād,
- Permission for the residence of the Russian consul in Gilan and Shamakhi
- The Russians pledged that in the case of evacuation of the Caucasian lands by the Ottomans, they would also transfer the lands to the north of the Kura River (Baku and Derbent) to Iran [13. S. 5. T. 96].

The Rasht treaty was approved by Empress Anna in April 1732, with her government declaring it binding. According to the Rasht Treaty, Empress Anna ordered Russian Generals on August 1733 to cooperate with Nader Shah and Caucasian peoples to fight against Ottoman Empire. Therefore, Iran started a war with the Ottomans under Nader Shah's rule. Meanwhile, the Russian army supplied Iranian forces with siege warfare equipment for the Ganja siege. During the siege of Ganja, Nader Shah negotiated with Russia's representatives about the Russian evacuation of the Iranian provinces in the South Caucasus [14. S. 1. T. 15]. Therefore, Russia withdrew from South Caucasus because they were faced with a

potential war with Western powers over the Poland crisis in Europe, and also, there was a chance Iran and Ottoman Empire became allies. According to the Ganja treaty in 1735, Baku and Derbent were evacuated to Iran, and the Soulak River in northern Dagestan was recognized as a border between the two empires [15. S. 1. T. 58].

Zand Dynasty

Iran-Russia relations entered a new era after the fall of the Afsharid dynasty, which we have termed the “Quiet encroachment of Russia in Iran”. Quiet encroachment refers to the policy toward Iran using economic, diplomatic, and social tools during the Zand Dynasty when the Central government of the Zand Dynasty was weak and did not consider northern Iran. Therefore, Russia was able to penetrate north of Iran at the lowest cost during Zand Dynasty. During Karim Khan Zand’s rule, Iran-Russia relations were at a low level, and his administration focused predominantly on southern Iran (Fars province) and the Persian Gulf [16. T. 1. S. 174].

6. Qajar Dynasty

Iran-Russia had complicated relation with together during Qajar dynasty over 19th century.

7. Agha Mohammad Khan

Agha Mohammad Khan Qajar came to power in 1794. He tried to unite all provinces of Iran because, during the Zand Dynasty, the central government did not consider much to northern Iran, and also Iran was stuck in anarchy. On the other hand, due to Georgia's strategic location and Orthodox Christianity, the country was the focal point of Empress Catherine’s policy toward the South Caucasus in opposition to Iran and the Ottoman Empire [17. S. 3. T. 327]. Furthermore, Georgian ports in the Black Sea could give a great advantage to the Russian navy. During Agha Mohammad Khan’s reign, Russia was threatened by the Ottoman Empire, Poland, and the French Revolution. Therefore, Agha Mohammad Khan attacked Georgia in 1795 (Battle of Krtsanisi), and he conquered Georgia. After two years, Georgia did not obey from central government. In 1797, Agha Mohammad Khan occupied Shusha and then wanted to attack Georgia, but he was killed in his tent [18. S. 50. T. 177].

8. Fath’ Ali Shah

When Fath’ Ali Shah was beginning his reign, he sought to improve Iran-Russia relations. Iranian peaceful suggestion was received by Tsar Paul, resulting in an amicable settlement of a number of issues [19. S. 2. T. 142]. Despite Minor improvements in Iran-Russia relations, peace between the two empires was

impossible to maintain absent the Persians' surrender of Georgia. The Caucasus, a region that had been a part of Iranian identity for centuries, was impossible to abandon for Persian Shahs wanted to govern the entire country. Thus, Fath' Ali Shah had to continue Agha Muhammad Khan's policy towards Russia for the whole country's unification. When Russian forces came to Georgia balance of power between the Caucasian Khanates was changed, including Azerbaijani, Persians, Georgians, and Turks Khanates. Therefore, an Iranian alliance with European states was contemplated since the Qajar government needed assistance against Russia [20. S. 1. T. 152].

Britain still sought to hold on to India and was alarmed by French efforts to enlist Iran as an ally against Russia and Britain. In this regard, Britain made a cooperation contract with Iran to prevent French influence in the Middle East. Due to the Anglo-Persian treaty, the Qajar government also refused Napoleon's alliance suggestion to support Iran against Russia [21 S. 50. T. 205-6]. However, Qajar's diplomatic activities were not affected by the Russian government.

Fath' Ali Shah and Abbas Mirza were hoping for an Anglo-Persian treaty. According to this agreement, England was committed to supporting Iran against the invasion of European countries. The Russia-Persia war began in 1804, and the Fath' Ali Shah lost hope of British assistance since Britain allied with Russia against the French [22. S. 1. T. 31].

Iran and Russia signed a peace treaty at the Gulistan village through the mediation of Britain in 1813. According to this treaty, Iran lost its Caucasian provinces: Qarabagh, Ganja, Shirvan, Baku, Georgia, and parts of Talish. In addition, only Russia was allowed to operate warships on the Caspian Sea, leaving the Persian coastal line defenseless to Russian attack. In 1826, After almost 12 years, the second war between Iran and Russia occurred. As a result, Iran and Russia's signed a new treaty at the Turkmanchai on 22 February. According to this agreement, Iran lost the khanates of Erivan and Nakhchivan [23. S. 11. T. 77].

9. Nasir al-Din Shah

It was a relatively peaceful period of Russo-Persian relations for two decades. During this era, Nasir al-Din Shah considered joining Russia against the Ottoman Empire, but Shah was dissuaded by Mirza Agha Khan from such a course. Then, Nasir al-Din Shah tried to make an alliance with London against Russia, but Britain was not interested in this alliance. After the defeat in Crimea, Russia focused on Central Asia. Then, the Russian army attacked the Khiva, Bukhara, and Quqand in Central Asia and built a great empire for the next generation at the heart of the continent. At the time, Russia pressured Naser al-Din Shah to sign the Akhal Treaty. According to this treaty, Iran's territory was ceded to the Russian Empire (i.e., the

Atrak River became the Iran-Russia border east of the Caspian Sea). Russia used the east of the Caspian Sea as a base to charge the east (like Afghanistan and India). Politically, Russians accessed India and constrained Britain, but economically, Russia gained a more consumer market and opened a trade route toward Southern Asia [24. S. 6. T. 65].

10. Conclusions

Iran-Russia had close relations during the Safavid dynasty. However, in the late of the Safavid reign, the relations between the two empires became complicated; because, at the same time, the central government in Russia, ruled by Peter the Great, was becoming strong. On the other hand, the central government in Iran suffered from weakness. Geography also played a significant role in their relations. According to the heartland theory of Mackinder, the South Caucasus, and Central Asia were becoming crucial regions in the relations between the two countries.

During Afsharid Dynasty, Iran-Russia relations experienced conflicts and cooperation. The most important events of this period include Russian movements to the south and occupation of Iranian parts, the construction of military bases in those areas, the signing of several settlements, withdrawal from Iranian-occupied territories by Rasht and Ganja treaties, and mad alliance against common threat (Ottomans empire).

After the fall of the Afsharid Dynasty and the resurgence of domestic crises, the Russian government, while developing trade with Iran as its former priority, also pursued a quiet encroachment policy in northern Iran. As a covert policy, it did not cause much disturbance to the Zand government, and its cost was much lower than military presence.

As Agha Mohammad Khan rose to power, it was apparent that he was willing to do anything to suppress the Russo-centric tendencies of local rulers. However, the conflict of interest between the two empires could not be postponed, as Catherine demonstrated in seizing the Caucasus and the Caspian Sea.

Catherine's death and her successor's peaceful policies only postponed the collapse of relations between the two governments and the Russo-Persian wars (1804–1813 and 1826–1828). Furthermore, During the Qajar Dynasty, due to the weakness of the central government of Iran, the country signed contracts with European Empires to overcome the threats of Russia, which did not have any results.

After the Caucasus War, Iran-Russia had peaceful relations until 1881. However, due to colonial competition between Russia and Britain in the Naser al-Din Shah reign, Russia focused on the east of the Caspian Sea region. Therefore, with Russia's pressure on the Qajar government, the Atrak River was determined as

the border between Iran and Russia (Akhal Treaty). Table (1) shows the summary of Iran-Russia relations during 18th and 19th centuries

Iranian dynasties	Iran Russia relations
Safavid Dynasty	Cooperation and balance diplomacy
Afsharid Dynasty	Stricter policy then cooperation policy
Zand Dynasty	Quiet encroachment policy of Russia toward Iran
Qajar Dynasty	Struggle and conflict

Sources and Literature

1. Kajbaf A. A. [and etc.]. The Study of Developments of Iran's Relations with Russia during Safavid Period // *Journal of Historical Researches*. – 2018. – Vol. 10, is. 1. – P. 1–18.
2. Gapurov S. A. Russian and Iranian Relations In The Last Third Of The 18Th Century / eds. by S. A. Gapurov, A. M. Sugaipova, R. A. Tovsultanov. – European Publisher, 2020. – P. 1763–1768.
3. Mirheydar D. Geopolitical Rivalries of Great Powers Centered on South East of Greater Iran and Function of Qajar Dynasty // *Human Geography Research Quarterly*. – 2012. – Vol. 44, is. 80. – P. 21-40.
4. Tarock A. Iran and Russia in 'strategic alliance' // *Third World Quarterly*. – 1997. – Vol. 18, № 2. – P. 207-224.
5. *Diplomatic Theory of International Relations* / eds. by P. M. Sharp. – New York, 2009. – P. 53–72.
6. Wivel A. Realism in Foreign Policy Analysis // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. – 2017. – P. 1-23.
7. Starr H. Joining political and geographic perspectives: Geopolitics and international relations // *International Interactions*. – 1991. – Vol. 17, № 1. – P. 1–9.
8. Chowdhury S.K. The Heartland Theory of sir Halford john Mackinder: Justification of Foreign Policy of the United States and Russia in Central Asia // *Journal of Liberty and International Affairs*. – 2022. – Vol. 1, is. 2. – P. 1–13.
9. Mirza N. M. Heartland, Rimland, and the Grand Chessboard Deciphering the Great Power Politics in Central Asia // *University of Wah Journal of Social Sciences*. – 2022. – Vol. 5, is. 1. – P. 187–204
10. Knutsen T. L. Halford J. Mackinder, Geopolitics, and the Heartland Thesis // *International History Review*. – 2014. – Vol. 36, № 5. – P. 835–857.
11. Crisis, Collapse, Militarism and Civil War: The History and Historiography of 18th Century Iran / eds. by G. Rashtiani. – New York. – 2018. – P. 163-182.
12. Magaramov S. A. Historiography of the Persian Campaign of Peter the Great

- 1722-1723 and its Results (to the 300th Anniversary) // History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. – 2021. – Vol. 17, № 3. – P. 581–605.
13. Sotavov N. A. The Circum-Caspian Areas Within the Eurasian International Relationships At the Time of Peter the Great and Nadir-Shah Afshar // Iran and the Caucasus. – 2001. – Vol. 5. – P. 93-100.
 14. Mirfendereski G. A Diplomatic History of the Caspian Sea: Treaties, Diaries and Other Stories / G. Mirfendereski. – New York : Palgrave Macmillan, 2001. – 261 p.
 15. Mojtahed-Zadeh P. Boundary Politics and International Boundaries of Iran: A Study of the Origin, Evolution, and Implications of the Boundaries of Modern Iran with Its 1 / P. Mojtahed-Zadeh. – Boca Raton-Florida : Universal-Publishers, 2007. – 372 p.
 16. Iranian Relations with Russia and the Soviet Union to 1921 // The Cambridge History of Iran Kazemzadeh, F. – New York, 1991. – P. 314–349.
 17. Morkva V. Unlocking the Caucasus for Empire: Roots, causes and consequences of the Russian annexation of the East Georgian kingdom of Kartli-Kakheti, 1801 // Cappadocia Journal of Area Studies. – 2021. – Vol. 3. – P. 152-172.
 18. Hambly G. R. G. Aqa Mohammad Khan and the establishment of the Qajar dynasty // Journal of the Royal Central Asian Society. – 1963. – Vol. 50, №. 2. – P. 161–174.
 19. Tsvetkova T. The Caucasian Politics of Paul I: A Pragmatic Continuity // Journal of Caucasian Studies (JOCAS). – 2017. – Vol. 2, №. 4. – P. 141–160.
 20. Bournoutian G. From the Kur to the Aras: A Military History of Russia's Move into the South Caucasus and the First Russo-Iranian War, 1801-1813 / eds. by G. Bournoutian. – Boston : BRILL, 2020. – 318 p.
 21. Cronin S. Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // Comparative Studies in Society and History. – 2008. – Vol. 50, №. 1. – P. 197–226.
 22. Farmanfarmaian R. War and Peace in Qajar Persia: Implications Past and Present / R. Farmanfarmaian. – New York: Routledge, 2015. – 234 p.
 23. Kawosi Iraqi M. H. A review of Golestan and Turkmanchai treaties and their consequences // Foreign Relations History Quarterly. – 2002. – Vol. 11. – P. 71-91.
 24. Adelfar A. The status of the eastern regions of the Caspian Sea in relation with Iran and Russia from Naser al-Din Shah to the Treaty of Akhal (1847-1881 AD) // European Online Journal of Natural and Social Sciences. – 2017. – Vol. 6, is. 1. – P. 59-69.

И. А. Наконечный

Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

ИРАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ШАХИНШАХА МОХАММЕДА РЕЗА ПЕХЛЕВИ (1941-1979 г.)

Аннотация. *В настоящей статье рассматриваются ирано-российские отношения в период правления последнего иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Выявляются внешне- и внутривосточные условия развития данных отношений. Приводятся примеры, раскрывающие историческую природу взаимодействий стран. Исследуются причинно-следственные связи формирования ирано-российских отношений и их развитие на протяжении десятилетий.*

Ключевые слова: Тегеран; ирано-российские отношения; Мохаммед Реза-шах Пехлеви, Иран, СССР. территориальные споры.

Современные исследования второго десятилетия XXI века позволяют нам проанализировать взаимоотношения Ирана с Россией в более широком контексте, в основе которого выявление внешне- и внутривосточных условий и оценка их взаимного влияния. Глубокий анализ этих публикаций формирует новый взгляд на построение международных отношений в период правления шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви.

Ирано-российские отношения представлены в монографиях, учебных пособиях, научных статьях. Историография по данной проблематике многим обязана виднейшему специалисту по истории Ирана советскому историку Семёну Львовичу Агаеву. Его фундаментальный труд «Иран в прошлом и настоящем» упоминается во многих работах XXI века. История Ирана XX века подробно освещена у востоковеда Салеха Мамеда-оглы Алиева в титаническом исследовании «История Ирана XX век». Он рассматривает общественно-политическую историю страны на основе многих не публиковавшихся ранее архивных и документальных материалов России, Ирана, ряда европейских и арабских стран. При изучении данной проблематики также важно опираться на такие недавние публикации, как научные статьи А.А. Кочешкова, С.Н. Фаткулиной, Р.С. Панарина.

Исследование предполагает рассмотрение пяти аспектов: 1) ирано-российские отношения до 1941 г.; 2) Иран в годы Второй мировой войны; 3) ирано-российские отношения после Второй мировой войны; 4) СССР и

Исламская революция; 5) перспективы ирано-российских отношений после правления шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви.

Таким образом, планируется рассмотреть внешнеполитическое взаимодействие стран в период правления шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви. В исследовательской работе задействованы следующие методы: 1) проблемно-хронологический; 2) ретроспективный; 3) типологический; 4) системный; 5) синхронный. Теоретико-методологические подходы представлены системным и комбинаторным. Результатом исследования станет выявление причинно-следственных связей дипломатии Ирана и России в период правления шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви (1941-1979 г.).

История взаимоотношений Ирана и России начинается в конце XVI века, когда были установлены регулярные дипломатические отношения, а в XVIII Иран попал в сферу интересов России. Во второй половине XIX века в Иран проникает иностранный капитал, что влечёт за собой экономическую и дипломатическую зависимость от ряда стран. Англо-русское проникновение в страну шло через строительство и эксплуатацию телеграфных линий. Стремительно растёт влияние Англии и России, что позволило им получить доступ к эксплуатации ее природных ресурсов [1. С. 26-27].

Соглашение 1901 года между Россией и Ираном, которое реализовывало беспроцентный ввоз и низкое обложение товаров, привело государство к полной финансовой зависимости от ряда крупных займов России, а также позже и Великобритании. После заключения англо-русского соглашения 1907 года Персия из-за «мирного империалистического завоевания», превратилась в полуколонию [1. С. 28-29].

Иран находился под российским влиянием до 1917 года, а уже в 1921 году государство подписало первый равноправный договор с великой державой, СССР. Данный советско-иранский договор предусматривал на основании 6-й статьи ввод войск в случае возникновения опасности для советских границ с территории Ирана [2. С. 25].

Сотрудничество с Ираном приобрело торгово-экономический характер. Несмотря на то, что действовали договоры 1924 г. и 1927 г., отношения государств до окончания Второй мировой войны были натянуты [3. С. 133]. Неоднозначная позиция Ирана была обусловлена переговорами со странами Европы. Фашистская Германия в начале войны перетянула Иран на свою сторону, что привело к вводу советских войск на территорию Ирана. Заключение англо-советско-иранского договора в 1942 г. гарантировало Ирану защиту от других государств, а также позволило Ирану стать полноправным участником борьбы с фашизмом [2. С. 28].

В Тегеране проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. первая международная встреча лидеров Большой тройки антигитлеровской коалиции. Иосиф Виссарионович выбрал Тегеран по причине удобства и безопасности, а также из-за желания наладить отношения с Ираном. В рамках конференции состоялась встреча Сталина с Мохаммедом Реза Пехлеви. Таким образом упрочились союзнические отношения СССР и Ирана [4. С. 18-19]. Итогом обсуждения иранского вопроса на конференции стала Декларация трёх держав об Иране. Исследователи считают, что Иран провёл грамотную дипломатию, которая облегчила его положение. [2. С. 30].

Из-за долгого нахождения советских вооружённых сил на территории Ирана начался «иранский кризис». В начале 1946 г. Англия, США вывели свои войска с территории Ирана, а только 4 апреля посол Садчиков и иранский премьер-министр Кавам подписали соглашение о выводе советских войск. Сталин пошёл на уступки и вывел вооружённые войска 9 мая 1946. Тем самым «иранский кризис» был завершён [5. С. 33].

Послевоенный внешний курс Ирана был направлен как на улучшение отношений с США и Англией, так и на дружескую политику по отношению к СССР. Например, в конце 1953 году налаживается ирано-английское сотрудничество, возродились торгово-экономические и другие связи между государствами [6. С. 297]. Напряжённость ирано-российских отношений в конце 1940- начале 1950-ых г. была связана с отсутствием единства у иранских политических сил [1. С. 123-124].

В годы правления Н. С. Хрущёва происходит улучшение отношений с Ираном. Результатами переговоров стало подписание ряда важнейших дипломатических документов: протокола о советско-иранской границе; соглашения о транзите через территорию СССР; соглашения о железнодорожном сообщении между Москвой и Тегераном. На фоне развития ирано-российских отношений происходило присоединение Ирана к Багдадскому пакту [3. С. 133]. США, с помощью финансовой, военной, технической и политической помощи, удалось вовлечь Иран в ближневосточные дела. В августе 1955 были заключены различные договора между Ираном и США, что позволило США превратиться в наиболее влиятельную внешнюю силу в Иране [6. С. 303-304].

Иранский шах старался наладить сотрудничество, как с западными державами, так и СССР. На фоне развития ирано-американских отношений, замедлилось проведение Мохаммедом Реза Пехлеви политики экономического сотрудничества со странами социалистического содружества, которое спустя года привело к разрешению вопроса о размещении иностранных ракетных баз на территории Ирана. В 1962 году

были заключены различные соглашения с СССР и другими социалистическими странами. Взаимовыгодное сотрудничество помогало Ирану ослабить зависимость от Великобритании и США [1. С. 153].

Под влиянием интеграции СССР в Иран Мохаммед Реза Пехлеви начал проводить комплекс реформ по модернизации государства через политические и социально-экономические реформы. В начале 1960-ых годов были заключены договора, которые способствовали научно-техническому прогрессу Ирану [3. С. 134]. В первые годы «Белой революции» страна стремительно развивалась. Улучшение отношений Ирана и СССР привело к обострению ирано-американских отношений [1. С. 162].

В конце 1970-ых годов недовольство политикой Мохаммеда Реза Пехлеви охватывает все государство. Итогом социально-экономических и религиозных потрясений стала Исламская революция. Советско-иранские отношения совершенствуются, СССР предоставил Ирану рынки сбыта товаров и доступ к энергетическим технологиям [3. С. 134]. Такое сотрудничество было выгодно странам. После распада СССР отношения между государствами только крепчают. Например, ИРИ и Россия реализовывали технико-экономические контакты, а также Россия содействовала повышению обороноспособности и восстановлению военного потенциала. [6. С. 529-530]. Таким образом, в 1950-1970-е годы ирано-российские отношения формировались больше для сдерживания США, переросли в глобальное взаимовыгодное сотрудничество в различных сферах.

Источники и литература

1. Агаев С. Л. Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса / С. Л. Агаев. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. – 271 с.
2. Кочешков А. А. Тегеранская конференция 1943 года как отражение советско-иранского сотрудничества в борьбе с фашизмом // Военно-исторический журнал. – 2013. – №12. – С. 24-31.
3. Фаткулина С. Н. Российское влияние на Иран в досоветский, советский и постсоветский периоды // VIII Востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 21–22 ноября 2019 г. – Барнаул, 2020. – С. 129–135.
4. Маслакова–Клауберг Н. И. Холодная война как феномен в современной мировой политике // Вестник института мировых цивилизаций. – 2021. – Т. 12. № 2 (31). – С. 26–38.
5. Кочешков А. А. Холодная война фактически началась в Иране // Военно-исторический журнал. – 2012. – №11. – С. 31–35.

6. Алиев С. М. История Ирана. XX век / С. М. Алиев. – М. : Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 648 с.

Д. В. Родин

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

ИРАНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ 1917 – 1918 ГГ.

***Аннотация.** В статье рассмотрены переговорные процессы с участием Советской России в конце 1917 – 1918 гг. по решению иранского вопроса, под которым понимается вывод российских войск с Персидского фронта и установление дипломатических отношений между большевистским правительством и Тегераном. Подчеркивается важность данного вопроса для внешней политики большевиков, а также зависимость его решения от военной обстановки в Закавказье и британского влияния на персидское правительство.*

Ключевые слова: Брестский мир, Великобритания, дипломатия, Иран, Первая мировая война, Персидский фронт, РСФСР.

С момента прихода большевиков к власти одним из основных направлений их внешней политики стало налаживание отношений со странами Востока для организации совместной борьбы против западных стран, представлявших силы капиталистов и колонизаторов. Справедливым представляется мнение, что «союзная интервенция от Мурманска до Кавказа, действия англичан в Афганистане и на границе с Персией тесно связали вопросы социальной революции с борьбой против иностранной военной агрессии, а что касается южных окраин бывшей империи – предоставили Советскому государству усилить антиколониальный пафос своей внешней политики» [1, с. 184].

Одной из стран, с правительством которых большевики рассчитывали установить дипломатические отношения и наладить сотрудничество на антизападной основе, стал Иран, против своей воли оказавшийся втянутым в мировую войну и потому переживавший подъем антиимпериалистических выступлений, вдохновленных в том числе событиями 1917 года в России. В рамках представленной статьи будут освещены переговорные процессы с участием большевистского правительства по иранскому вопросу в период от Октябрьской революции до окончания Первой мировой войны и аннулирования Брестского мирного договора с целью выявления места данного вопроса во внешней политике большевиков и определения причин

провала попыток установления дипломатических отношений между Советской Россией и Ираном.

К моменту прихода к власти большевиков через западные и северо-западные территории Ирана проходил Персидский фронт, где русские и английские войска сражались против армии Османской империи. Осенью 1917 г. в связи с нараставшими революционными тенденциями состояние русских войск в моральном и организационном отношении стремительно ухудшалось. А. Г. Емельянов, бывший в 1917 г. военным комиссаром при Кавказском кавалерийском отдельном корпусе на Персидском фронте, так описывал настроения в вверенной ему части после Октябрьской революции: «На фронте стоял стон, и не было силы, чтобы его остановить. Корпусный комитет, комиссариат и штаб корпуса были завалены петициями, телеграммами и осаждались делегациями, приехавшими просить об отводе войск в Россию... Приходили телеграммы по адресу: “всем, всем, всем”, за неизвестными подписями, с предложениями бросать фронт, мириться самим частям с неприятелем» [2, с. 338]. Распространение подобных упаднических настроений среди военных ставило на повестку дня вопрос о ликвидации Персидского фронта в связи с общим выходом России из войны. Об этом (как и о разрыве англо-российского договора о Персии 1907 года) было заявлено в «Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г. [3, с. 35].

Как следствие, иранский вопрос становился составной частью переговоров в Брест-Литовске. Уже в перемирии от 2 декабря 1917 г. указывалось: «Исходя из принципа свободы, независимости и территориальной неприкосновенности нейтральной Персии, русское и турецкое Верховные командования выражают готовность вывести свои войска из Персии» [4, с. 48]. Вслед за этим через Поверенного в Делах Персии Асадуллу-хана правительство большевиков сообщило о готовности начать соответствующие переговоры с Тегераном [3, с. 72]. Полученный из Персии положительный ответ свидетельствовал о готовности Тегерана де-факто признать советское правительство [3, с. 72–73].

Подробно проблема вывода войск с Персидского фронта обсуждалась на заседании Политической комиссии 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г. по н.с.). В ходе обсуждений был поставлен вопрос об одновременном выводе как русских, так и турецких частей с фронта, однако дело осложнялось тем, что в Персии оставались английские войска. В связи с этим германский статс-секретарь по иностранным делам Р. фон Кюльман предлагал главе советской делегации Л.Д. Троцкому «убедить своих английских друзей очистить Персию» – «тогда ни один турецкий солдат не останется в Персии и лишнего

часа» [5, с. 69]. Однако Троцкий брать на себя подобные обязательства отказался.

При этом персидского посланника в Петрограде убеждали, что советская власть сделает все, «чтобы добиться полного очищения Персии также и от турецких и английских войск» [3, с. 92]. В ответной ноте персидское правительство благодарило большевиков за отказ от договора 1907 года и за готовность к деокупаии иранских территорий и выражало готовность «вступить в переговоры для заключения новых договоров, консульских конвенций и иных актов, на принципах свободного соглашения и взаимного уважения народов» [3, с. 93]. Назначенный советским дипломатическим агентом в Тегеране Н.З. Бравин докладывал в феврале 1918 г. в Петроград о реакции иранского народа на денонсацию договора 1907 года: «Тегеран буквально потрясён от взрыва всеобщей радости. У меня нет свободной минуты от бесконечного ряда приветствующих меня deputаций и отдельных лиц. Даже на улицах мне устраивают овации» [6, с. 37].

Однако дальнейшее развитие советско-иранских отношений зависело в большей степени не от усилий Москвы и Тегерана, а от иных сил: с одной стороны, Германии и ее союзников, а с другой, Великобритании, где в феврале 1918 г. фиксировали возросший интерес Берлина к Ирану как «отправной точке германской континентальной политики в Азии» [7, f. 157]. Немецкое наступление в том же месяце вынудило большевиков подписать 3 марта Брестский мирный договор на условиях Центральных держав. Одним из его пунктов значилось: «...Договаривающиеся стороны обязуются уважать политическую и экономическую независимость и территориальную неприкосновенность Персии и Афганистана» [4, с. 269]. Фактически это означало односторонний вывод войск РСФСР с территории Ирана, завершившийся к 23 марта, что открывало путь на восток для турок и немцев. Офицер германского Генерального штаба Э. Параквин вспоминал, что в это время турки «уже полагали полутатарский Тебриз своей вотчиной», а сам Параквин получил инструкции поддерживать германского консула К. Вустрова в борьбе с британской пропагандой в Персии [8, с. 106]. В июне 1918 г. Полевой штаб Южного фронта, сообщая о высадке германского десанта в Потти, считал, что он направляется «в Персию против англичан и на Баку против советских войск» [4, с. 441]. Полпред РСФСР в Германии А. А. Иоффе опасался, в связи с этим, что немцы могут «потребовать от нас союза, вернее согласия на пропуск их в Индию, Персию и т.п.» [4, с. 457].

В Лондоне после заключения Брестского мира были уверены, что «Германия, контролирующая Закавказье, Каспий и Северную Персию, представляла бы угрозу для Индии» [9, f. 174]. С целью не допустить

германского или турецкого проникновения в Иран было принято решение оккупировать последний. Выполнить эту задачу поручили отряду Л. Ч. Денстервилля, который весной 1918 г. рвался занять южный берег Каспия и Закавказье, но по приказу Лондона должен был ограничиться «присмотром за Персией». В связи с этим Денстервилль сетовал в дневнике, что «немцы получают бакинскую нефть, красноводский хлопок, астраханскую пшеницу и Каспийское море» [10]. Что же касается влияния англичан на советско-иранские отношения, то еще в феврале 1918 г. Бравин писал в НКИД: «В дело признания меня шахским правительством решительно вмешалась английская миссия, которая требует, чтобы шахские министры не только не признавали бы меня, но еще бы предложили мне немедленно покинуть пределы Персии» [3, с. 714]. В связи с этим следует отметить, что тот же Денстервилль одной из своих задач считал недопущение распространения в Иране большевистских взглядов, иначе «вся северная Персия превратилась бы в Большевизию» [11, с. 152].

Усиливающееся давление англичан на Тегеран особенно ярко проявилось летом 1918 г., когда советское правительство отозвало Бравина и назначило новым главой советской миссии в Иране И.О. Коломийцева. К моменту его прибытия в Тегеран в августе 1918 г. премьер-министром Ирана был назначен Мирза Хасан-хан Восуг од-Довла, «целиком и полностью стоявший на английской позиции в оценке событий в России» [6, с. 45]. Новый премьер-министр немедленно денонсировал все российские концессии и договоры с Россией за последние сто лет «на том основании, что все они, без исключения, были достигнуты обманом или силой» [12, f. 83]. В таких условиях переговоры Коломийцева с новым персидским правительством о признании его полномочий были обречены на провал. Сам Коломийцев объяснял свою неудачу следующим образом: «Персидское правительство, подчиняясь воле англичан, распоряжающихся в Персии с большей бесцеремонностью, чем у себя в Англии, отказалось принять нас» [6, с. 46].

Несмотря на непризнанные полномочия, Коломийцев продолжал выполнять свои функции, налаживая контакты с представителями различных слоев населения и активно протестуя против антисоветских действий персидского правительства (например, против занятия пограничного города Серахс в Туркмении). В глазах иранского народа советский представитель обрел «ореол борца против английского империализма» [6, с. 48], что вызывало откровенное недовольство со стороны властей – особенно на фоне турецких успехов на фронте: Денстервилль писал в сентябре 1918 г., что «Персия развалилась на куски – Урмия пала, турки наступают на Хамадан и Касвин, и одному богу известно, что ждет нас впереди» [10]. Это

недовольство разделяли и в британском кабинете министров, где открыто признавали, что одной из целей Англии должно быть недопущение большевистского проникновения в Афганистан и Персию, причем последняя представлялась более «подготовленной почвой» для большевизма [13, f. 275].

3 ноября солдаты иранской казачьей бригады совершили налет на советскую миссию в Тегеране. Коломийцеву удалось скрыться в доме шейха Мехди, откуда он закидывал персидское правительство нотами протеста, а в английскую миссию направил ноту с предупреждением о том, что «английское правительство рано или поздно должно будет иметь дело с Москвой, и тогда Москва и весь русский народ предъявят счет за разгром своей миссии в Тегеране» [6, с. 48]. Однако дальнейшее пребывание дипломата в иранской столице было сопряжено с риском для жизни, и потому Коломийцев покинул Персию и через Закавказье в июне 1919 г. прибыл в Москву.

Отбытие Коломийцева означало провал первой попытки советского правительства наладить отношения с Ираном в 1918 г. Главной причиной дипломатической неудачи следует признать то, что состояние советско-иранских отношений было производной от военной обстановки в Закавказье и на Персидском фронте, где до осени 1918 г. проявляли активность германские и турецкие войска, а также от состояния англо-иранских отношений, в рамках которых персидское правительство было вынуждено подчиняться британскому диктату. Победа Антанты в мировой войне в ноябре 1918 г. на время еще больше усилила зависимость Тегерана от Лондона, отражением чего стал англо-персидский договор 1919 г. Лишь победа большевиков в Гражданской войне, окончание интервенции и усиление национально-освободительного движения в Иране сделали возможным новое, более успешное сближение между Советской Россией и ее южным соседом в начале 1920-х гг.

Источники и литература

1. Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925: Коллективная монография. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 491 с.
2. Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте (1915–1918) / А.Г. Емельянов. – М. : Вече, 2007. – 444 с.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. – М. : Госполитиздат, 1959. – 772 с.
4. Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сборник документов. – М. : Политическая энциклопедия, 2022. – 839 с.

5. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. 1. Пленарные заседания. Заседания политической комиссии. – М.: Тип. III Интернационала, 1920. – 268 с.
6. Володарский М.И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). / М.И. Володарский. – L.: Overseas Publications Interchange, 1985. – 241 с.
7. Intelligence Bureau, Department of Information. ETW/001. Weekly Report on Turkey and Other Mosler Countries. I. 27.2.18 // The National Archives. CAB 24/43. F. 154–159.
8. Воспоминания с Ближнего Востока 1917–1918 годов. / Сост. В. Баумгарт, В. С. Мирзеханов, Л. В. Ланник. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 256 с.
9. War Cabinet, 369. Minutes of a Meeting of the War Cabinet Held at 10, Downing Street, S.W., on Thursday, March 21, 1918, at 11:30 A.M. // The National Archives. CAB 23/5. F. 172–175.
10. The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922. [Electronic resource.]. – URL:http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_1918.html (дата обращения: 01.05.2023).
11. Денстервилль Л.Ч. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918 (воспоминания). / Л.Ч. Денстервилль. – Тифлис: Изд-во «Советский Кавказ», 1925. – 281 с.
12. Eastern Report. No. LXXX. August 7, 1918. (Incorporating Arabian Report N.S. CVII) // The National Archives. CAB 24/145. F. 80–84.
13. Note on «Memorandum on Our Present and Future Military Policy in Russia», by the Chief of the Imperial General Staff. (G.T. 6311). 26th November 1918 // The National Archives. CAB 24/70. F. 275–275v.

R. Singh

University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran

IRAN FACTOR IN RUSSIA'S MEDITERRANEAN STRATEGY

Annotation. *Russia is developing stronger ties with Iran. The research question is: What is the impact of closer ties between Russia and Iran on Russia's Mediterranean strategy? The hypothesis states that Iran through its soft power, political influence and its geopolitical location provides boost to Russia's geopolitical weight in the Mediterranean Sea at the expense of the weakening of the EU's influence. The question is dealt with using quantitative method, namely descriptive statistical analysis within the conceptual framework Kenneth Waltz's balance of power and Lee's soft power.*

Key words: Iran; Russia; Mediterranean Sea; geopolitics; transport corridors; soft power.

1. Introduction

Since the Soviet Union era, Mediterranean Sea is considered an important geopolitical theater for countries on its shore. While Soviet Union had an important presence in the eastern Mediterranean sea, with ports in northern black sea and Tartus in Syria, the collapse of soviet union meant Russia lost important geographic connect to the eastern Mediterranean sea. However, the changing international system with the emergence of China as a world superpower and the success of Vladimir Putin's first presidency through his reintegration into Russia of the breakaway region of Chechnya and consolidation of country's economic and political stability brought the permissive circumstances for the renewal of Russian engagement in the Mediterranean sea. Meanwhile, there is a clear rapprochement between Moscow and Tehran. Supporting Iran's membership in different economic and security organizations, such as Eurasian Economic Community and Shanghai Cooperation Organization, is in line with growing security role of Iran in the Middle East and the Sahel Region.

2. The methodology and Theoretical Framework

Kenneth Waltz first introduced structure-defining and constraining theory of international relations in 1979. Kenneth Waltz's Neorealism or structural realism is based on his seminal piece, Theory of International Politics, where it states that political structures are organized according to three principles: ordering, function/s,

and capacity to act. Furthermore, Structural realism holds that the latter figures only as an independent variable [1.T. 199. S. 51]. As regards to structures, Waltz states that “Structures limit and mold agents and agencies and point them in ways that tend toward a common quality of outcomes even though the efforts and aims of the agencies vary” [2. T. 22. S. 1264]. Besides, self-helping states engaged in the balance of power as well. International system being anarchic, i.e. no higher central authority can enforce rules over individual states, neorealism focuses on the international system's behavioral constraints and the interactions between states as well as the balance of power in those interactions [3. T. 56. S. 60]. Neorealism's focus is on the great powers as they set the tone of international relations and states that become and remain great powers behave as if they sought to maximize their influence [4. T. 00. S. 813]. Furthermore, states to respond to imperatives of international anarchy will pursue not absolute but relative power gains which brings forth the balancing behavior, either through “alliances, armament, or emulation of successful practices” [5. T. 20. S. 156]. We will also use Geun Lee's concept of soft power; according to Lee, soft power can be roughly categorized into 5 categories: (1) Soft power to improve external security environment by presenting peaceful and attractive images of a country; (2) Soft power to mobilize others' supports and recognition for one's foreign and security policies (3) Soft power to change other countries' way of thinking and preferences (4) soft power to keep unity of a community or community of countries (5) soft power to increase the status and popularity of a leader or domestic support of a government [6. T. 21. S. 4]. Regarding the methodology and the specific method, the positivism and a quantitative method, namely descriptive statistical analysis, were chosen respectively.

3. Literature Review

In “A geopolitical account of the Eastern Mediterranean conundrum: sovereignty, balance of power and energy security considerations”, Proedrou discusses the evolving tensions in the Eastern Mediterranean where sovereignty, balance of power and energy security concerns drive exploration schemes and forge pipeline politics in the backdrop of Russia threat to the EU [7]. In “Libya, energy, and the Mediterranean's new ‘Great Game’”, Michaël Tanchum investigates how Turkey, Egypt, France, and Italy are engaged in a new ‘Great Game’ for the region's energy resources and commercial transport routes; while Turkey has turned to Libya to establish the central Mediterranean EU-Africa energy and trade route, Italy may shift away from Ankara and towards a deeper partnership with France in order to protect Italy's extensive energy and economic interests in Eastern Mediterranean basin [8]. In “The Return of Italy to the Mediterranean”, Rosa

Balfour discusses the changes in the Italian foreign policy with the arrival to power of the Prodi's Centre-left party through the withdrawal from Iraq where Italian foreign policy in the Mediterranean basin faces structural problems of limited resources, weak coordination of the many actors involved in promoting Italy's interests abroad, and a weak economic and political backbone supporting its foreign policy [9]. In "Europe-Mediterranean-Africa Commercial Connectivity: Geopolitical Opportunities and Challenges", Michaël Tanchum investigates how China, Russia, Turkey, and the Arab Gulf states are playing significant roles in the development of Africa-to-Europe commercial corridors while analyzing the recent Russia's approach to the Mediterranean arena through developing close ties with regional powers such as Morocco in the energy sector and comprehensive strategic partnership treaty with Egypt [10]. In "The Geopolitics of the Eastern Mediterranean Crisis: A Regional System Perspective on the Mediterranean's New Great Game," Michaël Tanchum investigates the complex regional rivalry of the eastern Mediterranean basin where regional tensions carry an unprecedented potential for spiraling into a Mediterranean-wide, multi-national conflict, highlighting the divide between NATO and the EU's approach to manage the crisis [11. T. 13]. Considering the literature in the eastern Mediterranean Sea, there is an analytic gap regarding the Russia's role and strategy in the region. The novelty of this research is to investigate Russia's strategy in the Mediterranean Sea considering the increasing strategic ties between Russia and Iran, as well as Iran's own involvement in the region in the absence of a coherent EU strategic autonomy, i.e. EU's own decision-making backed up by military power.

4. Russia and Iran in the Sahel Region and Eastern Mediterranean Geopolitics

In North Africa and along the southern shores of the Mediterranean Sea, the winter of 2010 brought the instability which started in Tunisia and rapidly reached other Arab countries, in an era, i.e. the so-called Arab Spring, where state control crumbled in the north and the central government collapsed while the U.S. failed to stabilize the region [12. S. 2]. The Arab Spring and the following instability served as a grave blow to American prestige as it failed to act and there was a sense that Americans have left the region to fend for itself. The vacuum created in the fallout of Arab spring is being sought after by regional Mediterranean powers such as France and Italy as well as Russia, China, and Iran. Wagner military group is an evidence of Russia's growing influence in North-Africa and the Sahel region through the re-establishment of old ties and the creation of new ones has been perceived as a quest to change the balance of power in the region, mostly at the cost of European powers, which has ringed alarm bells in Rome, Berlin, and Paris [13. T.

44]. In the economic front, European powers are engaged in great competition to build new trade and energy routes between Africa and Europe. France favors the western trade route due to its closer political ties with Morocco [14]. As it is illustrated in Figure 1 Spain, Italy and France are the main players in the EU gas market.

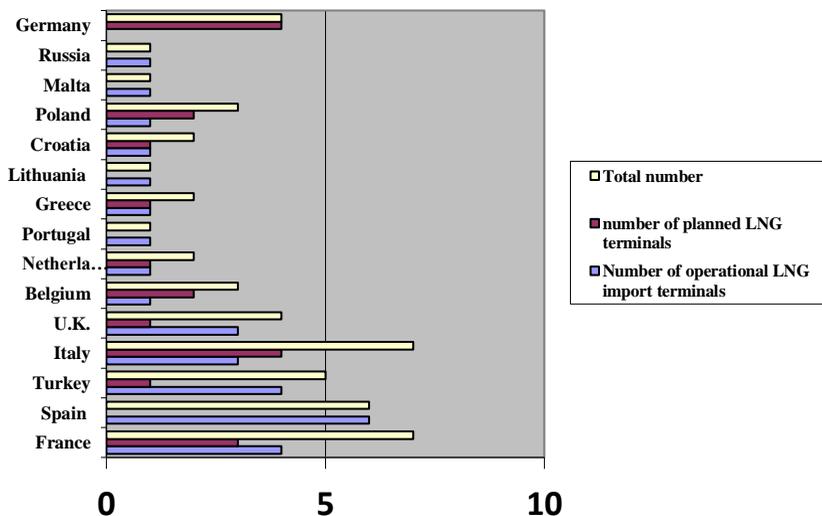

Figure 1 – The number of operational and planned LNG import terminals in the EU (2022) [15]

Russia is intending to become blue water navy, graduating from its green water status. With its involvement with the Syrian Civil War that boosts the new blue water status for the Black Sea Fleet as well as Russian control of Sevastopol after the annexation of Crimea, Russia effectively raises its presence in the Eastern Mediterranean sea. Iran is also engaged with Russia in different corridors such as South Transport Corridor (INSTC); and the China–Central Asia–West Asia Economic Corridor (CAAWEC); INSTC is supported by both Russia and India while the CAAWEC has the Chinese backing. On November 20, 2018, Iran announced with great pomp that it is planning to build a railway connecting the Shalamchek crossing at the Iran-Iraq border to Syria through the port of Basra in southeast Iraq [16. S. 4]. While the mere presence of Russia in the port of Latakia and military base Tartus brings enormous strategic gains for its Mediterranean adventure, the INSTC offers the economic and long term feasibility for Russian

presence in the region. In sum, INSTC provides Russia with the following strategic gains: (1) deepening economic connection with the Middle East and North Africa and geopolitical gains thereof; (2) rapid troops' deployment and military preparedness; (3) connecting Russia to friendly countries; (4) pressuring Europeans in their southern borders. Being both a connecting partner in BRI and INSTC, Iran can serve as a land bridge between the two projects.

On the Sahel region, bordering the North African Mediterranean front, Iran has beefed up its presence and even in 2010, Iran and Mali signed a number of agreements on development aid and Iranian investment in agriculture and extractive industries and Hezbollah, Iran's close ally, has a foothold in West Africa due to the large Lebanese diaspora [17. T. 25. S. 31]. Furthermore, Iran does support Shiite groups in the region, such as the Islamic Movement of Nigeria (IMN), a Shiite religious and political organization headed by Sheikh Ibrahim Zakzaki [18. T. 6]. In 2022, after French troops officially left Mali, Iranian Foreign minister Hossein Amir-Abdollahian visited the region. In Nouakchott, Iranian Foreign minister with a high-ranking delegation to bolster relations with Mauritania in all fields and this comes against the backdrop of similar trips made by Iranian diplomats to member countries of the G5 or Sahel region countries [19]. The geostrategic and security aspect of the Sahel region can be observed in the number of troops there; as of early 2020, out of 7,500 French military personnel in Africa, 4,500 troops were in the Sahel alone [20. T. 29]. In Mali which is threatened by a hostile climate and attacks from jihadist groups, Russia and its paramilitary group Wagner have filled the gaps left by the French withdrawal. In fact, one year before the withdrawal of French troops, the head of the Russian Foreign Ministry's International Organizations Department, Pyotr Ilichov, stated that "through state channels we will provide active assistance to the Malian side in the military sphere" since the African country "is key to enhancing security in the Sahel" [21]. Despite the French and European efforts, not only the security situation in the Sahel did not improve, it actually worsened (Figure 2).

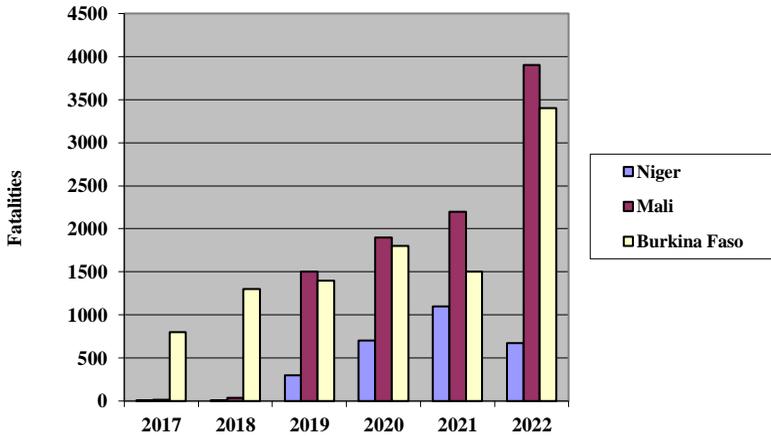

Figure 2 – Fatalities linked to militant Islamic group in the Sahel region [22]

Russia on the other hand is doubling down on its military and soft power build up in order to alleviate the weaknesses on the economic front. Indeed, Russia continues to be the main arms supplier to the sub-Saharan Africa, including the Sahel Region (Figure 3).

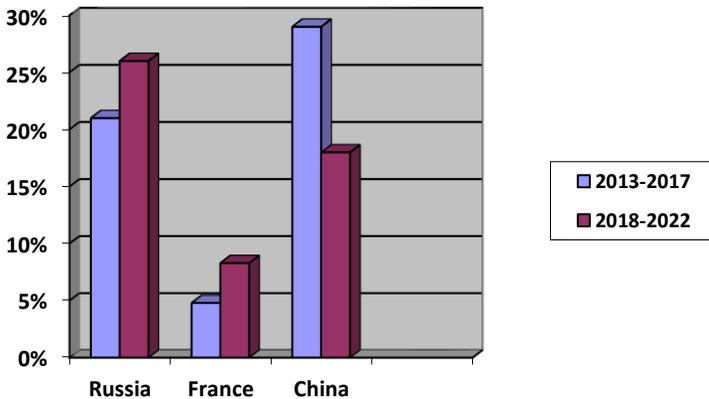

Figure 3 – Biggest Arms exporters to Sub-Saharan Africa 2000-2022 [23. S. 8]

In Africa, the enlarged mediterranean region remains the biggest recipient of Russian arms in Africa, which includes the like of Algeria, Egypt and Sudan. On the other hand, Russia through its status as a UN security member, successfully brokered an exemption to the UN Security Council's embargo on supplying arms to the Central African Republic in 2017 and sent weapons and military trainers from the Wagner Group to that country [24]. In March 2023, Russia's President Putin highlighted in Russia-Africa parliamentary conference that only a small amount of grain exports unblocked under the deal had reached Africa while through the U.N. World Food Programme (WFP), Russia is also helping african countries with donations of fertilizer [25]. Russia being on the side of the African countries and trying to narrow down the gulf between North and the Global South and injustice in food distribution are the mainstay of Russia's foreign policy discourse. Russia is in fact building soft power by presenting peaceful images of Russia, the provider of fertilizer and grain export and donation to African countries; by mobilizing African countries' support for Russia's foreign and security policies; by enhancing the popularity of Russia's Vladimir Putin among both domestic as well as African public. Iranian leaders are also building a narrative of brotherly relations and "true friendship" and "a genuine partner" for African nations. On the other hand, Russia is also seeking to count on Iran's soft power in the region in order to compensate its lack of attractive image among Muslim populace. In this Iran converges and is building up its soft power among African Muslims. For example, Iran's President Raisi at the first meeting of Iran's economic cooperation with West African countries stated that "we pursue deepening ties with Africa not for its wealth, but for development of African nations" and that "Africa is a rich continent with an efficient human force and rich and plentiful reserves" that "In the past centuries, Western countries have looted the wealth of these countries by exercising colonial rule, but the development of relations with Africa for the republic Islamic Iran is not for the wealth of this region, but for the development and welfare of all nations, including African nations" and "Africa can make significant progress by uniting and standing against colonial policies" [26]. Iranian leaders have stressed a discourse of "brotherhood" and "Islamic solidarity," employing their identity as Muslim-majority country to make inroads within Muslim communities in Africa and win the hearts and minds of Muslims in North Africa, including the Sahel and Mediterranean region. By presenting peaceful images of Iran, that of a brotherly and Muslim nation with ancient historical ties, and supporting African fight against colonialism and Western hegemony, Iran has gathered an important soft power which coupled with Iranian cost-effective military Drones and rockets, can effectively makes Iran an attractive partner for the countries of the Sahel region and Mediterranean Sea. While directly exporting Iranian arms and Drone technology is

difficult due to international sanctions, Iran is counting on a mutual beneficial deal between Iran and Russia where under Russia's support, Iran gets to provide North African countries with cheap arms, while in exchange Iran enhances Russia's soft power through its Islamic soft image and its sway over the Muslim local population.

5. Conclusion

The main research question was about the impact of closer ties between Russia and Iran on Russia's Mediterranean strategy? The main hypothesis of this research states that Iran through its soft power and political influence in Syria and Lebanon as well as its geostrategic location as the connecting hub for the North-South as well as East-West corridor provides much needed boost to Russia's geopolitical weight in the Mediterranean Sea at the expense of the weakening of the EU's influence in its southern shores. The research results that EU's lack of strategic autonomy and its excessive reliance on the US power have resulted in a vacuum of power in the southern shores of the Mediterranean Sea which European powers such as France could not fill. Such failure to play a constructive role in the larger Mediterranean region has resulted in multiplicity of crisis such as migrant and drug trafficking and terrorism in European soil. Russia has included Iran in its Mediterranean strategy in two significant ways: (1) infrastructure side; (2) soft power. Research Results further indicate that European Powers, in particular France, have failed to compensate their relative weakening on hard power through an increase in the Soft Power. Russia has tried to compensate its economic decline through militarization of the Sahel region, building soft power, and cooperating with Iran as soft power and trade connecting partner. On the soft power side, due to Iran's ideological stance, pro-Islamic values, and experience in the Middle-Eastern theater, including in countries such as Iraq and Syria, Iran has been successful to build a positive, aspirational image of its foreign policy; Russia through its cooperation with Iran is seeking to build an informal alliance with Iran in the Sahel region, using Iranian pro-Islam soft image to sway over the Muslim local population in its endeavor to provide peace and security to the countries of the Sahel region as well as the broader North Africa. It will be a win-win situation for Iran as well due to the fact that Iran will be able to use Russia's influence in the region to export its cheap military drones and equipment. The results also suggest that Russia is benefitting from the EU's lack of strategic autonomy in furthering its Mediterranean strategy through cooperation with Iran in the Sahel region. Russia's engagement in the Sahel region and cooperation with Iran, both militarily and politically, is to put pressure on the European powers from their southern shores.

Sources and Literature

1. Jones W. The ASEAN economic community and new regionalism: A neorealist analysis // *The German Journal on Contemporary Asia (Asien)*. – 2011. – Vol. 119 – P. 49-66.
2. Rajagopalan R. Neorealist theory and the India-Pakistan conflict-I // *Strategic Analysis*. – 1998. – Vol. 22, № 9. – P. 1261-1272.
3. Freire L. G. Is Neorealism a Deterministic Theory of International Relations? // *International Studies*. – 2019. – Vol. 56, № 1. – P. 58-67.
4. Rendall, M. (2022). Realism, reckless states, and natural selection // *International Relations*. – 2022. – Vol. 00, № 0. – P. 1-22.
5. Schreiber N. H. Man, State, and War in Space: Neorealism and Russia's Counterbalancing Strategy Against the United States in Outer Space Security Politics // *Astropolitics*. – 2022. – Vol. 20, № 2-3 – P. 151-174.
6. Lee G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // *The Korean Journal of Defense Analysis*. – 2009. – Vol. 21, № 2 – P. 205-218.
7. Proedrou F. A geopolitical account of the Eastern Mediterranean conundrum: sovereignty, balance of power and energy security considerations // *Cambridge Review of International Affairs*. – 2021. – P. 1-18.
8. Tanchum M. Libya, energy, and the Mediterranean's new 'Great Game' // *Real Instituto Elcano*. – 2020. – Vol. 23 – P. 1-8.
9. Balfour R. The return of Italy to the Mediterranean / R. Balfour, B. Cugusi // *IEMED Mediterranean Yearbook*. – 2007. – P. 153-156.
10. Tanchum M. Europe-Mediterranean-Africa Commercial Connectivity: Geopolitical Opportunities and Challenges // *Konrad Adenauer Stiftung, MED dialogue series*. – 2020.
11. Tanchum M. The Geopolitics of the Eastern Mediterranean Crisis: A Regional System Perspective on the Mediterranean's new Great Game // *Eastern Mediterranean in Unchartered Waters: Perspectives on Emerging Geopolitical Realities*. – 2021.
12. Content and network dynamics behind Egyptian political polarization on Twitter / J. Borge-Holthoefer, W. Magdy, K. Darwish, I. Weber // *18th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing, Vancouver, Canada, 14-18 March 2015. Vancouver, 2015*. – P. 700-711.
13. Adochoo Mensah A. N. Russia Resurgent? Untangling the Role and Meaning of Moscow's Proxies in West Africa and the Sahel / A. N. Adochoo Mensah, K. Aning // *Strategic Review for Southern Africa*. – 2022. – Vol. 44, № 1 – P. 47-63.
14. Maritime networks, port efficiency, and Hinterland connectivity in the Mediterranean / J. F. Arvis, V. Vesin, R. Carruthers, C. Ducruet. Washington,

- D. C. : World Bank Publications, 2018.
15. Number of operational and planned liquefied natural gas (LNG) import terminals in Europe as of April 2022, by country // Statista. – 2023. – URL: <https://www.statista.com/statistics/326008/lng-import-terminals-by-country-europe/> (access date: 04.02. 2023)
 16. Azizi H. Russian and Iranian Economic Interests in Syria (Pre-2010 and Intra-war Period) / H. Azizi, L. Issaev // Discussion Paper 8 (Geneva and Istanbul: GCSP and Omran Centre for Strategic Studies. – 2019.
 17. Bahi R. Iran-Saudi rivalry in Africa: implications for regional stability // Middle East Policy. – 2018. – Vol. 25, № 4 – P. 26-41.
 18. Tukur A. Paper Management of Conflicts and Preventing Terrorism: A Case Study of Islamic Movement in Nigeria / A. Tukur, W. Lawal // KIU Journal of Social Sciences. – 2023. – Vol. 6, № 1 – P. 289-298.
 19. Will Mauritania fall into Iran’s orbit after it got foothold in Algeria & Polisario Camps?// North Africa Post. – 2023. – URL: <https://northafricapost.com/64982-will-mauritania-fall-into-irans-orbit-after-it-got-foothold-in-algeria-polisario-camps.html> (access date: 04.02. 2023)
 20. Welz M. Institutional choice, risk, and control: The G5 Sahel and conflict management in the Sahel // International Peacekeeping. – 2022. – Vol. 29, № 2 – P. 235-257.
 21. Sanz, A. Iran and Russia gain strength in Mali // atalayar. – 2022. – URL: <https://atalayar.com/en/content/iran-and-russia-gain-strength-mali> (access date: 04.02. 2023)
 22. Strengthening Sahelian Counter insurgency Strategy // Africa Center for Strategic Studies. – 2022. – URL: https://africacenter.org/publication/strengthening-sahelian-counterinsurgency-strategy/#_edn1 (access date: 04.02. 2023)
 23. Trends in international arms transfer, 2022 // SIPRI. – 2023. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf (access date: 04.02. 2023)
 24. Russia’s Growing Footprint in Africa’s Sahel Region // Carnegie Endowment for International Peace. – 2023. – URL: <https://carnegieendowment.org/2023/02/28/russia-s-growing-footprint-in-africa-s-sahel-region-pub-89135> (access date: 04.02. 2023)
 25. Russians bearing gifts shove Ukraine aside to win over Global South // Politico. – 2023. – URL: <https://www.politico.eu/article/russia-ukraine-war-win-global-south-fertilizer-grain/> (access date: 04.02. 2023)
 26. Ayatollah Raisi at the first meeting of Iran's economic cooperation with West African countries // President of the IRI. – 2023. – URL:

<https://www.president.ir/en/142852> (access date: 04.02. 2023)

М. Ю. Сурков

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА СОВЕТСКО-ИРАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В 1925–1941 ГГ.

Аннотация. *В статье проведён анализ влияния на советско-иранские культурные связи в период 1925-1941 гг. таких факторов, как подписание договора 1927 г., ослабление экономических связей в начале 1930-х гг. и их восстановление в связи с подписанием торгового договора 1935 г., переориентация Ирана на Германию в 1937-1938 гг., заключение советско-иранского торгового договора в 1940 г. Культурные связи СССР с Ираном сильно зависели от траектории политических отношений двух стран, их взаимодействие в культурной сфере усиливалось в периоды сближения, но ослабевало в кризисные годы.*

Ключевые слова: советско-иранские культурные связи, ВОКС, русско-персидские школы, Иран, СССР, Реза-шах.

С середины 1920-х гг. отношения между СССР и Ираном развивались на основе заложенной в 1921 г. базы – Договора об установлении дружественных отношений между РСФСР и Персией [1. С. 536-544]. Содержание этого договора многократно рассматривалось как отечественными, так и зарубежными историками, причём особое внимание уделялось ст. 5 и 6 указанного договора [2. С. 73; 3, С. 28-29; 4. С. 130-131; 5. С. 15-16]. В конце 1925 г. к власти в Иране пришла новая династия Пехлеви. Её основателем стал Реза-хан.

В 1920-е гг. Реза-хан, выстраивая программу модернизации страны, понимал неизбежность сохранения той или иной формы зависимости от иностранных держав. Однако при этом Реза-шах делал постепенные шаги к уменьшению зависимости. СССР поддерживал эти начинания, трактуя это как проявление антиимпериалистической политики нового монарха, но придерживался такого курса в советско-иранских отношениях, который не позволил бы сильно ударить по экономическим интересам СССР в Иране. Большая часть советских культурных проектов, к работе которых подключилось Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) после его создания в 1925 г. (русско-персидские школы [6. Л. 5-6], советские клубы [7. С. 44], издание учебника русского языка для иранцев [8. Л. 95]),

была связана с присутствием значительного числа советских граждан в Иране, работавших в советских учреждениях и компаниях, а значит, находилась в зависимости от экономических связей.

Экономический аспект советско-иранских отношений рассматривался в историографии. Историки фокусировали своё внимание на вопросе о «северной нефти» [9. С. 52-61], царских концессиях в Иране [10. С. 227-231] и деятельности совместных советско-иранских предприятий [11. С. 178; 12. С. 32-49]. Влияние на развитие отношений оказывала обстановка в самом СССР, который готовился к индустриализации и не мог позволить лишних затрат на содержание концессий, что привело к стремлению сократить расходы на предприятия в Иране [13. С. 18-19].

Главной политической задачей на иранском направлении Москва с 1925 г. считала заключение с Ираном пакта о нейтралитете, подобного договору с Турцией [14. С. 739-741]. В начале 1926 г. в письме в Политбюро ЦК ВКП (б) нарком иностранных дел Г. В. Чичерин писал, что обстановка в связи с утверждением на престоле новой династии позволяет начать переговоры о новом договоре как с Ираном, так и с Афганистаном [15. С. 7-8]. После безуспешных попыток прийти к соглашению во время визита А. Х. Теймурташа в Москву и переговоров с Г. В. Чичериным в 1926 г., а также попыток иранской стороны оказать экономическое давление посредством препятствования советско-иранской торговле [16. С. 238-239], к апрелю 1927 г. в Москве был подготовлен проект торгового договора, где содержались значительные уступки по отношению к Тегерану [16. С. 171-172].

Военная тревога 1927 г. скорректировала часть требований советской стороны: полпред СССР в Тегеране К. К. Юренев в своей ноте замминистру иностранных дел Ирана Пакревану настаивал, что созданный русскими эмигрантами в Тегеране «Комитет помощи русским беженцам» должен быть немедленно распущен, так как представлял собой угрозу для советских представителей в Иране [16. С. 329-330]. Резолюция объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) о международном положении гласила, что вокруг СССР укрепляется система дипломатических и военных союзов [16. С. 352]. В такой логике заключение договора о нейтралитете, было насущной необходимостью. К августу 1927 г. переговоры вошли в завершающую стадию.

В результате, 1 октября 1927 г. был заключен целый пакет соглашений, в том числе договор о нейтралитете и о порте Пехлеви, который возвращался в управление иранским властям [16. С. 396-434]. Данное соглашение оказало прямое влияние на культурные проекты, с которыми был связан ВОКС: исчезновение доходов от эксплуатации порта привело к сокращению

количества русско-персидских школ, которые будут вынуждены обращаться в различные инстанции, в том числе, в ВОКС, за помощью в обеспечении финансирования [17. Л. 90]. В ходе переговоров советской стороне также удалось добиться определённых уступок Тегерана в сфере безопасности: был закрыт комитет русских беженцев [18. Р. 1914]. Тем не менее, политически активная часть эмигрантов из бывшей империи сохранили свое присутствие в Иране.

Очевидно, что развитие культурных связей не было приоритетным направлением; также влияла позиция иранских властей по отношению к ключевому компоненту новой советской культуры – коммунистической идеологии. Иранцы стремились не допустить распространения коммунистической идеологии, им требовались технологии и информация для проведения модернизации страны, а также требовалось не допустить использования сопредельными странами «национальной карты» по отношению к Ирану. Исходя из этих задач, можно сделать вывод, что у СССР и Ирана в 1920-е гг. была сфера взаимного интереса в области экономики, однако в сфере культуры, идеологии и национальной политики точек соприкосновения было мало.

Завершение процедуры отмены капитуляций в мае 1928 г. вылилось в подписание временных соглашений с государствами Европы и Америки [19. С. 721-722]. Беспокойство Москвы вызывали уступки, на которые был вынужден пойти Тегеран при переподписании договоров, например, предоставление аэродромов на юге Ирана официально для организации Англией почтового сообщения, а на деле – использования их в военных целях. Эти вопросы стали предметом обсуждения между полпредом в Тегеране Я. Х. Давтяном и А. Х. Теймургашем и премьер-министром Мехди Кули-ханом Хедайятом на протяжении первой половины года [19. С. 312-313]. Усилению позиций Англии в Иране Москва стремилась противопоставить неоформленный общим договором блок государств из Турции, Афганистана, Ирана и СССР [20. С. 3-18].

Тем не менее, главным приоритетом в отношениях двух стран оставались именно торговые отношения: полным ходом шел обмен товарами на Нижегородской и Бакинской ярмарках [21. С. 377]. В русле развития данного вектора отношений в сентябре 1929 г. были начаты переговоры о новом торговом договоре [21. С. 503-504], которые затянулись на два года.

В Москве считали, что Тегеран взял курс на ухудшение отношений. Заместитель наркома иностранных дел Л. М. Карахан инструктировал временного поверенного в делах СССР М. А. Логановского в мае 1930 г., что следует в беседе с недавно назначенным министром иностранных дел Ирана

Форуги изложить проблемные места советско-иранских отношений и предложить разрешить эти вопросы [22. С. 294-295]. При общении с А. М. Логановским Форуги подтвердил, что для Ирана важнейшей составляющей отношений является торговый договор. Тем не менее, символические жесты, призванные продемонстрировать готовность Тегерана идти на уступки, были сделаны: Реза-шах принял решение отстранить от руководства подразделением иранской армии одного из белоэмигрантов [22. С. 444].

Согласование различных положений и статей договора затянулось. Как отметил новый полпред в Тегеране А. М. Петровский в январе 1931 г., главной задачей полпреда было укрепление торгово-экономических отношений [23. С. 13-15] и, как следствие, заключение нового торгового договора. Однако, иранские власти проявляли определенную двойственность в отношениях: с одной стороны, они пошли на переговоры по проекту нового договора, но с другой стороны, продолжались набеги банд на советскую территорию, а также деятельность белоэмигрантских организаций.

Иранская модернизация также оказывала свое влияние на внешнюю политику. В Иране в 1931 г. была введена монополия внешней торговли. Москва была вынуждена принять изменившиеся условия торговли с Ираном, о чем Л. М. Карахан и заместитель наркома внешней торговли Ш. З. Элиава сообщили А. М. Петровскому в июле [23. С. 438]. Конвенция о поселении, о торговле и о мореплавании была заключена 27 октября 1931 г. на условии признания режима монополии внешней торговли [23. С. 595-606].

В январе 1932 г. на фоне переговоров с руководством АПНК по поводу пересмотра концессионного соглашения визит в СССР нанес министр двора А. Теймурташ [24. С. 27-30]. Заверения об укреплении дружественных отношений во время официального приема у наркома иностранных дел М. М. Литвинова выглядели неубедительно на фоне реального положения дел: происходили вооруженные столкновения на границе с жертвами с советской стороны [24. С. 339-340].

Кризис в отношениях достиг пика в 1933 г. в ходе кампании бойкота советских товаров иранскими купцами, которая, как считали в Москве, была организована в конце 1932 г. иранским правительством с целью нажима на СССР. Полпред А. М. Петровский писал в НКВД, что торговля почти полностью остановилась [25. С. 820-821]. В беседе с послом Ирана Пакреваном М. М. Литвинов отклонил предложение о посещении им Тегерана в разгар бойкота, и поставил в качестве условия визита в Тегеран заместителя наркома внешней торговли Ш. З. Элиавы, на котором настаивал иранский посол, прекращение недружественных действий [25. С. 167-168]. В июле бойкот был прекращён по распоряжению шаха [25. С. 476], после чего

Москва пошла на сближение: в сентябре-октябре 1933 г. замнаркома иностранных дел Л. М. Карахан нанёс визит в Иран, где был принят шахом. В беседе шах особенно настаивал на важности решения вопросов торговли; это стало основой потепления отношений двух стран [25. С. 552].

В своем выступлении на IV сессии ЦИК СССР 6-го созыва М. М. Литвинов особенно подчеркнул, что эта поездка стала проверкой отношений, подтвердившей их дружественный характер [26. С. 789]. В Москве было принято решение увеличить закупки иранских товаров с расчетом на то, что Иран станет одним из рынков сбыта продукции новых предприятий, о чем в 1934 г. велись переговоры. Фоном этих переговоров стало расширение советско-иранских культурных связей, выраженное в проведении в СССР торжеств по случаю тысячелетия иранского поэта А. Фирдоуси [26. Л. 68].

В мае-июне 1934 г. в Тегеране находился Ш. З. Элиава. В результате переговоров с министром финансов Давером была достигнута договоренность о начале подготовки нового торгового договора [28. С. 795], а также были увеличены закупки иранских товаров со стороны СССР.

Для советской экономики Иран становился важным рынком сбыта для продукции, произведённой советскими гигантами пятилеток [27. С. 813]. А. М. Заславский в письме советским консулам отмечал, что именно согласие советского правительства на расширение торгового сотрудничества с Ираном стало причиной того, что Тегеран стал предпринимать шаги по улучшению отношений [27. С. 496].

Для советского правительства, сосредоточенного на индустриализации и развитии собственных отраслей экономики, экономическая значимость Ирана изменялась. Развитие иранской промышленности воздействовало на структуру советско-иранской торговли. В переговорах 1934–1935 гг. советскую сторону главным образом занимал вопрос изменения структуры советского экспорта в сторону повышения вывоза машин и оборудования, и главным недостатком в работе с покупателями С. К. Пастухов и М. Л. Шостак считали плохую информированность иранцев о продукции советских предприятий, отсутствие качественных выставок [27. С. 743-746].

С целью ознакомления иранских должностных лиц с работой советских предприятий НКВД СССР был организован визит делегации во главе с начальником главного управления торговли Ааляма и начальником главного управления сельского хозяйства Бейятом в промышленные центры страны в апреле-мае 1935 г. Во время этого визита были разрешены принципиальные вопросы подготовки нового торгового договора [28. С. 635]. В августе 1935 г. был подписан новый торговый договор, а также комплекс соглашений, что значительно укрепило экономические связи двух стран [29. Р. 243-275].

На период потепления отношений приходится проведение двух наиболее значимых мероприятий, в организации которых принимал участие ВОКС, из области советско-иранских культурных связей: юбилея А. Фирдоуси в 1934 г. как в СССР, так и в самом Иране, а также III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии в Ленинграде в 1935 г. В разговоре с А. С. Черных А. А. Хекмат выразил готовность принять участие в пушкинских торжествах 1937 г. [30. С. 524] в качестве ответного мероприятия из области культурных связей с иранской стороны.

Далеко не во всех аспектах отношений Тегеран шел на сближение с Москвой: затягивались переговоры по советско-иранской нефтяной компании «Кевир-Хуриан» на протяжении 1936 г., несмотря на настойчивые попытки советского полпреда в беседах с министром иностранных дел Ирана Самии продвинуть вопрос (советские дипломаты связывали позицию Ирана с усилением влияния Германии) [30. С. 312, 555.]. Полпред А. С. Черных в конце 1936 г. был вынужден регулярно настаивать на прекращении практики приглашения немецких специалистов для работ в приграничных с СССР районах [30. С. 590, 617].

В это же время продолжалось сближение Германии и Ирана. В ноябре 1936 г. Иран посетил высокопоставленный чиновник Третьего Рейха Я. Шахт [31. С. 458]. Результатом этого визита стало подписание соглашения о товарообороте на 3 млн. ф. ст. [32. С. 63] и к 1937 г. Германия занимала второе место в иранской внешней торговле после СССР. Внешнеэкономическая экспансия Третьего Рейха была обусловлена необходимостью получить доступ к источникам сырья.

Нарком иностранных дел М. М. Литвинов уполномочил А. С. Черных заявить Самии в декабре 1936 г., что вопрос присутствия немецких специалистов в Иране является для СССР не просто юридической формальностью, но политическим вопросом, и что Москва серьезно обеспокоена перспективой превращения Ирана в плацдарм для немецкой разведки [30. С. 694].

8 июля 1937 г. был подписан Саадабадский пакт между Ираном, Турцией, Ираком и Афганистаном, оформивший создание т.н. Ближневосточной Антанты, который, несмотря на отсутствие возражений против него, вызывал опасения в Москве как пакт, имеющий потенциал превращения в антисоветский блок [33. С. 193].

К 1938 г. советско-иранские отношения находились в кризисе. Именно в этот период наблюдается практически полная заморозка связей по линии культуры: не проводится никаких значимых мероприятий ни с той, ни с другой стороны. Временный поверенный в делах СССР И. А. Карташев

сообщал М. М. Литвинову в начале 1939 г., что со второй половины 1937 г. МВД Ирана начало «искоренять связи с СССР из всех областей» [34. С. 138], поскольку шах видел главную опасность «в культурном и политическом влиянии СССР» [34. С. 75]. Это, безусловно, связано и с политикой давления, которую оказывала Москва по отношению к Тегерану: со второй половины 1937 г. советский полпред по инструкциям из Москвы настойчиво требовал от иранцев избавиться от немецких специалистов, что расценивалось как вмешательство во внутренние дела Ирана. В начале 1938 г. в заявлении советского правительства правительству Ирана было сказано, что в случае невыполнения требований Москвы будет полностью прекращен транзит товаров через СССР. Проблема пехлевийского порта была окончательно урегулирована только в декабре 1938 г. [35. С. 117, 119, 311-312].

Непродление торгового договора 1935 г. и разрыв экономических связей с СССР в связи с попыткой Тегерана переориентироваться на Германию ударило по иранской экономике. Заключение советско-германского пакта о ненападении и начало Второй мировой войны сильно повлияло на внешнеэкономическую политику Ирана: из-за морской блокады Германия потеряла возможность поставлять товары по морю через порты Персидского залива [36. С. 698]. В результате Иран был вынужден пересмотреть свои отношения с СССР (не без вмешательства Германии) и пойти на заключение нового договора о торговле и мореплавании 25 марта 1940 г., который обеспечил свободный транзит товаров через советскую территорию (ст. 10) [37. С. 215]. Вся деятельность уполномоченного ВОКС в 1940-1941 гг. в Иране была сосредоточена в стенах полпредства и существенно ограничена, однако потепление отношений сказалось и на возможностях проведения культурных мероприятий: организовывались кинопоказы, развивался книгообмен.

Начало Великой Отечественной войны изменило статус Ирана в советско-иранских отношениях. Теперь Иран, объявивший о своем нейтралитете, стал восприниматься как потенциальная угроза, а также как важный транспортный коридор для транзита военных грузов в СССР, и в августе 1941 г. была проведена военная операция на основании статьи 6 советско-иранского договора. В рамках данной операции в северные провинции страны вступила РККА, а в южные – британские войска. Условия для развития культурных связей стали гораздо более благоприятными в сравнении с периодом диктатуры Резы-шаха.

Таким образом, общий курс развития советско-иранских отношений в 1925–1941 гг. оказывал непосредственное влияние на возможности уполномоченных ВОКС по работе в сфере культурных отношений.

Подписание Договора о гарантиях и нейтралитете и сопутствующих соглашений в 1927 г. привело к сокращению доходов от порта Пехлеви в связи с его возвращением Ирану и ограничило возможности финансирования русско-персидских школ. Сокращение экономических связей, закрытие совместных предприятий и отъезд советских специалистов, а также давление националистического режима Пехлеви на иностранные школы в рамках борьбы с коммунистической идеологией в начале 1930-х гг. привело к превращению этих школ в учебные заведения при советских дипломатических миссиях. Потепление отношений в 1934-35 гг., связанное с подписанием торгового соглашения, сделало возможным проведение двух масштабных культурных мероприятий, в организации которых принимал участие ВОКС – юбилея Фирдоуси и III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. При этом важно отметить, что культурные связи никогда не прерывались даже в период охлаждения отношений: простые формы поддержания культурных связей – демонстрация кинофильмов, отправка литературы в Иран – сохранялись даже в 1938-1940 гг., когда политико-экономические отношения оказались в низшей точке.

Источники и литература

1. Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – М. : Госполитиздат, 1959. – 724 с.
2. Тузмухамедов Р. А. Советско-иранские отношения (1917-1921). / Р. А. Тузмухамедов – М. : Изд-во ИМО, 1960. – 95 с.
3. Парвизпур Б. Х. СССР-Иран. Возникновение и развитие добрососедских отношений и сотрудничества (1917-1927 гг.). Опыт историко-правового исследования. / Б. Х. Парвизпур. – Тбилиси : Мецниереба, 1977. – 93 с.
4. Алиев С. М. История Ирана. XX век / С. М. Алиев. – М. : Ин-т востоковедения : Крафт+, 2004. – 644 с.
5. . 332ص. 1384. تهران. رضاشاه دوره در شوروی و ایران روابط م. طاهر احمدی . [Тахер-Ахмади М. Отношения Ирана и СССР в период правления Резы-шаха. / М. Тахер-Ахмади. – Тегеран, 2005. – 332 с.].
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 4.
7. محمود کوشش به ؛(ش.ه. 1304-1316 ،شاه رضا دوره در) شوروی و ایران روابط اسناد احمدی طاهر .[Документы по ирано-советским отношениям в период правления Резы-шаха (1925–1937). Под ред. М. Тахер-Ахмади. – Тегеран, 1996. – 279 с.]
8. ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 53.
9. Дёмин Ю. А. Ф. А. Ротштейн и первые шаги советской дипломатии в

- Иране (1921-1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – №414. – С. 52–61.
10. Васильева О.А. Проблема концессий, разграничительный вопрос и советско-иранские торгово-экономические связи в 20-х гг. XX в // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – №4. – С. 227-231.
 11. Юсупов И. А. Установление и развитие советско-иранских отношений (1917-1927 гг.). / И. А. Юсупов. – Ташкент. : Фан, 1969. – 227 с.
 12. Айдогдыев М. Установление и развитие советско-иранских торговых связей (1917-1937 гг.) / М. Айдогдыев; отв. ред. Д. В. Валиева; АН ТССР, Ин-т истории им. Ш. Батырова. – Ашхабад : Ёлым, 1986. – 148 с.
 13. Дёмин Ю. А. Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921-1927 гг.): региональный и международный контексты // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. – 2020. – №1. – С. 14–21.
 14. ДВП СССР. Т. 8. 1 января – 31 декабря 1925 г. – М.: Госполитиздат, 1963. – 864 с.
 15. ДВП СССР. Т. 9. 1 января – 31 декабря 1926 г. – М. : Политиздат, 1964. – 784 с.
 16. ДВП СССР. Т. 10. 1 января – 31 декабря 1927 г. – М. : Политиздат, 1965. – 688 с.
 17. ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 134.
 18. Atabaki T., Volkov D. Flying Away From the Bolshevik Winter: Soviet Refugees across the Southern Borders (1917–30) // Journal of Refugee Studies. – 2021.– Volume 34, Issue 2. – P. 1900–1922.
 19. ДВП СССР. Т. 11. 1 января – 31 декабря 1928 г. – М. : Политиздат, 1966. – 792 с.
 20. Кузьмин В. А. Начальный этап переговоров о создании политического блока на Ближнем и Среднем Востоке (1928-1929) / В. А. Кузьмин // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1983. – С. 3–18.
 21. ДВП СССР. Т. 12. 1 января – 31 декабря 1929 г. – М. : Политиздат, 1967. – 816 с.
 22. ДВП СССР. Т. 13. 1 января – 31 декабря 1930 г. – М. : Политиздат, 1967. – 884 с.
 23. ДВП СССР. Т. 14. 1 января – 31 декабря 1931 г. – М. : Политиздат, 1968. – 872 с.
 24. ДВП СССР. Т. 15. 1 января – 31 декабря 1932 г. – М. : Политиздат,

1969. – 868 с.
25. ДВП СССР. Т. 16. 1 января – 31 декабря 1933 г. – М. : Политиздат, 1970. – 920 с.
 26. ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 146.
 27. ДВП СССР. Т. 17. 1 января – 31 декабря 1934 г. – М. : Политиздат, 1971. – 880 с.
 28. ДВП СССР. Т. 18. 1 января – 31 декабря 1935 г. М., 1973. – 718 с.
 29. Yoshinari M. A Unique Event in Iran-Soviet Economic Relations: The 1935 Iranian Trade Delegation to the USSR // *Iranian Studies*. – 2016. – Vol. 49, № 5. – P. 243–275.
 30. ДВП СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. – М. : Политиздат, 1974. – 824 с.
 31. Складов С.А. СССР и проблема германского влияния в Иране во второй половине 1930-х годов (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации // *Научный диалог*. – 2021. – № 11. – С. 451–467.
 32. Агаев С. Л. Германский империализм в Иране (Веймарская республика, Третий рейх) / С. Л. Агаев. – М. : Наука, 1969. – 158 с.
 33. Кузьмин В. А. Подготовка и заключение Саадабадского пакта 1937 г. Страницы истории международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. / В. А. Кузьмин, научный редактор В. Н. Грак. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1992. – 222 с.
 34. ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. 1 января – 31 августа 1939 г. – М. : Международные отношения, 1992. – 712 с.
 35. ДВП СССР. Т. 21. 1 января – 31 декабря 1938 г. – М.: Политиздат, 1977. – 792 с.
 36. ДВП СССР. Т. 23. Кн 1. 1 января – 31 октября 1940 г. – М. : Международные отношения, 1995. – 752 с.
 37. Турдубекова Т. Ш. Советско-иранские отношения в 1939-1941 гг. : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. / Т. Ш. Турдубекова. – Екатеринбург, 2012. – 234 с.

Секция III
ТОРГОВЛЯ, ЭКОНОМИКА И ЭНЕРГЕТИКА В
ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ИРАНА НА ПРОТЯЖЕНИИ
ПЯТИ ВЕКОВ

А.А. Баландова

Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ США НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР ИРАНА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ В ЭТОЙ СФЕРЕ

Аннотация. *Возобновлённый США санкционный режим нанёс существенный ущерб экономике Ирана. Из-за ограничительных мер Исламская республика фактически отрезана от крупных европейских рынков, а также не имеет возможности получать инвестиции и финансирование в необходимых количествах. Тем не менее, именно процесс расширения связей с Российской Федерацией способен реанимировать экономику Ирана и открыть новые пути для углубления сотрудничества, особенно в сфере энергетики.*

Ключевые слова: Иран, Россия, санкционный режим, сфера энергетики, перспективы.

После Исламской революции 1979 г. в Иране Соединённые Штаты ввели против страны экономические санкции с целью изменения поведения политической элиты. Санкции США, распространявшиеся в первую очередь на фирмы, сотрудничающие с Ираном, негативно повлияли на экономику Исламской Республики, однако не смогли полностью изменить стратегических целей по расширению влияния в регионе и усилению вооружённой мощи. Тем не менее, «многие эксперты считают, что санкции способствовали решению Ирана заключить в 2015 г. соглашение, ограничивающее его ядерную программу – Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД)» [1].

В течение 2011-2015 годов санкции США способствовали сокращению экономической мощи Ирана, поскольку экспорт сырой нефти упал более чем на 50%, а получить доступ к своим валютным активам, хранящимся за границей было невозможно. После проверки Международным агентством по атомной энергии того, что Иран выполнил свои ядерные обязательства по СВПД, администрация президента Обамы ослабила соответствующие экономические санкции США, а также были сняты ограничения ООН и Европейского Союза.

Однако санкции в отношении прямой торговли между Ираном и США, а также санкционные меры, введённые за нарушения прав человека, остались в

силе. Кроме того, Резолюция 2231 Совета Безопасности ООН, одобряющая СВПД и запрещающая импорт и экспорт оружия Ираном [2], продолжала своё действие вплоть до 18 октября 2020 г.

8 мая 2018 года президент Трамп прекратил участие США в СВПД. Возвращённые экономические ограничения и введённые впоследствии дополнительные санкции лежали в основе политики администрации Трампа по оказанию «максимального давления» на Иран с заявленной целью заставить страну провести переговоры по пересмотренному СВПД, в котором учитываются опасения США, выходящие за рамки иранской ядерной программы.

Эта политика привела к рецессии экономики Ирана, поскольку продажи нефти сократились, и страна снова была в значительной степени отрезана от международной финансовой системы. Администрация Трампа также ввела санкции в отношении нескольких иранских политических лиц, а также деятелей региональных проиранских фракций. Со своей стороны, Иран продолжал развивать свой ракетный потенциал, отказываясь при этом начинать переговоры с Соединёнными Штатами по пересмотренному СВПД.

С момента вступления в должность президент Д. Байден стремится реализовать заявленное намерение вернуться в СВПД. Тем не менее, по состоянию на январь 2022 г., переговоры продолжаются. Представители администрации Байдена признали, что возвращение США к соглашению повлечёт за собой ослабление экономических санкций, предусмотренных СВПД. Несмотря на дипломатические усилия с обеих сторон, в июле 2022 г. против нескольких частных лиц и фирм, базирующихся в Иране, Объединённых Арабских Эмиратах и Гонконге, которых США обвинили в содействии «доставке и продаже иранской нефти и продуктов нефтехимии в Восточную Азию» [3], были введены санкционные меры.

Иран на сегодняшний день – это страна, находящаяся под санкциями более 40 лет, однако остающаяся одним из мощнейших государств в энергетическом плане на Ближнем Востоке. Нефтегазовая отрасль стран, обладающих значительными запасами природных ресурсов (в частности, нефти и газа), в контексте санкций является очень уязвимым местом, а если учитывать, что за годы санкционного давления энергетический сектор Ирана все ещё является ведущим для страны и решающим для экономических показателей, то можно сказать, что Иран занимает далеко не выигрышное положение в противостоянии с США.

Основным минусом нефтегазовой отрасли (как ведущей для государства) является «голландская болезнь» [4] – когда сырьевой фактор активно забирает инвестиции у других отраслей, затрудняя их развитие. В Иране данная

проблема привела к тому, что энергетическая отрасль стала доминирующей над прочими. При этом энергоэффективность в Республике одна из самых низких в мире: из-за потребления населением Ирана в 3,6 раз больше газа на душу населения, чем в ЕС, и в 1,8 раз больше, чем большинство стран на Ближнем Востоке [5], в 2013 г. правительству пришлось приостановить поставки этого природного ресурса на нефтехимические заводы и сократить его экспорт с целью удовлетворения нужд населения.

Потребление первичной энергии в Иране почти вдвое увеличилось с 2000 г. и продолжает расти, в основном за счёт развития энергопотребляющих отраслей (например, нефтеперерабатывающих заводов), растущего спроса на транспорт и электроэнергию, а также за счёт процессов урбанизации [6]. Энергетический баланс Ирана показывает, что ископаемые виды топлива (включая природный газ и нефть) в целом составляют почти все первичное энергопотребление в стране.

На сегодняшний день санкции США против энергетического сектора Ирана направлены на снижение способности Ирана получать прибыль от добычи, продажи, транспортировки нефти и газа – самых важных природных ресурсов страны. В данный момент международные меры включают [7]:

1. Эмбарго на иранскую нефть. Вследствие введения американских и европейских санкций, экспорт иранской нефти сократился в среднем с 2,5 млн баррелей в день в 2011 году до 1,1 млн баррелей в день. Кроме того, санкционными мерами наложен запрет на покупку или содействие сделкам с иранскими нефтяными компаниями. В результате, возможность покупки нефти распространяется на узкий круг стран: Китай, Индию, Японию, Южную Корею, Тайвань и Турцию. При этом торговля является контролируемой: цены устанавливаются на фиксированном уровне.

2. Ограничение доступа к нефтяным доходам. Доходы от продажи иранской нефти заблокированы, и Исламская Республика может использовать их только для закупки гуманитарных товаров (в любой точке мира) или для покупки товаров в той стране, которой была продана нефть.

3. Ограничение возможности транспортировки нефти и других товаров. В частности, компаниям ЕС и США запрещено предоставлять услуги по страхованию или перестрахованию иранским нефтяным компаниям или танкерам. Санкции также ограничивают предоставление судов или услуг иранским судостроительным отраслям. Эти меры фактически заносят в «чёрный список» ещё и судоходный сектор Ирана.

4. Запрет на возможность инвестирования в добычу нефти. Американские санкции запрещают иностранным фирмам вкладывать значительные средства в нефтяные и газовые месторождения, тем самым

ограничивая возможности Ирана по модернизации своего нефтяного сектора. Аналогичным образом санкции ЕС, Японии и Южной Кореи запрещают предоставление нефтегазовых технологий и оборудования.

В результате такие меры очень негативно влияют на положение Ирана на мировой арене. У страны не оставалось выбора, кроме ввода ответных мер. Изначально санкции Ирана в 2017 г. против США были направлены на американских частных лиц и компании за «спонсирование терроризма или действий против национальной безопасности Ирана» [8]. При этом в МИД подчеркнули, что иранский народ имеет законное право на укрепление ракетного потенциала страны, и другие государства не могут вмешиваться в эти вопросы. Однако позже, в 2018 г., Исламская Республика ввела санкции уже в конкретной сфере – энергетической [9]. Данное решение было принято в ответ на решение американской администрации выйти из соглашения по ядерной программе Ирана и восстановить экономические санкции против страны.

Неожиданным поворотом стало то, что эти санкции нанесли ущерб, в первую очередь, именно экономике Ирана и энергетическому сектору Республики, который является главным источником доходов страны. С одной стороны, Иран сократил свои поставки нефти на мировой рынок, что привело к росту цен на нефть и газ. Однако одновременно с этим санкции привели к сокращению инвестиций в иранский энергетический сектор, что оказало отрицательное влияние на дальнейшее развитие и перспективы этой отрасли.

На данный момент Иран продолжает экспортировать нефть и газ в другие страны и ищет пути обхода санкционного давления, вводя меры только против физических и юридических лиц США и ЕС. Государство также продолжает развивать свой энергетический сектор, привлекая инвестиции из других стран, таких как Россия и Китай.

Ожидается, что основная часть прогнозируемых доходов от продажи нефти будет поступать из Китая, который остаётся основным покупателем Ирана. Точные данные об отгрузке отсутствуют, поскольку экспорт, подпадающий под санкции, держится в секрете, а нефть помечена как происходящая из Малайзии, Омана и Объединённых Арабских Эмиратов. Однако в середине января 2022 г. Китай официально объявил о своем первом импорте иранской сырой нефти с декабря 2020 года вопреки санкциям США [10]. И рынок по-прежнему склоняется в пользу Ирана, благодаря ограниченным поставкам и опасениям по поводу эскалации напряжённости между Россией и Западом из-за кризиса в Украине.

Важно отметить, что энергетический сектор страны управляется крайне неумело. Показатели по уровню добычи нефти не вернулись даже к

существовавшим до 1979 г. Добыча на наземных нефтяных месторождениях сокращается примерно на 8% в год, а добыча на морских месторождениях – на 11% за тот же период. Эти показатели могут достигать даже 13%. Таким образом, Иран теряет от 400 000 до 700 000 баррелей в сутки ежегодно из-за истощения запасов и малограмотного управления [11].

В то же время, есть некоторые оптимистические моменты. Экономика Ирана медленно выходит из десятилетней стагнации, вызванной двумя раундами экономических санкций, заметной цикличностью цен на нефть и пандемией COVID-19 [12]. Несмотря на ограничительные меры, в январе 2022 года Министерство энергетики Ирана объявило о планах добавить 10 ГВт возобновляемых мощностей (включая традиционную гидроэнергетику) к концу 2026 года для достижения долгосрочной цели – совокупной мощности возобновляемых источников энергии в 30 ГВт. Организация по возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности (SATBA) подписала Меморандум о взаимопонимании (MOU) с частными иранскими инвесторами для выполнения плана и указала, что выделит около 70 млн. долларов на первый набор проектов.

В данном контексте необходимо добавить, что в последние годы Россия и Иран активно укрепляют свои отношения в энергетической сфере. Обе страны являются крупнейшими производителями нефти и газа в мире, и сотрудничество между ними имеет большой потенциал.

Одним из ключевых направлений сотрудничества между Россией и Ираном является строительство ядерной электростанции в городе Бушер. Изначально планировалось строительство одного энергоблока, где сторонами договора стали российская компания ВПО «Зарубежатомэнергострой», впоследствии реорганизованная в ЗАО «Атомстройэкспорт», в качестве генерального подрядчика, и Организация по атомной энергетике Ирана (в роли заказчика проекта) [13]. На сегодняшний день ведется строительство второго блока, где главным подрядчиком является российская компания «Росатом». Данный проект включает в себя строительство трех энергоблоков мощностью по 1 000 МВт каждый. Алексей Лихачев, глава российской госкорпорации, отметил, что эта российско-иранская инициатива является символом двустороннего сотрудничества, подчеркнув, что средний жизненный цикл АЭС — 100 лет. То есть, сооружая станцию, Россия и Иран формируют повестку сотрудничества не только для нынешнего, но и для двух следующих поколений [14].

Кроме того, Россия и Иран активно сотрудничают в области транспортировки нефти и газа. Так, Газпром, крупнейшая компания в России, занимающаяся добычей и продажей газа, не только играет значительную роль

в мировой энергетике и является одним из ключевых игроков на международном рынке, но активно реализует ряд своих проектов именно в Исламской Республике. Из-за санкций, наложенных на страну, многие зарубежные компании вынуждены были прекратить свою деятельность в Иране. В этой ситуации Газпром остался одним из немногих глобальных игроков, продолжающих свою работу на иранском рынке.

Одним из крупных проектов, реализуемых Газпромом в Иране, является строительство газопровода «Парс-Южный поток». Этот проект предусматривает транспортировку газа из Ирана в Индию и Пакистан. Газопровод будет иметь длину около 1,8 тысяч километров и сможет перевозить до 33 миллиардов кубометров газа в год. Проект был запущен в 2017 году, и его стоимость оценивается в 7 миллиардов долларов. Строительство газопровода должно быть завершено в 2023 г.

Газпром также активно занимается исследованием и разведкой нефтегазовых месторождений в Иране. В 2016 году компания подписала соглашение с Национальной иранской нефтяной компанией (NIOC) о совместной разработке месторождения «Фарс». Общий объем инвестиций в этот проект оценивается в 4 миллиарда долларов.

Важным фактором в развитии сотрудничества между Москвой и Тегераном в энергетической сфере является санкционный режим, введенный США против Ирана. В результате сокращения доли присутствия зарубежных акторов, Российские компании могут занять свободные ниши на иранском рынке и укрепить свои позиции в регионе. Однако, сотрудничество между Россией и Ираном в энергетической сфере также имеет свои проблемы: различные экономические риски могут повлиять на реализацию совместных проектов в энергетической сфере.

Одной из основных проблем двустороннего партнерства может стать конкуренция за долю на мировом рынке нефти и газа. Оба государства являются крупными производителями этих ресурсов и стремятся увеличить присутствие именно своего товара на мировом рынке. В этой связи возможны конфликты между Россией и Ираном по поводу экспорта нефти и газа, а также по поводу цен на эти ресурсы.

Подводя итог, можно сказать, что международные санкции действительно являются серьезной и ощутимой мерой воздействия, а отраслевые принудительные меры способны не только способствовать снижению экономической мощи субъекта, но и ввергнуть его в затяжной кризис, наносящий неисправимый урон всей системе его функционирования. Так, несмотря на значительные природные запасы углеводородов, иранский нефтегазовый сектор переживает глубокий кризис. С одной стороны, он

обусловлен нерациональным управлением природными ресурсами и истощением месторождений. С другой – западными санкциями, которые не дают Тегерану доступ к новейшим технологиям и блокируют возможности инвестиционных потоков.

Перспективы сотрудничества России и Ирана в энергетической сфере остаются высокими. Обе страны имеют огромный потенциал в области производства и экспорта нефти и газа, а также в развитии альтернативных источников энергии.

Роль Газпрома в энергетическом секторе Ирана является важной и значительной. Компания продолжает укреплять свои позиции на иранском рынке, несмотря на сложности, связанные с санкциями. Реализация проектов, таких как газопровод «Парс-Южный поток» и совместная разработка месторождения «Фарс», поможет обеспечить Ирану повышенный доступ к газу и нефти, а также укрепит экономические связи между Россией и Ираном.

В связи с высоким потенциалом развития сотрудничества в энергетической сфере и учётом прогнозируемых проблем, Россия и Иран должны уделять большое внимание развитию новых проектов в данном секторе, а также поиску компромиссных решений, которые позволят избежать застоев и убытков в экономике для обеих сторон.

Источники и литература

1. Katzman K. Iran Sanctions // Congressional Research Service. – 2022. – p.1-27.
2. Резолюция 2231 (2015) – Иранская ядерная проблема // Совет Безопасности ООН. – [Б.м.], 2015. – URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/2231/background> (дата обращения: 30.03.2023).
3. ЗСША вводят новые санкции против Ирана на фоне усилий по возобновлению ядерной сделки // Aljazeera. – [Катар], 2021. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/7/6/us-imposes-new-iran-sanctions-amid-efforts-to-revive-nuclear-deal> (дата обращения: 30.03.2023).
4. Пальчун Д.А. Иран и мировая энергетическая проблема // «Инновации и инвестиции». – 2020. – №1. – С. 46-54.
5. CEA report on Iran // Tadviser. – [Москва], 2020. – URL: <https://tadviser.com/index.php/Special:Search?search=CEA+report+on+Iran+&fulltext=0> (дата обращения: 30.03.2023).
6. Исламская Республика Иран // IAEA. – [Тегеран], 2022. – URL: <https://wwwpub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/cnpp2022/countryprofiles/IranIslamicRepublicof/IranIslamicRepublicof.htm> (дата обращения: 30.03.2023).

7. Samore G. Sanctions Against Iran: A Guide to Targets, Terms, and Timetables // G. Samore. – Cambridge, 2015. – 47 p.
8. Iran Imposes Retaliatory Sanctions against US Entities // Iran front page. – [Тегеран], 2017. – URL: <https://ifpnews.com/iran-imposes-retaliatory-sanctions/> (дата обращения: 31.03.2023).
9. О выходе США из СВПД и его последствиях // Институт Ближнего Востока. – [Москва], 2018. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=44189> (дата обращения: 31.03.2023).
10. Iran's economy reveals power and limits of US sanctions // Aljazeera. – [Доха], 2022. – URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2022/2/2/irans-economy-reveals-power-and-limits-of-us-sanctions> (дата обращения: 31.03.2023).
11. Энергетический сектор Ирана: объект, уязвимый для санкций // The Heritage Foundation. – [Вашингтон], 2011. – URL: <https://www.heritage.org/middle-east/report/irans-energy-sector-target-vulnerable-sanctions> (дата обращения: 30.03.2023).
12. Экономические новости Ирана // The World Bank. – [Вашингтон], 2022. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/iran/publication/economic-update-april-2022> (дата обращения: 30.03.2023).
13. Милай И.Ю. Договорно-правовое регулирование строительства атомной электростанции Бушер 1 в Иране // Аспирантский вестник. – 2011. – С. 205-212.
14. «Бушер-2»: символ трех поколений // Страна Росатом. – [Москва], 2017. – URL: <https://strana-rosatom.ru/2017/11/07/busher-2-simvol-treh-rokolenij/> (дата обращения: 23.04.2023).

Н. М. Шендо

Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

**РАЗВИТИЕ РУССКО-ИРАНСКИХ ТОРГОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ**

Аннотация. Современное положение Ирана было predetermined экспансионистскими стремлениями мировых держав. Статья посвящена одной из вех данного процесса, в частности, особенностям русско-иранских торговых отношений конца XIX — начала XX века. Рассматривается торговая статистика, структура экспорта и импорта, главные российские предприятия в Персии, причины освоения данного региона со стороны российского правительства, соперничество двух империй, а также роль Учётно-ссудного банка в экономической экспансии России.

Ключевые слова: Персия, Российская империя, концессии, торговля, Учётно-ссудный банк, Большая игра.

Современные исследователи подразделяют историю экономического развития Ирана на до-нефтяную (1501–1900 гг.), пост-нефтяную (1900–1979 гг.) и изоляционистскую (1979 г. по настоящее время) [1. С. 61]. Второй этап характеризуется засильем иностранного капитала и превращением Ирана в колонию Западных держав, в частности России и Англии [2. С. 42].

Однако феномен экспансии иностранных государств через инвестирование и концессионное строительство был известен задолго до рубежа веков. Для начала стоит обратить внимание на торговую статистику между Российской империей и Персией (Таблица 1).

Год	Импорт в Россию	Экспорт из России
1883	7 698 019	3 569 037
1884	8 875 629	3 920 550
1885	8 951 069	3 930 600
1886	10 256 056	6 128 933
1887	9 144 515	7 922 890
1888	11 295 668	8 960 297
1888	11 295 668	8 960 297
1889	11 649 709	8 819 241

1890	10 783 228	10 895 880
1891	9 919 423	9 956 891
1892	11 272 847	9 340 243
1893	13 943 990	11 949 887
1894	11 271 709	12 223 300
1895	18 964 626	14 159 723
1896	17 492 312	14 501 445
1897	18 649 665	16 036 032
1898	21 551 137	17 034 413
1899	21 696 374	17 859 000
1900	20 413 061	20 648 970
1901	25 481 931	23 486 446
1902	23 486 410	24 045 189
1903	26 480 435	27 386 305
1904	23 865 908	27 285 992
1905	22 311 555	26 059 806
1906	24 503 105	31 756 349
1907	25 313 910	28 263 675
1908	28 471 185	26 656 758
1909	31 578 582	32 302 173
1910	36 701 727	37 904 249
1911	35 402 180	44 550 588
1912	35 427 553	52 996 640
1913	43 625 802	57 702 545
1914	41 346 817	52 865 190
1915	52 973 573	51 202 825

Таблица 1 – Общая сумма экспорта и импорта Российской империи с Персией (в руб.) [3] [4].

Как мы можем видеть, с 1883 по 1915 год общая сумма импорта в Россию возросла почти в 7 раз, что говорит об улучшении транспортной инфраструктуры и заинтересованности Российского правительства в торговле с Персией. Основными импортируемыми товарами была тяжеловесная сельскохозяйственная, скотоводческая и ремесленная продукция. В частности: сушёные фрукты и ягоды, хлопок, рис, миндаль и фисташки, шелковые ткани, рыба, скот и ковры [5. С. 285].

Экспорт также многократно возрос, в 14 раз в рассматриваемый статистический промежуток, однако в начале века выровнялся с импортом. Основными экспортируемыми из России товарами являлись сахар (2/3 всего ввозимого сахара), хлопчатобумажные ткани, фарфоровые и стеклянные

изделия, металлы и металлические изделия [5. С. 281].

Такое бурное развитие взаимного товарооборота объяснялось несколькими причинами, главная из которых – потребность России в рынках сбыта своей промышленной продукции, в частности текстильной, в то время как Персия, наоборот, нуждалась в ней. Способствовала развитию торговли между государствами Нижегородская ярмарка, где продавались в основном товары из Персии, множество учреждённых в середине XIX века пароходных и торговых обществ («Кавказ и Меркурий») и торговых домов («Астрабадский торговый дом», «Торговый дом Кудрина» и т.д.) также положительно влияли на торговые отношения [6. С. 109].

Вместе с тем, нельзя рассматривать данную проблему в стороне от политического и экономического соперничества между Россией и Англией в рамках Большой Игры. Так, шах разрешал англичанам открывать телеграфные концессии в период с 1860-х по 1900-е годы. Более того, видный английский концессионер, Юлиус Рейтер, подписал вместе с шахом соглашение о монопольном строительстве железных дорог, которое было отменено, в связи с протестом Российского правительства. Англичане получили монопольное право на судоходство по р. Карун, построили множество шоссежных дорог, добились права на разработку полезных ископаемых, получили право на табачную монополию, которая была с треском провалена из-за народных волнений. Однако главными предприятиями можно по праву считать Англо-Персидскую нефтяную компанию и Шахиншахский банк, учреждённый в 1889 году для продвижения английских интересов в Персии [7. С. 32-34]. Британская корона всеми возможными способами препятствовала усилению России, опасаясь за свои индийские владения, ведь Россия продолжала свою экспансию в Средней Азии, кроме этого, рассматривалась угроза захвата Персидского залива, в следствие которого был бы получен выход к Индийскому океану [8. С. 150].

Сам факт того, что экономическая деятельность иностранцев активизировалась, подтолкнул российское правительство к действиям. Были предприняты аналогичные шаги с одной стороны для того, чтобы не давать усиливаться Англии в регионе, ведь в высших кругах боялись, что Англия сможет использовать Персию как плацдарм для наступления на Россию, а с другой - чтобы рынок сбыта оставался стабильным, ведь российское правительство провозгласило политику «мирного завоевания Персии» [9. С. 161].

Изначально частный капитал преобладал. Первым российским внушительным предприятием на территории Персии можно считать рыбные

промыслы Г. М. Лианозова. Русские капиталисты в дальнейшем получали концессии на разработку природных богатств: вырубку лесов (Куссис и Теофилактос), разработку рудников Карадага и т.д. Стремительными темпами развивалась инфраструктура, преимущественно с помощью концессий братьев Поляковых. Так, было открыто «Персидское страховое и транспортное общество», из-за чего возрос товарооборот по сухопутной закавказской и морской каспийской границе. Для устранения трудностей самые крупные судоходные компании совместно с поляковским обществом объединились в «Бюро персидских транспортов» в 1904 году [9. С. 162-163]. Развивались и средства связи: была построена телеграфная линия Чикишляр-Астрабад в 1879г. Министерство почт и телеграфа России предложило открыть русское почтовое учреждение в Гаудане. К 1886 году в стране насчитывалось 73 почтовые конторы [5. С. 341]. Это обеспечивало безопасность для корреспонденции, ведь раньше при долгих перевозках никто не мог гарантировать сохранность деловых бумаг, денег и векселей от ограблений.

В 1893 году С. Ю. Витте в своём известном апрельском докладе на Особом совещании по торговле с азиатскими государствами предложил одну из первых стратегий по развитию отношений Российской империи с сопредельными странами Востока, в том числе и с Персией. Он выдвинул планы учредить русско-азиатские банки, и в ускоренные сроки наладить пути сообщения для усиления позиций Российской Империи в Азии [10. С. 11]. С этого момента началось активное вмешательство российского правительства на торговлю между двумя странами.

Пожалуй, главным предприятием, с помощью которого российское правительство лоббировало свои интересы в Персии являлся Учетно-ссудный банк Персии. Он был создан на основе Ссудного общества Персии, убыточного предприятия братьев Поляковых. С. Ю. Витте на Особом совещании предложил выкупить его, что и произошло в апреле 1894 года. Он был выкуплен Министерством финансов, получил кредит от Государственного банка и Государственного казначейства, хоть и считался формально частным [5. С. 343].

С 1895 года через Учетно-ссудный банк российское правительство вкладывает крупные капиталы для развития торговли. Без участия банка не проходило ни одно оформление русскими капиталистами концессии [11. С. 49]. Через него проходило оформление концессий на постройку дороги от Кавзина до Энзелийского залива, обустройство Энзелийского порта, постройку и эксплуатацию дорог Кавзин-Хамадан, Решта-Энзели, рыбную ловлю и прочие. За сравнительно короткий срок в 15 лет, с 1895 по 1910 год,

Россия вложила в дорожное строительство Ирана около 21 млн. руб. [12. С.571]. Имели место быть и случаи, когда высшее руководство банка становилось акционером ключевых инициатив, так, например, председатель банка П. П. Барк стал директором Энзели-Тегеранской дороги.

Однако функционал данного предприятия не ограничивался лишь этим. Учетно-ссудный банк Персии также давал в займы лично шаху, что способствовало односторонней экономической зависимости Персии от России и ограничивало политическое руководство в принятии решений, так как зачастую, шах тратил эти деньги на поездки по Европе [13. С.37]. Вышеупомянутый П. П. Барк и заведующий тегеранским отделением Э. К. Грубе дарили дорогостоящие подарки шаху и его окружению, например, наследнику престола Мохаммаду Али был подарен киноаппарат и киноленты с итоговой стоимостью 4113 руб. 65 коп. [11. С. 52-53].

Последние 5-6 лет XIX века показали, что Российская империя достигла значительных успехов в Персии, догнала Англию в объемах торгового оборота и заняла доминирующее положение на промышленно развитом северо-восточном регионе страны [14. С.18].

Далее началась эпоха эксплуатации нефтяных месторождений Англо-Персидской нефтяной компанией, Россия же после поражения в русско-японской войне и потрясений революции 1905г. не действовала активно и даже прибегла к подписанию соглашений, условия которых ранее не представлялись выгодными и возможными, например, соглашения о разделе сфер влияния в Персии 1907 года, положения которого противоречили национальным интересам России в регионе.

Таким образом, торговые отношения Российской империи и Ирана в конце XIX – начале XX века на первых этапах представляли собой взаимовыгодный обмен, однако к концу XIX века стали напоминать колониальные: Россия привозила технологическую продукцию, а вывозила дешёвое сырьё. Персия же претерпевала экономический кризис и не могла противостоять давлению ни России, ни Англии, а учитывая действия шахов, которые фактически брали взятки и не сильно интересовались делами государства, то лавировать между группами интересов у правительства тоже не выходило, что привело страну к разрухе и революции 1905-1911 года.

Источники и литература

1. Насирбейк А. И. Этапы развития экономики Ирана // Горизонты экономики. – 2019. – Т. 53, № 6. – С. 61-66.
2. Алиев С. М. История Ирана. XX век / С. М. Алиев. – Москва : ИВ РАН, 2004. – 648 с.

3. Общая сумма экспорта из России в отдельные страны и регионы. 1827-1917 // Проект Динамика экономического и социального развития России в XIX - начале XX вв. – Москва, 2010-2011. – URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/data/10_007.xls (дата обращения: 25.04.2023)
4. Общая сумма импорта в Россию из отдельных стран и регионов. 1827-1917 // Проект Динамика экономического и социального развития России в XIX - начале XX вв. – Москва, 2010-2011. – URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/data/10_008.xls (дата обращения: 25.04.2023)
5. Атаев Х. А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII-XIX вв. / Х. А. Атаев – Москва : Наука, 1991. – 391 с.
6. Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX-начало XX века) / Л. М. Кулагина ; Российская акад. наук, Ин-т Востоковедения. – Москва : Ключ-С, 2010. – 271 с.
7. Кантимирова Р. И. Английские концессии в Иране в конце XIX - начале XX века // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – № 11. – С. 31-36.
8. Van Dijk K. Pacific Strife: The Great Powers and their Political and Economic Rivalries in Asia and the Western Pacific, 1870-1914 / K. Van Dijk. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2015. – 568 p.
9. Абрамов А. Е. Освоение Ирана российским государственным и частным капиталом в конце XIX века // Инновационные подходы в решении проблем современного общества : сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2 частях, Пенза, 27 мая 2018 года / Ответственный редактор Гуляев Герман Юрьевич. Часть 1. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 161-165.
10. Сидорова М. М. «Азиатская программа» российского правительства в прошлом и настоящем // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 3. – С. 5-28.
11. Павлова И. К. Из истории деятельности Учётно-ссудного банка Персии (по материалам Русских архивов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 2. – С. 47-60.
12. Чубарьян А. О. Всемирная история / А. О. Чубарьян. – Том 5. Мир в 19 веке: на пути к индустриальной революции. – Москва : Наука, 2014. – 940 с.
13. Махдиян М. Х. История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX — начало XXI века) / М.Х. Махдиян. – Москва :

Институт востоковедения РАН, 2014. – 228 с.

14. Ананьич Б. В Российское самодержавие и вывоз капиталов: 1895-1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии) / Б. В. Ананьич ; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 211 с.

И.А. Шуть

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

**К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ИРАНО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В
СФЕРАХ ЭНЕРГЕТИКИ И ТОРГОВЛИ: ТЕКУЩЕЕ
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО
РАЗВИТИЯ**

Аннотация. *В статье рассматривается текущее состояние и складывающиеся тенденции ирано-российское сотрудничество во внешнеэкономических отношениях. Особое внимание уделяется необходимости углубления интеграционных связей двух стран. Перспективными направлениями для наращивания сотрудничества могут стать: сельское хозяйство, машиностроение, энергетика и туризм.*

Ключевые слова: торгово-экономическое сотрудничество, российско-иранский диалог

Иран на протяжении долгого времени — нескольких десятилетий испытывает существенное давление со стороны западного мира. Российская Федерация, также на протяжении нескольких лет претерпевает усиление санкционного давления. Сепарирование западными странами России и Ирана из мирового сообщества повышает вероятность кардинального реформирования внешних связей двух государств.

Поэтому сохранение и укрепление сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской республикой Иран является одним из ключевых векторов в развитии внешней политики обеих стран.

Говоря о применяемых методах, следует отметить, что при систематизации и анализе информационного материала применялся подход, который состоял из таких основных методов научного исследования, опирающихся на базис экономической теории, как методы описания и обобщения, экономико-статистический метод.

При написании данной работы были изучены различные информационные источники, научные и новостные статьи, написанные высококвалифицированными авторами и статистические данные. Основу статистических данных составили материалы

International Trade Centre UNCTAD/WTO (ITC) Trade Map, а также

сведения Федеральной таможенной службы Российской Федерации и иные зарубежные источники.

До недавнего времени основными торговыми партнёрами Ирана являлись Ирак, ОАЭ, Афганистан и Турция. С недавнего времени к данной группе присоединились Китай и Российская Федерация.

Россия поставляет в Иран зерно, продукцию животноводства, жиры, масла и. В иранском экспорте в Россию значительную долю составляет продукция растениеводства — фрукты и овощи.

Несмотря на то, что Исламская Республика Иран располагает достаточно благоприятными климатическими условиями на части своей территории для ведения сельского хозяйства и имеет достаточно развитый агропромышленный комплекс, но по ряду причин исламскому государству приходится закупать часть продовольствия за рубежом.

Так, российские предприятия имеют хорошие перспективы по наращиванию поставок пшеницы, ячменя, кукурузы, чечевицы, рапсового и соевого шрота, нерафинированных растительных масел, а также красного мяса.

Санкции США ограничили экспорт иранской нефти. Значительные запасы горючих ископаемых обуславливают сильную зависимость доходов государственного бюджета от поступлений от продажи нефти, поэтому экономическая активность страны в некоторой степени остаётся волатильной.

Увеличение товарооборота между Российской Федерацией и Ираном станет логистическим мостом в торговле с Ближним Востоком, Южной и Юго-Восточной Азией, к тому же, Иран имеет уникальный опыт многолетней работы в условиях западных санкций.

Эскалация геополитической напряжённости, турбулентность на мировых товарных рынках и ряд иных факторов, создающих ряд существенных рисков для развития стран во всем мире обуславливают необходимость поиска надёжных стран-партнёров для создания устойчивого базиса внешнеторговых отношений. С недавнего времени сотрудничество между Российской Федерацией и Исламской республикой Иран существенно укрепилось и перешло на качественно новый уровень.

Важно отметить, что российско-иранские отношения впервые были установлены в XV в. 2022 год стал важной вехой в развитии ирано-российских отношений в части торговли. У обеих стран есть выход к Каспийскому морю, по которому осуществляется транспортировка контейнерных грузов. Россия имеет несколько портов на Каспии, к основным относятся: Астрахань, порт Оля и Махачкала, Солянка и Лагань. У Ирана также есть 5 портов, расположенных на Каспийском море, а именно: Астара,

Энзели, Каспиан, Ноушехр и Амирабад. Торговые отношения между данными портами имеют многолетнюю историю и их начало принято относить ещё к XVI веку, а к концу XIX века связи между странами приобрели не только экономический, но и культурный характер. При дворе шаха даже существовала казачья дивизия. После Октябрьской революции Советская Россия продолжала сотрудничество с Ираном. 25 декабря 1991 года Иран выразил готовность продолжать отношения с Россией как государством-преемником СССР [5. С. 11].

Рассматривая внешнеторговые отношения между Россией и Ираном, важно отметить, что акватория Каспия имеет стратегическое значение. Прежде всего, это связано с тем, что там осуществляется добыча нефти.

Исламская Республика Иран — один из крупнейших потребительских рынков Ближнего Востока и один из самых перспективных, так как находится на пересечении стратегически важных торговых маршрутов между Европой и Азией, занимая выгодное геополитическое положение.

Продовольственный рынок Ирана обладает достаточно высоким потенциалом и привлекательностью для российских экспортёров. В период 2019-2022 годы наблюдается устойчивая положительная динамика российско-иранского товарооборота. Наибольшую долю в двусторонней торговле занимает продукция агропромышленного комплекса.

Следует отметить, что в 1950-70 гг. правительство Ирана активно инвестировало бюджетные средства на развитие в сектор сельского хозяйства в целях повышения производства, увеличения объёмов экспорта, поддержку устойчивого роста, а также повышения уровня жизни в сельских районах. Так, например, в 1962 году государственные инвестиции на развитие сельского хозяйства и ирригации составили 630,7 млн долл. США (или 23,1% от общего объёма государственных инвестиций).

В структуре иранского растениеводства наибольший удельный вес занимает зерновая отрасль — 30,5%, фрукты — 24,9% и овощи 20,8%. Главными сельхоз культурами Ирана являются пшеница, на долю которой приходится около 21,6% всего производства, сахарный тростник — 11,4% и сахарная свёкла — 8,8% [1].

Для поддержания прибыльности местных сельхозпроизводителей в Иране практикуется протекционистская экономическая политика. Она проявляется в форме государственных субсидий, связанных с производством основных продуктов питания (к примеру, пшеницы) и сельскохозяйственной техники. Кроме этого, иранское Правительство ежегодно устанавливает гарантированные цены на закупку пшеницы у фермеров. Использование таких мер приводит к увеличению внутреннего производства пшеницы.

Также в Иране существует и сельскохозяйственный банк — Банк Кешаварзи, специализирующийся на сельскохозяйственном секторе и являющийся основным источником финансовых услуг и кредитов для фермеров. Однако существует ряд факторов, осложняющих ведение растениеводства в стране.

Одной из ключевых проблем является нехватка воды и то, что для значительной части территорий Ирана круглый год характерна сухая и жаркая погода, на юге расположена пустыня, а зоной благоприятной для фермерства считается только северная часть вблизи Каспийского моря. Каждый год сельскохозяйственный сектор использует до 90,2% всей доступной в стране воды. Кроме воды, острым для иранских аграриев является вопрос кормов — в Иране ощущаются проблемы с натуральными пастбищами, поэтому количество животных на доступных к выпасу землях вдвое превышает допустимые значения. Из-за этого Иран вынужден импортировать ряд стратегически важных культур и продукции, которыми страна не может себя обеспечить [4. С. 137].

В связи с этим частично нехватка собственных продуктов питания возмещается поставками российских экспортёров, поскольку Россия исторически является лидером по поставкам на мировые товарные рынки зерновых и зернобобовых культур. Однако у российских экспортёров есть конкуренты на иранском продовольственном рынке, в частности, Индия (22,7% продукции АПК от общего объёма агроимпорта страны в 2019 г.), Бразилия (21,9%), Казахстан, Китай, Турция, Аргентина и др. [6].

№	Страна	2015	2016	2017	2018	2019
1	Индия	1 079,5	808,0	1 152,9	1 567,0	2 290,6
2	Бразилия	1 658,6	2 128,8	2 289,4	2 191,6	2 208,3
3	ОАЭ	1 521,5	1 496,7	1 936,7	1 509,4	1 650,8
4	Россия	474,0	428,4	550,7	792,8	962,5
5	Аргентина	718,3	423,5	442	381,7	379,3
6	Малайзия	288,9	313,7	463,5	378,4	330,7
7	Казахстан	151,4	148,6	169,9	330,7	297,5
8	Турция	301,9	304,3	220,9	239,1	271,6
9	Канада	70,7	81,4	72,7	54,6	241,7
10	Германия	366,4	323,4	212,8	139,4	220,1
	Прочие страны	2126,2	2374,2	2796,1	2489,1	1229,7
	Всего	8757,5	8831,1	10307,6	10037,7	10082,8

Таблица 1 – Основные страны-экспортёры продукции АПК в Иран в 2019 г.

Источник: «ITC Trade Map»

Отметим, что Министерства сельского хозяйства России, Казахстана и Ирана подписали Меморандум по вопросу поставок пшеницы.

Исламская Республика Иран импортирует промышленное оборудование, сырье и товары первой необходимости, такие как продовольствие и медикаменты. Основными торговыми партнёрами Ирана являются страны Западной Европы, Восточной Азии и Ближнего Востока. Основу импорта Ирана составляют зерновые культуры, фрукты (в частности, апельсины, яблоки и виноград), сухофрукты, орехи, овощи и технические культуры (сахарный тростник и сахарная свёкла).

В структуре экспорта продукции АПК Ирана основной объем приходился на фисташки (28,5% от экспорта страны), финики (6,9%), изюм (5,0%), виноград и изюм (5,3%) и прочую продукцию АПК [1].

Как видно из Таблицы 2 основными странами-импортёрами продукции АПК из Ирана в 2019 г. являлись Китай (14,9% от общего объема агроэкспорта страны), Россия (14,9%), ОАЭ (11,7%), Германия (7,0%), Катар (5,6%). На долю топ-10 стран пришлось 73,4% экспорта продукции АПК страны.

№	Страна	2015	2016	2017	2018	2019
1	Китай	43,6	27,9	27,0	47,3	308,2
2	Россия	184,0	233,1	273,1	395,2	308,0
3	ОАЭ	306,3	258,5	286,6	265,1	242,5
4	Германия	255,2	240,5	226,2	233,6	143,8
5	Катар	10,4	н/д	18,2	159,5	116,6
6	Афганистан	97,2	102,0	148,6	149,9	114,7
7	Кувейт	144,1	90,4	73,4	173,7	110,1
8	Индия	121,4	114,5	159,3	118,8	68,8
9	Испания	105,9	111,3	100,3	82,8	59,4
10	Азербайджан	16,3	32,5	30,5	36,3	44,7
	Прочие страны	1139,3	975,4	916,2	848,5	549,4
	Всего	2423,7	2186,1	2259,5	2510,7	2066,4

Таблица 2. Основные страны-импортёры продукции АПК из Ирана в 2019 г

Источник: ITC Trade Map

В британском издании «The Economist» в статье «Iran wants a detente with its neighbours but not with America» эксперты отмечают рост товарооборота

между Ираном и Россией до \$2 млрд в год, по сравнению примерно с \$1,5 млрд до войны в Украине .

На основе статистических данных, размещённых на портале Международного торгового центра (International Trade Centre – ITC) - Trade Map, можно отметить, что наибольшую долю в импорте российской продукции в Иран составляют драгоценные и полудрагоценные камни и драгоценные металлы, древесина и изделия из неё, продукты мукомольной промышленности (например, солод, крахмалы, клейковина). Однако, если рассматривать стоимостное выражение импорта, то наибольшую долю составляют зерновые культуры, со значительным отрывом далее следуют животные и растительные жиры, древесина, затем – машины и оборудование, котлы и ядрёные реакторы, неорганические химикаты и прочее [1].

Product Label	Iran, Islamic Republic of's imports from Russian Federation	
	Value in 2021, USD thousand	Share in Iran, Islamic Republic of's imports, %
Cereals	1,092,875	14
Animal or vegetable fats and oils and their cleavage products	185,506	7
Wood and articles of wood; wood charcoal	114,293	27
Electrical machinery and equipment and parts thereof; sound recorders and reproducers, television	50,440	1
Machinery, mechanical appliances, nuclear reactors, boilers; parts thereof	45,409	1
Inorganic chemicals; organic or inorganic compounds of precious metals, of rare-earth metals,	37,917	6
Edible vegetables and certain roots and tubers	29,179	12
Pharmaceutical products	15,830	1
Commodities not elsewhere specified	12,944	1
Cotton	12,693	4
Vehicles other than railway or tramway	10,950	1

rolling stock, and parts and accessories thereof		
Natural or cultured pearls, precious or semi-precious stones, precious metals, metals clad	10,246	81
Paper and paperboard; articles of paper pulp, of paper or of paperboard	8,773	1
Meat and edible meat offal	7,688	2
Articles of iron or steel	5,225	1
Oil seeds and oleaginous fruits; miscellaneous grains, seeds and fruit; industrial or medicinal	2,790	1
Products of the milling industry; malt; starches; inulin; wheat gluten	1,466	25

Таблица 1 – Bilateral trade between Iran and Russian Federation in 2021, Imports
Источник: «Trade Map, Trade statistics for international business development»

Анализируя стоимостное выражение экспорта иранской продукции в РФ, отметим, что наибольшую долю составляют съедобные фрукты и орехи, цитрусовые и орехи, пластмассы и изделия из них [1].

Отметим, импорт России из Ирана имеет определённую сезонную особенность ввиду преобладания в нем овощей и фруктов, потребность в которых в летний период у России меньше, чем в зимний.

Product Label	Iran, Islamic Republic of's exports to Russian Federation	
	Value in 2021, USD thousand	Share in Iran, Islamic Republic of's exports, %
Edible fruit and nuts; peel of citrus fruit or melons	206,050	9
Plastics and articles thereof	101,653	2
Edible vegetables and certain roots and tubers	86,781	10
Preparations of vegetables, fruit, nuts or other parts of plants	31,112	11

Man-made staple fibres	27,571	38
Zinc and articles thereof	20,139	4
Fish and crustaceans, molluscs and other aquatic invertebrates	12,216	6
Pharmaceutical products	7,141	7
Vehicles other than railway or tramway rolling stock, and parts and accessories thereof	6,285	5
Carpets and other textile floor coverings	5,411	2
Other made-up textile articles; sets; worn clothing and worn textile articles; rags	3,124	3
Cocoa and cocoa preparations	1,350	3

Таблица 2 – Bilateral trade between Iran and Russian Federation in 2021, Exports
Источник: «Trade Map, Trade statistics for international business development»

Иран обладает значительными запасам природного газа и занимает второе место в мире по данному показателю. Также Иран занимает четвёртое место по объёму фактически разведанных запасов сырой нефти [7]. Также у страны есть потенциал к развитию возобновляемых источников энергии, который не может быть полноценно реализован из-за санкционной нагрузки.

Не-нефтяная торговля Ирана в значительной степени сосредоточена в нескольких странах, в основном соседних, и Китае. За первые восемь месяцев текущего года на долю Пекина пришлось 25% от общего объёма не-нефтяной торговли Ирана, что на сегодняшний день делает его крупнейшим торговым партнёром Ирана. Тем не менее, не-нефтяная торговля Китая с Ираном сократилась по сравнению с 2019 годом. Данное явление частично связано с падением экспорта иранской нефти, что помогло Ирану финансировать свой импорт.

В дополнение к накопленному эффекту торговые и финансовые санкции США, пандемия Covid-19 в значительной мере повлияла на не-нефтяную торговлю в 2020 году. Весной Ирак, Турция, Афганистан и другие соседи закрыли свои границы с Ираном, немедленно перекрыв ключевые экономические маршруты.

В настоящее время Иран продаёт всю добытую нефть «до последней капли», потому что добыча упала почти вдвое с 2017 года, с 4 млн баррелей в

день до 2,5 млн. Компания получает больше доходов только потому, что средняя цена на нефть в 2022 году была на 100% выше, чем пятью годами ранее. Другими словами, санкции серьезно сократили добычу в Иране и, таким образом, обходятся стране в десятки миллиардов долларов дохода в год. Хуже того, часть доходов Ирана поступает не наличными, а скорее по бартерной схеме с Китаем, что означает, что экспортная выручка не способствует укреплению риаля.

Для России волатильная динамика цен на энергоносители обуславливает приоритетность необходимости сохранения ценового баланса и доли на азиатском нефтегазовом рынке. Возобновились переговоры об участии «Лукойла» в двух нефтяных месторождениях Южного Ирана. Продолжается обсуждение поставок российского газа через Азербайджан для последующего экспорта из иранских портов. Развивается сотрудничество и в области нефтехимии.

В рамках рассматриваемого аспекта необходимо отметить, что Крупнейшим российско-иранское сотрудничество затрагивает и сферу мирного использования ядерной энергии, так одним из крупнейших проектов двух стран считается строительство энергоблоков АЭС «Бушер». Первый блок атомной станции, достроенный с участием РФ, был подключён к национальной энергосистеме Ирана в сентябре 2011 года. В настоящее время ведётся строительство второго энергоблока и заключён контракт на строительство третьего [2].

Строительство блока № 2 официально началось осенью 2019 года. Помимо этого, Москва поставляет Тегерану ядерное топливо, необходимое для работы реактора первого блока.

Говоря о перспективах сотрудничества, необходимо отметить, что Иран в 2018 году занял 50-е место среди внешнеторговых партнёров России. В свою очередь, Россия заняла 12-е место в списке основных внешнеторговых партнёров Ирана.

Полагаем, наибольшим потенциалом российского экспорта в Иран обладает продукция АПК.

Потенциал увеличения поставок продукции АПК из России в Иран к 2030 г. оценивается на уровне 1,7 млрд долл. США. Среди российской продукции АПК наибольшим потенциалом увеличения поставок обладают зерновые культуры, в частности кукуруза и ячмень. Учитывая высокий спрос на рынке Ирана на эти культуры, суммарно объем иранского импорта из России может превысить 900 млн долл. США. Высоко востребована на рынке Ирана и продукция масложировой отрасли, прежде всего подсолнечное масло.

Баранина также является перспективным продуктом для наращивания

поставок. Основным поставщиком баранины в Иран с 2010 г. являлась Австралия, однако с 2018 г. Россия занимает значительную долю на иранском рынке.

Так, торговые отношения России с Ираном в 2022 г. строились сразу в нескольких направлениях. Это и продолжение сотрудничества в энергетической сфере, которое прерывалось из-за санкций, и сотрудничество в торговле продукцией сельского хозяйства. Российские поставки продовольствия, сельхозсырья, продукции лесного хозяйства и деревообработки составили 90% экспорта РФ в Иран.

С целью избежания рисков, препятствующих наращению товарооборота, по причине схожести экспортируемых товаров обеими странами, необходимо прежде всего использовать теорию относительных преимуществ для поддержания целесообразных пропорций в поставках, а также укреплять национальные экономики.

При изучении карты экспортного потенциала, можно сделать следующие заключения. Рынками с наибольшим потенциалом для мирового экспорта всех видов продукции являются Соединённые Штаты, Китай и Германия. Безусловно, Китай демонстрирует наибольшую абсолютную разницу между потенциальным и фактическим экспортом на сумму 1,2 трлн долларов. Российская Федерация обладает нереализованным потенциалом в размере 108 млрд. долларов. У Ирана разница между потенциальным и фактическим экспортом в стоимостном выражении составляет 21 млрд. долларов, оставляя тем самым возможности для реализации дополнительного экспорта. Данные наблюдения - наличие нереализованной потенциальной стоимости указывает на возможности для роста экспорта, если удастся преодолеть барьеры, например, нормативные акты или разногласия между покупателем и продавцом, свидетельствуют о возможности наращивания экспорта, как в РФ, так и в Исламской республике, что создаёт благоприятные условия для дальнейшего сотрудничества.

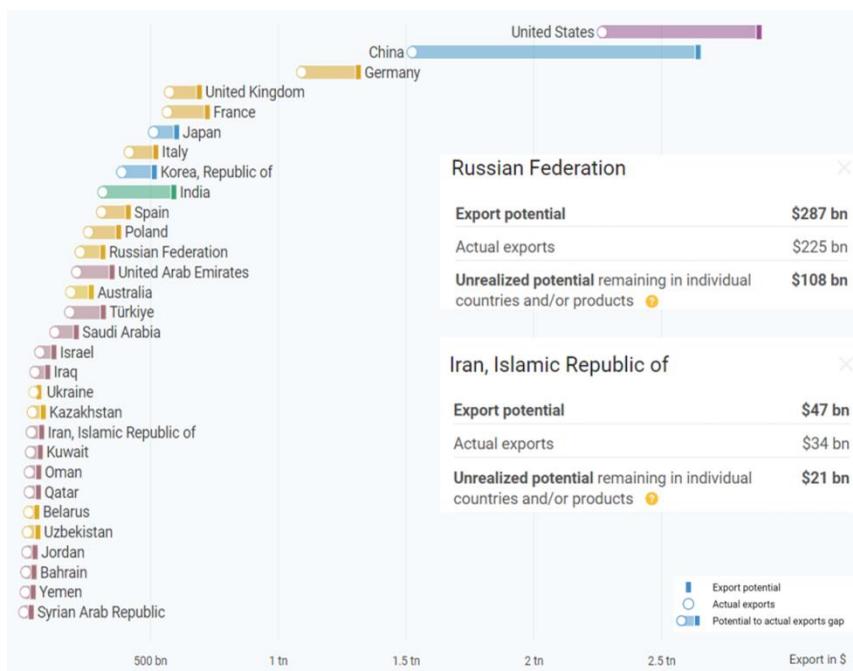

График 1 – Export potential

Источник: «Trade Map, Trade statistics for international business development»

Таким образом, Россия входит в число основных торговых партнёров Ирана. Торговый оборот между Россией и Ираном по итогам 2021 года составил около \$ 2,2 млрд (3 % от импорта и 1 % от экспорта в общей структуре), состоя почти на 80 % из сельскохозяйственной продукции [8].

«В 2022 году оборот внешней торговли России и Ирана вырос на 20%, составив 4,9 млрд долларов. Однако полагаем, что этот показатель может быть увеличен до 40 млрд долларов уже в ближайшие годы. Предпосылки для этого есть», — сказал глава Торгово-промышленной палаты Сергей Катырин [3].

На самом деле сотрудничество России и Ирана может оказаться намного шире. Так, СМИ сообщают о возможной поставке в РФ иранских турбин — продукции предприятий, построенных ещё в шахском Иране немецкой Siemens. Также речь идёт о встречных поставках в Иран российского энергетического оборудования и продолжении строительства второго

энергоблока Бушерской АЭС, заложенного в 2019 г., и закладке третьего.

Отметим, что в 2022 году Иран существенно нарастил экспорт промышленных товаров в Россию (а именно: полистирол, насосы, автокомпоненты, станки для металлообработки и т.д.), однако две страны пока так и не сформировали стратегическое партнёрство в экономической сфере (не считая Бушерской АЭС, построенной при участии Москвы).

Ещё одной стратегической мерой по созданию устойчивых экономических отношений между Ираном и РФ может стать приобретение Ираном долей в российских портах в Волгограде или Махачкале и создание центров прямых поставок иранских потребительских товаров, создание консорциума с Россией и Индией по добыче газа на Каспии.

Источники и литература

1. Trade Map, Trade statistics for international business development [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.trademap.org/Bilateral.aspx?nvpm=1%7c364%7c%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1> (дата обращения: 23.04.2023).
2. Россия и Иран начали практические работы по строительству АЭС «Бушер-2» // РИА «Новости» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/atomtec/20171031/1507908634.html> (дата обращения: 23.04.2023)
3. 3. Все четыре стороны российско-иранского сотрудничества // РБК «Экономика» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/11/17/6374c6db9a79474f554a6605> (дата обращения: 23.04.2023).
4. Санаи М. О стратегии и тактике внешней политики ИРИ (региональный контекст) // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции / отв. ред.-сост. Е.В. Дунаева. – М.: Садра, 2019. – С. 132-143.
5. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15: Россия и Иран: пять веков сотрудничества. – М.: ИВ РАН, 2018. – С. 10-20.
6. Schwab K., The Global Competitiveness Report // Insight Report [Electronic edition]. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 23.04.2023).
7. Oil Reserves by Country 2023 [Электронный ресурс] – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/oil-reserves-by-country> (дата обращения: 23.04.2023).

8. Торгпред РФ заявил, что товарооборот с Ираном в 2021 году стал рекордным [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/13557351> (дата обращения: 23.04.2023).

Секция IV
ВЗГЛЯД НА ИРАН И РОССИЮ В ЗАПАДНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
XIX–XXI ВЕКОВ

М.А. Бажатарник

Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

ОБРАЗ ИРАНА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА (2017-2021)

Аннотация. *Приход к власти Дональда Трампа в 2017 г. ознаменовал усугубление американо-иранской конфронтации. Статья посвящена критическому дискурс-анализу стратегий речевого воздействия, применявшихся руководством Соединённых Штатов для легитимации государственной политики в отношении Тегерана. В рамках исследования была изучена выборка публикаций Д. Трампа и высших должностных лиц его администрации. В работе рассматриваются основные модели негативной репрезентации Ирана и раскрывается их влияние на общественное мнение.*

Ключевые слова: американо-иранские отношения, Дональд Трамп, образ врага, политическая лингвистика, критический дискурс-анализ.

Политическое противостояние между США и Ираном длится пятое десятилетие. Страны разорвали официальные дипломатические связи в апреле 1980 г. после турбулентных событий Исламской революции. С тех пор межгосударственные отношения характеризуются взаимным недоверием и враждебностью. На этом фоне подписание Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД, «иранская ядерная сделка») в 2015 г. было воспринято как исторический прорыв, способствующий дэскалации и открывающий новые каналы для возможных переговоров. Однако избрание Дональда Трампа президентом Соединённых Штатов (2017-2021) положило конец краткому периоду оттепели. В 2018 г. Д. Трамп вывел Вашингтон из «ядерной сделки» и ужесточил санкции в отношении Тегерана. Усиление анти-иранской риторики администрации США подтвердило намерение Вашингтона вернуться к режиму конфронтации.

Дискурсивные особенности легитимации затяжного конфликта с Исламской Республикой со стороны США заслуживают самого тщательного анализа. Предметом настоящего исследования являются лингвистические средства, используемые в американском политическом дискурсе для формирования и распространения образа внешнего врага. Работа имеет двоякую цель: дать характеристику образу Ирана в политическом дискурсе США и оценить языковые средства, используемые американскими

официальными лицами при построении соответствующего образа. Статья освещает следующие вопросы:

1. Как представлен Иран в официальных заявлениях Д. Трампа и высших должностных лиц его администрации?

2. Какие дискурсивные стратегии и риторические средства используются для негативной репрезентации Исламской Республики?

Работа выполнена в традиции критического дискурс-анализа (КДА, англ. CDA), опираясь на представления Н. Фэйркло о трёхчастной структуре дискурса (производство текста, дискурсивная и социокультурная практики) [1, 2] и сочетая в себе качественные и количественные методы анализа данных.

Следует признать, что сам термин «политический дискурс» по сей день вызывает значительную полемику. В данном исследовании под таковым понимается политически ограниченный жанр, имеющий собственный тезаурус и специфические функции; дискурс политика, представляющий собой институциональную форму дискурса [3, с. 12–15]. Ключевые труды, сформировавшие парадигму КДА [1, 2, 3 и др.], были направлены на выявление социальных значений, выражаемых с помощью языковых средств. Рассмотрение теоретических основ политического дискурса нашло выражение в дискуссии о взаимосвязи между политической волей, языком и социальным действием.

Политический дискурс обладает широким спектром функций: регулятивной, аргументативной, интегративной, легитимирующей и иными. Его ключевая прагматическая интенция заключается в том, чтобы склонить реципиентов к точке зрения лиц, принимающих решения. Задействованные риторические приёмы часто отражают политическую идеологию – социально-когнитивный аспект политической системы, базовую систему убеждений, лежащую в основе общих представлений групп и их членов.

Поскольку мнение широких кругов населения опирается на доступную им информацию, лицам, ответственным за принятие решений, необходимо прилагать усилия к популяризации идей, подкрепляющих их намерения. Конструирование образа врага, в ходе которого имеет место намеренное наделение целевой группы негативными характеристиками, считается одним из наиболее ярких примеров данной практики [4, с. 159–160]. Посредством дискурсивных манипуляций политическое руководство представляет обществу идеологическую мотивацию своих действий и, в конечном счёте, определяет динамику международных отношений [6, 7, 8].

Враждебные нарративы в международных отношениях коррелируют с оправданием конфликта. Как следствие, многие работы, посвящённые

созданию образа врага, тесно связаны с изучением феномена военной риторики. С начала 2000-х гг. наблюдается рост числа публикаций, рассматривающих публичное обоснование региональной политики США. Внимание академического сообщества привлекли такие вопросы, как освещение событий 11.09.2001 г. и их последствий, риторика официальных новостных каналов [8, 9, 10], репрезентация войны через концептуальные метафоры [11, с. 69–75], фактор страха в политическом дискурсе [12].

При этом стоит констатировать, что научная литература, посвящённая американско-иранским отношениям, весьма ограничена. Большинство исследователей склонны рассматривать межгосударственные связи с диахронической точки зрения [13] либо проводить краткие узкотематические исследования [14, 15]. Исключением служит книга У. О. Бимана «“Великий сатана” против “безумных мул”: как Соединённые Штаты и Иран демонизируют друг друга» (2005) [16]. В своём труде У. О. Биман оценивает идеологии и социальные практики, которые, по его мнению, доминируют в формировании курсов обеих политических систем. Хотя публикация вышла в свет более пятнадцати лет назад, она по-прежнему крайне ценна для общего понимания динамики конфликта и дискурсивных пристрастий сторон.

Таким образом, настоящее исследование призвано восполнить пробел в изучении риторических и языковых средств, применявшихся политическим руководством США для поддержания образа врага в лице Ирана. Подвергшаяся анализу выборка текстов состоит из двух частей и включает в себя публикации следующих официальных лиц:

Дональд Джон Трамп, 45-й президент США с 20.01.2017 по 20.01.2021;

Майкл Ричард (Майк) Пенс, вице-президент США с 20.01.2017 по 20.01.2021;

Майкл Ричард (Майк) Помпео, госсекретарь США с 26.04.2018 по 20.01.2021.

В первую часть выборки вошли статьи и обращения, опубликованные на государственных веб-ресурсах Соединённых Штатов (www.whitehouse.gov, www.state.gov):

№	Заголовок	Автор	Дата
1	Remarks by President Trump on Iran Strategy	Дональд Трамп	13.10.2017
2	The President Will Not Be Silent on Iran	Майк Пенс	04.01.2018
3	Statement by the President on the Iran Nuclear Deal	Дональд Трамп	12.01.2018
4	Remarks by President Trump on	Дональд Трамп	08.05.2018

	the Joint Comprehensive Plan of Action		
5	After the Deal: A New Iran Strategy	Майк Помпео	21.05.2018
6	Statement by the President Regarding the Reimposition of Nuclear-Related Sanctions on Iran	Дональд Трамп	02.11.2018
7	Confronting Iran: The Trump Administration's Strategy	Майк Помпео	декабрь 2018
8	Remarks by President Trump on the Killing of Qasem Soleimani	Дональд Трамп	03.01.2020
9	Remarks by President Trump on Iran	Дональд Трамп	08.01.2020

Таблица – 1.

Вторую часть выборки данных составили 133 тематические публикации вышеназванных политических деятелей в социальной сети Twitter (запрещена на территории России и Ирана). Официальные лица всё чаще прибегают к инструментам и методам цифровой дипломатии. Более того, учитывая невозможность прямых контактов на высшем уровне, коммуникация между США и Ираном нередко происходит именно в виртуальном пространстве. В зависимости от намерений сторон, подобное взаимодействие может как способствовать межгосударственному диалогу, так и спровоцировать рост напряжения [17, 18]. Фокус на феномене цифровой дипломатии наряду с традиционными формами дискурса способствует более широкому пониманию предмета исследования.

На начальном этапе были отсортированы все твиты, содержащие слова «Иран» или «иранский» и соответствующие временным рамкам исследования. Далее из выборки были исключены публикации, не имеющие непосредственного отношения к рассматриваемой теме – к примеру, окказиональные упоминания Ирана при освещении отношений США с третьими странами.

Согласно проведённому анализу, стратегии, задействованные представителями администрации Соединённых Штатов, можно отнести к трём основным категориям. На протяжении всего изучаемого периода Иран позиционируется как 1) глобальная угроза; 2) правонарушитель и 3) репрессивный режим.

Прежде всего, Иран охарактеризован как непосредственная угроза США и

мировому сообществу. Тегеран именуется «главным спонсором терроризма в мире». В вину Ирану, «распространяющему смерть, разрушение и хаос по всему земному шару», вменяют развитие ядерной программы, участие в прокси-войнах на Ближнем Востоке и поддержку киберпреступности. Внутренняя логика текстов указывает на то, что любые шаги, предписываемые Тегерану в прошлом, настоящем и будущем, обусловлены его пагубными намерениями, т.е. основные характеристики иранской внешней политики сводятся к «дестабилизирующей активности» и «опасной агрессии». Как подчёркивал Дж. Оддо, «рисую образ беспощадного, готового нанести удар врага, дискурс требует на практике только одного – стереть «их» с лица земли» [19, с. 289]. Иными словами, бросая вызов статус-кво, администрация США представляет свои действия как естественную оборонительную реакцию, вызванную необходимостью защитить американскую нацию и мир от враждебных атак Ирана.

Вторая реализуемая модель – отсылка к верховенству международного права, якобы нарушаемому иранскими властями. Политические лидеры Соединённых Штатов склонны обращаться к понятию «нормальности», которое проистекает из их понимания того, как контрагенты должны вести себя на мировой арене. Не отвечающие ожиданиям Вашингтона акторы позиционируются как «иррациональные», «сумасшедшие», «безумные» [16, с. 17]. Соединённые Штаты видят себя в качестве протагониста, действующего при поддержке и от имени мирового сообщества. Это определяет репрезентацию Ирана как полной противоположности США – силы, уличённой в незаконных действиях и тем самым утратившей кредит доверия. Бесчестные мотивы иранских властей раскрываются через преобладание морально-правовой риторики. В частности, по мнению администрации Д. Трампа, Тегеран «совершил многочисленные нарушения», «запугивал международных инспекторов», «сажает американцев в тюрьму по ложным обвинениям» и, в конечном счёте, «не оправдывает ожиданий», в то время как Вашингтон всецело соблюдает свои обязательства. Утверждение стереотипа «Иран – преступник» подразумевает логику юридического дискурса, в котором США берут на себя ответственность за наказание нарушителя и восстановление порядка.

Третья дискурсивная стратегия – выстраивание оппозиции между иранской политической системой, обозначаемой как «режим» и «диктатура», и принципами демократии. Тегеран изображается ретроградной теократией, а иранский народ – жертвой, терпящей лишения по вине своих лидеров. При этом Иран как актор ассоциируется непосредственно с политическим руководством, тогда как его население воспринимается как естественный

союзник США. В свете того, что в Соединённых Штатах проживает около миллиона американцев иранского происхождения, подобная позиция вкупе с геополитическим прагматизмом служит средством привлечения диаспоры.

Хотя все означенные категории способствуют усилению логики чрезвычайной ситуации, они определяют выбор различных манипулятивных техник. Контекстуальное использование языковых средств в широком диапазоне коннотаций периодически порождает противоречия, к примеру, к иранцам в целом Д. Трамп обращается то как к «террористической нации» (Иран как глобальная угроза), то как к «великому, многострадальному народу» (Иран как репрессивный режим).

Рассматриваемые публикации полны модальных форм, примеров негативной антиципации («ожидания худшего»), политических клише, исторических отсылок и аллюзий. В частности, авторы неоднократно проводят параллель между Исламской Республикой и Советским Союзом. Аргументы официальных лиц подкрепляются метафорами, идиомами и аллегориями, вызывающими определённые ассоциации и тем самым усиливающими эмоциональное воздействие утверждений на реципиента. К примеру, иранское политическое руководство персонифицируется и изображается как террорист, а Соединённые Штаты принимают на себя роль пострадавшей стороны. Данный приём не только примечателен с точки зрения образного ряда, но и содержит недвусмысленный намёк на кризис с заложниками в Иране, оставивший глубокий след в коллективной памяти американского общества.

Отдельной оценки заслуживают частота и паттерны применения затронутых выше клише. Предварительная концептуализация позволила выполнить концептуально-ориентированное кодирование публикаций в Twitter. Как показал контент-анализ, категория «Иран как глобальная угроза», являющаяся преобладающей моделью представления Ирана в твитах М. Пенса и М. Помпео (по 34%), занимает вторую позицию в публикациях Д. Трампа, где её вытесняет модель «Иран как правонарушитель» (26% против 24%). Если репрезентация Ирана как масштабной угрозы направлена на культивацию чувств отторжения, страха и тревоги в условиях неопределённости, то акцент на якобы бесчестном поведении руководства Ирана призван поставить под сомнение его авторитет в мировых делах, вместе с тем подрывая авторитет политических оппонентов Д. Трампа. Процент риторики, фокусирующейся на модели «Иран как репрессивный режим», также достаточно высок – 19%, 26% и 24% в твитах Д. Трампа, М. Пенса и М. Помпео соответственно. С декабря 2017 г. по январь 2018 г. общественные возмущения в Иране стали благодатной почвой для резкой

критики иранского правительства со стороны Вашингтона. Именно в этот период в публикациях всех трёх политических деятелей преобладает изображение Ирана как тирании, подкрепляемое призывом к иранским гражданам бороться за свою свободу.

Для того чтобы более комплексно оценить, как США представляют себя и своих политических противников, все социальные акторы, фигурирующие в текстах выборки, были классифицированы по таким категориям, как «правительство Ирана», «союзники правительства Ирана», «народ Ирана», «правительство США», «союзники правительства США». Под социальными акторами в качестве категории дискурса понимается выражение в тексте индивидуальных и коллективных моделей себя и «другого» [подробнее см. 20, 21]. Анализ публикаций выявил, что внутренняя группа (ингруппа) в подавляющем большинстве случаев обозначается как «мы» или «наши», тогда как в отношении внешней группы (аутгруппы) употребляется местоимение «он» (it), а не «они» (they), что было бы более типично для дихотомии «мы»/«они». Поскольку Иран воспринимается и как давний неприятель Соединённых Штатов, и как страна-изгой, он несёт за всё единоличную ответственность. В свою очередь, иранская оппозиция, включая диаспору, позиционируется, как ингруппа, часть коллективных «мы». Границы между сторонами проведены настолько резко, что их характеристики носят взаимоисключающий характер. Крайне негативной оценке действующих лиц аутгруппы сопутствует столь же категоричная позитивная оценка акторов ингруппы: «кровавый режим»/«мирные протестующие», «жестокие диктаторы и террористы за рубежом»/«любая нация, стремящаяся к миру и процветанию на Ближнем Востоке», «ведущий спонсор терроризма»/«ведущий борец за свободу».

В заключение необходимо подчеркнуть, что образ Исламской Республики как агрессивного враждебного государства пронизывал политический дискурс США на протяжении десятилетий. Не нова и репрезентация Тегерана как преступной диктатуры, угнетающей собственное население. Однако динамика обращения к соответствующим клише в публичном пространстве в период президентства Дональда Трампа заметно усилилась.

Сконцентрировавшись на сугубо уничижительном представлении своего политического контрагента, администрация Д. Трампа ограничила круг доступных ей дипломатических средств. Склоняясь не столько к принудительной дипломатии, сколько к принуждению без дипломатии, Соединённые Штаты дистанцировались от альтернативных стратегий выстраивания межгосударственного диалога и установления мирного сосуществования с Ираном.

Источники и литература

1. Fairclough N. Critical discourse analysis : Papers in the critical study of language / N. Fairclough. – New York : Longman, 1995. – 265 p.
2. Fairclough N. Critical discourse analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse as social interaction / ed. : T. A. van Dijk. – London, 1997. – P. 258-284.
3. van Dijk T. A. What is political discourse analysis? / T. A. van Dijk // Political Linguistics / eds. : J. Blommaert, C. Bulcaen. – Amsterdam, 1997. – P. 11-52.
4. Merskin D. The Construction of Arabs as Enemies : Post-Sept 11 Discourse of George W. Bush // Mass Communication and Society. – 2004. – Vol. 7, № 2. – P. 157-175.
5. Boulding K. E. The image : knowledge in life and society / K. E. Boulding. – Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1956. – 175 p.
6. Boulding K. E. National images and international systems // Journal of Conflict Resolution. – 1959. – Vol. 3, № 2. – P. 120-131.
7. Frank J. D. The Image of the Enemy and the Process of Change / J. D. Frank., A. Y. Melville // Breakthrough : Emerging New Thinking : Soviet and Western Scholars Issue a Challenge to Build a World Beyond War / eds. : A. A. Gromyko, M. E. Hellman. – Palo Alto, 1988. – P. 198–207.
8. Abdullah F. S. Post-September 11 discourse: the case of Iran in The New York Times / F. S. Abdullah, M. Jahedi // International Journal of English Linguistics. – 2012. – Vol. 2, № 1. – P. 59–70.
9. Kellner D. From 9/11 to terror war : The dangers of the Bush legacy / D. Kellner. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2003. – 319 p.
10. Kellner D. 9/11, Spectacles of terror, and media manipulation : A critique of jihadist and Bush media politics // Critical Discourse Studies. – 2004. – Vol. 1, № 1. – P. 41–64.
11. Lakoff G. Don't Think of an Elephant! Know your values and frame the debate. The essential guide for progressives / G. Lakoff. – Vermont : Chelsea Green Publishing, 2004. – 124 p.
12. Altheide D. L. Terrorism and the politics of fear / D. L. Altheide. – Lanham : AltaMira Press, 2006. – 247 p.
13. Adib-Moghaddam A. Discourse and violence : the friend-enemy conjunction in contemporary Iranian-American relations // Iran and the International System / eds. : A. Ehteshami, R. Molavi. – Abingdon, 2011. – P. 150–167.
14. Ghasemi Tari Z. Otherising Iran in American political discourse : case study of a post-JCPOA senate hearing on Iran sanctions / Z. Ghasemi Tari,

- E. Kadkhodee // *Third World Quarterly*. – 2019. – Vol. 40, № 1. – P. 109–128.
15. Ketabi S. On conductive argumentation : President Trump’s United Nations address on Iran in focus / S. Ketabi, R. Moradi-Joz, M. Tavakoli // *Journal of Language and Politics*. – 2019. – Vol. 18, № 1. – P. 83–106.
 16. Beeman W. O. The “Great Satan” vs. the “Mad Mullahs” : How the United States and Iran Demonize Each Other / W. O. Beeman. – Westport : Praeger Publishers, 2005. – 298 p.
 17. Duncombe C. Twitter and transformative diplomacy : Social media and Iran–US relations // *International Affairs*. – 2017. – Vol. 93, № 3. – P. 545–562.
 18. Ott B. L. The age of Twitter : Donald J. Trump and the politics of debasement // *Critical Studies in Media Communication*. – 2017. – Vol. 34, № 1. – P. 59–68.
 19. Oddo J. War legitimization discourse : Representing 'Us' and 'Them' in four U.S. Presidential addresses // *Discourse & Society*. – 2011. – Vol. 22, № 3. – P. 287–314.
 20. Hart C. Discourse, grammar and ideology : functional and cognitive perspectives / C. Hart. – London : Bloomsbury, 2014. – 232 p.
 21. van Leeuwen T. Discourse and Practice : New Tools for Critical Discourse Analysis / T. van Leeuwen. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 172 p.

D. R. Meshkin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

NAVIGATING WESTERN POLITICAL DISCOURSE: HOW IRAN AND RUSSIA HAVE RESPONDED TO SANCTIONS AND DIPLOMATIC CHALLENGES

Annotation. *This study analyzes Iran and Russia's responses to Western sanctions and diplomatic challenges, highlighting their strategic approaches and outcomes. Iran diversifies its economic relationships, while Russia implements counter-sanctions and pursues self-sufficiency. Despite their efforts, both face challenges from Western consensus, civilian impacts, and international constraints. The research reveals shared factors, such as values and practical concerns, tying Iran and Russia together. The lack of consideration by the West necessitates more effective options, including a multipolar world order.*

Key words: Iran, Russia, Sanctions, Response, Multipolar, Values.

1. Introduction.

The realm of international politics is rife with complex dynamics, power struggles, and diplomatic challenges. One recurring feature of this landscape is the imposition of sanctions by Western powers on countries acting against their interests or violating international norms. In this article, we delve into the intriguing domain of Western political discourse and explore how two significant players, Iran and Russia, have responded to the challenges posed by Western sanctions and diplomatic pressure.

Western countries' imposition of sanctions and other diplomatic challenges has become a common tool in their foreign policy towards non-Western countries. In the 21st century, Iran and Russia have been the targets of such measures, which Western countries have justified based on concerns about nuclear proliferation, human rights violations, and other issues. These sanctions and challenges have significantly impacted Iran and Russia's economies and political systems, which have responded with various strategies to mitigate their effects [1].

Western powers, including the United States and its allies, have long employed sanctions as a foreign policy tool to assert influence and coerce desired outcomes. These measures are often imposed to punish countries that engage in activities perceived as threatening or destabilizing. From economic restrictions to travel bans and asset freezes, Western sanctions can have far-reaching effects on targeted

nations [2]. However, the responses of sanctioned countries provide a fascinating insight into the strategies employed to navigate these obstacles and assert their interests.

This article draws on the theoretical frameworks of international relations and diplomatic studies to analyze the responses of Iran and Russia to Western sanctions. Through a combination of qualitative research and analysis of scholarly literature, policy documents, and media reports, we aim to provide a comprehensive understanding of the strategies adopted by these countries to mitigate the impact of sanctions and counter Western influence. By employing a comparative approach, we shed light on the similarities and differences in their responses, enabling us to identify key trends and factors that shape their approaches.

The purpose of this article is twofold. Firstly, we examine how Iran and Russia have navigated the challenging terrain of Western political discourse, shedding light on their responses to sanctions and diplomatic pressures. Secondly, we aim to contribute to the broader understanding of the effectiveness and implications of Western sanctions as a foreign policy tool. By analyzing the countermeasures employed by Iran and Russia, we can gain valuable insights into the dynamics of power, resistance, and the complexities of global diplomacy.

2. Background on Western Sanctions and diplomatic challenges

Western powers have long utilized sanctions within their foreign policy arsenal to exert pressure on nations perceived as posing threats or violating international norms. These sanctions encompass a range of measures, including economic restrictions, trade embargoes, asset freezes, travel bans, and arms embargoes. By imposing such measures, Western countries aim to alter the behavior of targeted nations, compel compliance with international norms, or address perceived security concerns [3].

The motivations behind Western sanctions are multifaceted. They may be imposed in response to human rights abuses, support for terrorism, the proliferation of weapons of mass destruction, or violations of international law. The sanctions are typically designed to inflict economic pain and diplomatic isolation on targeted countries, intending to coerce policy changes or bring political concessions.

However, Western sanctions are not without controversy and debate. Critics argue that these measures often result in unintended consequences, disproportionately impacting civilian populations and exacerbating humanitarian crises. Additionally, there are concerns about the efficacy of sanctions in achieving their stated goals, as sanctioned countries may find ways to circumvent the measures or develop alternative alliances that mitigate the intended effects.

In addition to the direct impact on targeted countries, Western sanctions present

diplomatic challenges. Sanctioned countries often seek avenues to navigate the limitations imposed by these measures, developing counter-strategies to protect their interests and maintain their influence on the international stage. Understanding the responses of countries like Iran and Russia to Western sanctions is crucial in comprehending the broader dynamics of international relations and the complexities of contemporary global diplomacy [4].

4. Iran's Response to Western Sanctions and diplomatic challenges

Following Iran's Islamic Revolution in 1979, the United States and its Western allies included pressure on their diplomatic approach. However, implementing a sanction policy for Iran is not limited to just American bilateral sanctions. The European Union, the United Nations, and the United States also enacted sanctions against Iran [5].

In the case of Iran in 1988, a few European countries adopted the sanctions approach. But to supplement the UN sanctions, the European Union initially levied sanctions against Iran in 2006. The first round of UN sanctions on Iran was enacted in 2006 by UN Security Council resolution 1737. So, since 2006, sanctions have been a major obstacle between Iran and the West. The development of Iran's nuclear program and relevant Security Council resolutions (2007, 2008, 2010, 2015) increased the severity of the sanctions [6].

In the face of economic restrictions and diplomatic pressures, Iran has adopted various measures to mitigate the impact of Western sanctions and preserve its national interests.

One key aspect of Iran's response has been diversifying its economic relationships beyond the Western sphere. In light of restrictions on trade with Western countries, Iran has actively sought to increase its oil exports to non-Western nations. Notably, Iran has focused on expanding trade ties with countries such as China, India, and Turkey, which are not bound by Western sanctions. By redirecting its oil exports to these markets, Iran has aimed to sustain its economy and reduce its dependence on Western buyers [7].

Furthermore, Iran has worked on developing alternative economic ties to counter the effects of Western sanctions. This includes actively seeking partnerships and collaborations with countries like Russia, China, and India. In 2018, Iran and Russia signed a memorandum of understanding to use their national currencies in bilateral trade transactions, bypassing Western financial systems. Such initiatives aim to build alternative channels for economic cooperation less vulnerable to Western sanctions.

In addition to economic diversification, Iran has employed domestic measures to address the challenges of Western sanctions. The country has focused on boosting

self-sufficiency and reducing reliance on Western imports. For instance, Iran has invested in its automotive industry to increase domestic production of cars, thereby decreasing dependence on imported vehicles from Western countries [8].

Another noteworthy response has been Iran's engagement in barter trade. In certain instances, Iran has utilized barter agreements to bypass Western sanctions. These agreements involve exchanging goods or services with partner countries instead of traditional monetary transactions. For example, in 2014, Iran and Russia reportedly agreed to a barter deal whereby Iran would provide oil in exchange for goods from Russia [9].

By diversifying economic relationships, developing alternative economic ties, promoting self-sufficiency, and engaging in barter trade, Iran has demonstrated its ability to adapt and find alternative pathways to sustain its economy and circumvent Western measures.

5. Russia's Response to Western Sanctions and diplomatic challenges

The USA and some of its Western allies, between 1979 and 1991, started to use the sanction policy toward the Soviet Union. The reason for imposing pressure on the Soviet Union was that many incidents and events were not aligned with the US and Western allies' interests during this duration. Factors such as the Soviet-Afghan crisis and the Soviet support for communists in different countries increased the tension between the West and the Soviet Union. At that time, the sanctions mainly covered grain, technology, diplomacy, and economics [10].

The Russian Federation faced pressure from the West after the collapse of the Soviet Union. However, the diplomacy of Russia and efforts for negotiation and cooperation with the West reduced the pressure for some time. Although, Russia faced a new wave of sanctions in 2014 regarding the Crimean crisis. Additionally, in 2022, the USA and its Western allies imposed many sanctions and international pressures on the Russian Federation, making this country the top one in the list of most sanctioned countries worldwide.

One key aspect of Russia's response has been the imposition of its counter-sanctions on Western countries. In the wake of Western sanctions targeting Russia, the country retaliated by implementing its measures, often in import bans and trade restrictions. For example, in 2014, Russia banned certain food imports from the European Union and other Western countries in response to sanctions imposed over the annexation of Crimea. These counter-sanctions were designed to inflict economic pain on Western countries and serve as a reciprocal measure [11].

Russia has also pursued diversifying its economic relationships beyond the West. The country has actively sought partnerships with countries such as China, India, and Turkey to develop alternative trade relationships. Notably, in 2014,

Russia and China signed a significant 30-year, \$400 billion gas deal, which was seen as a strategic response to Western sanctions. This partnership aims to reduce Russia's reliance on European gas markets and establish a strong economic tie with an influential non-Western power [12].

In addition to economic diversification, Russia has focused on increasing self-sufficiency in key sectors. Recognizing the vulnerabilities of being dependent on Western imports, Russia has emphasized developing domestic industries. For instance, the country has set goals to achieve self-sufficiency in agriculture and manufacturing. By reducing dependence on Western imports, Russia aims to insulate itself from potential disruptions caused by future sanctions and enhance its economic resilience.

Furthermore, Russia has sought to develop its financial infrastructure to reduce reliance on Western financial systems. In 2015, Russia launched its international payment system called Mir as an alternative to global payment systems like Visa and MasterCard, which are subject to Western sanctions. By establishing its financial channels, Russia aims to diminish its vulnerability to financial restrictions imposed by Western powers [13].

By implementing counter-sanctions, diversifying economic relationships, promoting self-sufficiency, and developing independent financial infrastructure, Russia has demonstrated a strategic approach to navigating the complexities of Western political discourse.

6. Challenges in Western political discourse

While Western political discourse plays a crucial role in shaping international relations, it has its challenges, particularly in the context of sanctions and diplomatic pressures. The following are key challenges that Western political discourse faces:

- **Lack of consensus among Western countries:** Western political discourse often needs help achieving consensus among participating countries. Each country may have its priorities, interests, and perspectives, leading to divergent approaches to sanctions and diplomacy. Disagreements and conflicting interests can hamper effective decision-making and undermine the unity of Western powers [14].

- **Impact on Civilian populations:** Although targeted at specific governments or entities, Western sanctions can have unintended consequences for civilian populations. The restrictive measures can adversely affect access to essential goods, healthcare, and economic opportunities, potentially exacerbating humanitarian crises. Balancing the effectiveness of sanctions with the humanitarian impact remains a significant challenge [15].

- **Risk of unintended consequences:** Imposing sanctions and engaging in diplomatic pressures carries the risk of unintended consequences. While Western

powers aim to influence the behavior of targeted countries, these measures can lead to unintended geopolitical shifts, increased hostilities, or the strengthening of non-Western alliances. Careful consideration of potential outcomes and unintended repercussions is crucial in navigating Western political discourse [16].

- **Dependence on international institutions:** Western countries often rely on international institutions, such as the United Nations and the World Trade Organization, to address disputes related to sanctions and diplomacy. However, these institutions may need more support regarding enforcement mechanisms, timeliness, and achieving consensus among member states. Overcoming bureaucratic hurdles and ensuring the effective implementation of decisions remains a challenge [17].

- **Evolving geopolitical landscape:** The geopolitical landscape constantly evolves, and Western political discourse must adapt accordingly. The rise of new global powers, shifts in alliances, and emerging regional dynamics can significantly impact Western strategies and responses. Flexibility and agility in navigating these changes are essential for maintaining the effectiveness of Western political discourse [18].

Addressing these challenges requires ongoing dialogue, coordination, and a willingness to adapt within Western political discourse. Strengthening consensus-building mechanisms, considering the humanitarian impact of sanctions, anticipating unintended consequences, and actively engaging with the evolving geopolitical landscape are crucial steps toward enhancing the effectiveness and legitimacy of Western political discourse.

By recognizing and addressing these challenges, Western powers can strive for more nuanced and informed decision-making, ensuring that their actions effectively address the intended objectives while minimizing unintended negative consequences. Additionally, engaging in constructive dialogue with targeted countries and non-Western actors can contribute to more comprehensive and collaborative approaches to global issues.

7. Conclusion

Both Iran and Russia have faced practical concerns regarding the impact of sanctions on their economies and have sought to mitigate these effects through diversification of economic relationships, development of alternative systems, and promotion of a multipolar world order.

Practical concerns about the adverse consequences of sanctions have driven Iran and Russia to explore alternative economic ties and regional cooperation. Both countries have actively sought to diversify their trade relationships beyond the Western sphere, forging partnerships with non-Western nations such as China,

India, and Turkey. By expanding economic cooperation with these countries, Iran and Russia have aimed to reduce their dependence on Western markets and insulate their economies from the disruptive effects of sanctions.

Furthermore, Iran and Russia have explored establishing alternative systems to counter Western dominance. This includes initiatives like utilizing national currencies in bilateral trade transactions and developing independent financial infrastructures. These efforts aim to reduce vulnerability to Western financial systems and create more resilient economic cooperation mechanisms.

The experiences of Iran and Russia also highlight their shared values of independence, resistance, and sovereignty. Faced with Western pressures, both nations have emphasized their determination to assert their national interests and protect their sovereignty. They have demonstrated a commitment to maintaining their independence in decision-making processes and resisting what they perceive as Western interference in their internal affairs.

Moreover, Iran and Russia's responses reflect their aspiration for a multipolar world order. By diversifying alliances and promoting non-Western partnerships, both countries aim to challenge the Western-dominated global order and foster a more balanced power distribution. They advocate for a system that respects sovereignty and equality among nations, where multiple centers of influence coexist.

Several key observations emerge in analyzing the topic of navigating Western political discourse through the experiences of Iran and Russia. Firstly, both countries have exhibited a pragmatic approach, actively seeking alternative pathways to sustain their economies and counter Western pressures. Their responses have showcased the importance of adaptability, resilience, and innovation in the face of sanctions and diplomatic challenges.

Secondly, the experiences of Iran and Russia shed light on the limitations of negotiations with the West. Even with engaging in dialogue, both countries have encountered challenges in achieving desired outcomes through negotiations alone. This has led to a reevaluation of their strategies and a focus on diversifying alliances and exploring alternative systems.

Lastly, the experiences of Iran and Russia underscore the complexities and power dynamics inherent in Western political discourse. They highlight the need for a nuanced understanding of the motivations, interests, and strategies of Western powers and targeted nations. The analysis of their responses provides valuable insights into global diplomacy's multifaceted nature and power dynamics in the contemporary international arena.

The lack of consideration of mentioned factors, such as the values and concerns of Iran and Russia by the West, pushes and navigates the Western political discourse

to the need for more effectiveness in the international community. This provides an opportunity for better and different options, such as multilateral cooperation and discourse, that can be the beginning of the idea of a multipolar world.

Sources and Literature

1. Drezner D. *The Sanctions Paradox* / D. Drezner. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 31 p.
2. Ellings R. *Embargoes and World Power: Lessons from America Foreign Policy* / R. Ellings. – Colorado : Westview Special Studies in International Relations, 1985. – 35 p.
3. Lektorsky V.A. *Constructivism vs Realism // Epistemology & Philosophy of Science*. – 2015. – No. 1 (43). – pp. 19-26.
4. Ghavam A. *International Relations: Theories & Approaches* / A. Ghavam. – Tehran : SAMT Publication, 2005. – 150 p.
5. Yurtaev V. *Islamization as a factor in Iran's foreign policy* / V. Yurtaev. – Moscow : Limited Liability Company Aspect Press Publishing House, 2018.
6. UN Security Council Resolutions on Iran | Arms Control Association // Armscontrol. – [New York], 2022. – URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Security-Council-Resolutions-on-Iran#res1737> (access date: 27.04.2023).
7. Karshenas M., Hakimian H. *Oil, Economic Diversification and the Democratic Process in Iran // Iranian Studies*. – 2005. – 38/1. – pp. 67-90.
8. Ranjbar M.D., Honrada G. *Iranian diplomacy against sanctions pressure: the example of ASEAN // Cossacks*. – 2023. – No. 66 (1). – pp. 135-140.
9. *Iran and Russia: from Oil-for-Goods Swap to Oil-Gas Swap // Cacialanalyst*. – [Turkey], 2023. – URL: <https://shorturl.at/fpAZ4> (access date: 30.04.2023).
10. Coll S. *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001* / S. Coll. – London : Penguin Publication, 2018. – 89 p.
11. *Russia responds to sanctions by banning western food imports // The Guardian*. – [London], 2014. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/07/russia-retaliates-western-sanctions-ban-food-imports> (access date: 01.05.2023).
12. *China, Russia sign a long-awaited gas deal, affirming their alliance in face of a shared rival: The United States // Washington Post*. – [Washington], 2014. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/china-russia-sign-400-billion-gas-deal/2014/05/21/364e9e74-e0de-11e3-8dcc-d6b7fede081a_story.html (access date: 02.05.2023).

13. «Mir» Creation: GSOM SPbU Prepared the Payment System Development Case // Saint Petersburg State University. – [Saint Petersburg], 2022. – URL: https://gsom.spbu.ru/en/all_news/event2022-11-14-2/ (access date: 11.05.2023).
14. Waltz K. Theory of international politics / K. Waltz. – Oslo : Worldcat Publication, 1979. – 66 p.
15. Peksen D. Better or Worse? The Effect of Economic Sanctions on Human Rights // Journal of Peace Research. – 2009. – Vol. 46, No. 1. – pp. 59-77.
16. Herbert G. The unintended consequences of economic sanctions / G. Herbert. – Brighton: Institute of Development Studies, 2022 – 24 p.
17. The Functional Approach to World Organization // International Affairs. – [Oxford], 1948.
18. Kupchan C. No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn / C. Kupchan. – Cambridge : Perspectives on Politics, 2013.

М.В. Салашный

Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

ВЗГЛЯДЫ США ПО ДАННЫМ ЦРУ НА СОВЕТСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. *В статье на основании докладов Центрального Разведывательного Управления (ЦРУ) раскрывается тема развития отношений между СССР и Ираном после 1979 года. В общей сложности проанализированы одиннадцать докладов ЦРУ. На основе критического анализа особое внимание уделено влиянию оценочных суждений разведслужбы США на выработку ошибочных представлений руководства страны в контексте развития событий. Показано, как взгляд США в период 1980-х годов менялся от страха сближения или вторжения Советского Союза в Исламскую Республику Иран до более умеренного отношения, в котором виделись как противоречия, так и общие интересы государств.*

Ключевые слова: советско-иранские отношения, США, Исламская революция, ирано-иракская война, доклад ЦРУ.

Ближний Восток в системе международных отношений всегда являлся местом столкновения более сильных стран – России, Великобритании, Турции, Франции, США. На протяжении XX века регион был подвержен междоусобным войнам и революциям. СССР и США настойчиво пытались заполучить рычаги давления на государства региона. В то же время Иран вёл своеобразную двойную игру, поскольку хотя и был ориентирован на Запад, сохранял хорошие отношения с СССР. В докладе ЦРУ 1970 г. «Международная Позиция Ирана» (Iran's International Position) подчёркивалось, что Советский Союз смог улучшить отношения с Ираном за последние 8 лет: выделил кредитов Ирану на 525,000,000 долларов США и инвестировал в инфраструктуру [1. Р. 6-7]. Одновременно Иран под руководством шаха Мохаммеда Резы Пехлеви в 1972 г. был включён в «доктрину Никсона», поощрявшую торговлю оружием. Иранский шах начал активно закупать американское вооружение и приглашать советников после визита Ричарда Никсона и Генри Киссинджера в страну в 1972 г. [2. Р. 841]. Иран виделся для США, как государство, которое может противостоять просоветскому Ираку [2. Р. 856]. Потеря Ирана для американского

истеблишмента стала бы сильным ударом по их положению на Ближнем востоке, потому что большинство стран региона были настроены благожелательно к СССР. Дружественными для США оставались Саудовская Аравия и Израиль. Несмотря на то, что в 1970-х г. в отношениях между СССР и США установилась разрядка, на деле противостояние двух сверхдержав на периферии усиливалось.

В Иране в это время наступает ряд кризисов, обусловленных падением цен на нефть. Начался рост антимонархических настроений. В разных районах страны стали происходить антиправительственные акции. Советскому Союзу была бы выгодна победа левой или просоветской оппозиции, особенно коммунистической партии «Туде», тогда как США, хотя и скептически относились к правлению шаха, стремились сохранить его власть. С 9 января 1979 г. по 1 апреля произошла революционная смена власти в Иране, в рамках которой к власти пришла мусульманская оппозиция во главе с Рухоллой Мусави Хомейни.

Первые дни исламской революции в СССР рассматривали в положительном ключе, как процесс революции народа снизу. Одним из пунктов налаживания международных отношений стали постановления о направлении в 1979 г. на стажировку в Институт русского языка имени А.С. Пушкина иранских студентов и преподавателей, а также участились переговоры председателя Госкомитета по внешним экономическим связям С.А. Скачкова по вопросу расширения экономического и технического сотрудничества между СССР и Исламской Республикой Иран (далее – ИРИ) [3. С. 3]. Однако расхождения между духовным лидером революции аятоллой Хомейни и другими клерикалами, а более того – ввод советских войск в Афганистан стали катализаторами ухудшения советско-иранских отношений. В докладе «Ислам и шиизм в Иране и Центральной Азии, комментарии академических специалистов на конференции, спонсируемой исследовательской службой Конгресса» (Islam and Shiism in Iran and Central Asia, comments of academic specialists in a conference sponsored by the congressional research service) Эдвард Оллворт отметил, что в Советском Союзе ислам находится под "иностранным господством", и в очевидной попытке обеспечить сравнительную основу для рассмотрения довольно резких замечаний доктора Алгара о "тирании" шаха в Иране подчеркнул, что в Советском Союзе наблюдается явная попытка исказить исламское понятие общины и заменить его классовым пролетарским чувством. Более того, советская политика направлена на подчёркивание этнических различий между исламскими группами, чтобы способствовать расколу в том, что в противном случае могло бы привести к возникновению наднационального

исламского сообщества [4. Р. 7]. В начале исламской революции в СССР её воспринимали положительно, связывая её с процессом «революции снизу». Но стоит отметить, что в отчёте ЦРУ от 12 февраля 1980 г., в котором принимали участие ведущие востоковеды США, было написано, что не стоит ожидать сближения Ирана с той или иной стороной Холодной Войны: «На вопрос, например, какую политику он рекомендовал бы США сейчас проводить в отношении Ирана, Хамид Алгар сказал, что "США следует покинуть исламский мир, пока их оттуда не выгнали". Он сказал, что было бы крайним самообманом полагать, что Иран может вступить в союз с США против СССР, потому что сама революция была антиимпериалистической». [4. Р. 1]. Алгар откровенно признал, что он излагал взгляды революционеров исламского движения Хомейни, и поэтому ценность его комментариев заключается прежде всего в отражении этих взглядов, а не в предоставлении объективной оценки. Таким образом, очевидно, что суть Исламской революции никто из ведущих держав уловить не смог. Из выше сказанного вытекает вывод о том, что ведущие востоковеды США в своём отчёте от 12 февраля 1980 года пришли к заключению, что в условиях холодной войны сближение Ирана с социалистическим блоком маловероятно. В то же время специалисты отметили, что Иран не может вступить в союз с США против СССР, так как писали, что по сути сама Исламская Революция была антиимпериалистической. Это свидетельствует о сложности и многообразии Исламской Революции в Иране, которую нельзя свести к одной причине или конкретной идеологии.

19 февраля, когда в Иране ещё не было видно точного представления о правлении, ЦРУ выпустили отчёт «Лучший способ для вторжения СССР в Иран» (A Soviet Best Case For Military Intervention In Iran) в рамках которого идёт попытка предостеречь и подготовить ведомства к началу боевых действий между Ираном и Советским Союзом. Документ состоит из 13 пунктов: основные из них – поддержка местных левых сил и компартии, установление просоветского правительства, вытеснение США из Ближнего Востока. Как считалось, Советский Союз сможет овладеть только северной частью Ирана [5. Р. 1-4]. Авторы отчёта полагали, что можно ожидать конфронтации между государствами, однако в реальности этого не случится из-за того, что Советский Союз уже вёл войну в Афганистане, а открытие нового фронта боевых действий привело к усложнению положения социалистического лагеря на территории Ближнего Востока.

В 1980 г. начнутся пограничные стычки между Ираном и Ираком. С одной стороны, был просоветский Ирак, с другой – революционный Иран. США пытались предсказать и проанализировать действия СССР по отношению к

странам Персидского залива. В докладе ЦРУ от 1 апреля 1980 г. «Советская Реакция на Ирано-Иракские столкновения» (Soviet Response to an Iranian-Iraqi Clash) произвелась попытка анализа последующих действий Советского Союза по отношению к 2 странам: «Если между Ираком и Ираном начнутся полномасштабные военные действия, Советы могут попытаться прекратить боевые действия, поддержав посредничество... Москва вполне может посчитать, что лучше позволить другим взять инициативу в свои руки. Если посредничество провалится и Ирак будет угрожать оккупацией части Ирана, Советы могли бы попытаться оказать некоторое давление на Ирак, предупредив, что это может повлиять на будущие поставки советского оружия и запасных частей... мы сомневаемся, что Советы рассматривают ирано-иракский конфликт как возможность для военного вторжения в Иран... Советам пришлось бы рассчитать, что Соединённые Штаты ответили бы военным путём на такой шаг. Более того, Советы вряд ли одобряют такие радикальные действия» [6. Р 6]. Тут уже происходит оценки и ЦРУ отказывается от идеи о возможном вторжении. 11 апреля 1980 г. в ЦРУ публикуется отчёт «СССР-Иран: сдвиг в политике» (USSR-Iran: A shift in Policy). В нём прослеживается ухудшение отношений между новой властью в Иране и Советским Союзом [7. Р 5-8]. Также представлены общие тезисы о конфликте по поводу внешней политики по отношению к Афганистану и представлению Ираном Советского Союза, как меньшего дьявола по отношению к США.

С началом войны в сентябре появляется отчёт «Реакция СССР на ирано-иранские военные действия» (Soviet Reactions to Iraq-Iran Hostilities). В нём писалось, что начало войны могло бы привести к восстановлению отношений ИРИ с США. Однако разведка ошибалась в том, что видела СССР арбитром в восстановлении отношений между Ираком и Ираном: «Первым ответом Москвы на такую эскалацию боевых действий может стать предложение своих "добрых услуг" в качестве посредника, как это было между Индией и Пакистаном в 1965 г. СССР хотел бы надеяться, что успешные советские посреднические усилия укрепят его позиции как в Тегеране, так и в Багдаде и будут способствовать превращению СССР в ключевого игрока в области региональной безопасности» [8. Р. 1-2]. Разведка США не рассматривала возможность вторжения СССР в Иран для свержения новой власти, ибо это могло бы вызвать конфронтацию в переднеазиатском регионе, учитывая, что Советский Союз уже ввёл войска в Афганистан. В последующем США продолжают поддержку Ирака финансово, несмотря на разрыв отношений в 1967 из-за Арабо-Израильской войны. Советский Союз также поддерживает Ирак после отмены эмбарго 1980-1981 гг., отправив партию вооружений.

Общий вывод американских аналитиков о нейтралитете и посредничестве Москвы по отношению к Багдаду и Тегерану остался ошибочным. Но при этом рассматривается вариант, что Советскому Союзу не выгодно усиление Ирака, но и поражения ему не желается: «Советы, скорее всего, направят иракцам тонкий сигнал, возможно, замедлив поставки уже обещанного оружия, чтобы предупредить Ирак о рисках будущих военных действий... Если Советы решат, что Ирак стремится контролировать значительную часть Ирана – нефтяные месторождения, – давление на них с требованием действовать более решительно возрастёт, и их действия будут более непредсказуемыми. Советы мало заинтересованы в том, чтобы Ирак превратился в ещё более сильную державу в Персидском заливе» [8. Р. 2]. Американские эксперты считали, что Советскому Союзу выгодно сохранение status quo, иначе это приведёт к росту влияния той или иной страны в Персидском Заливе, и Ирак станет более самостоятельным. В ЦРУ также ошибочно на начальных этапах войны предполагали, что Ирано-Иракская война поможет восстановлению отношений США с Ираном, чего не случилось в реальности. По итогу войны США поддержит экономически Ирак в рамках противостояния с новым противником на Ближнем востоке. Впоследствии СССР и США окажутся на одной стороне в поддержке Ирака по различным причинам. Американский истеблишмент боялся распространения исламской революции в Персидском Заливе, а Советский Союз выступал в поддержку Саддама Хусейна. О влиянии советского фактора на ход ирано-иракской войны опосредованно свидетельствует ответная нота МИД ИРИ (вручена в Москве 29 декабря 1982 г.) в связи с попыткой захвата Советского посольства в Тегеране. В этой ноте звучали обвинения в адрес Советского Союза как в поддержке иракской армии вооружениями [3. С. 6].

Однако спустя некоторое время отношения между ИРИ и СССР начали налаживаться, хотя и были случаи взаимных нот протестов. И уже в отчёте от 9 апреля 1982 г. взгляд США на развитие событий меняется. В докладе «Советская стратегия подчинения Ирана» (Soviet Takeover Strategy For Iran) пишется, что из-за санкций запада Иран стал обращаться к СССР за оказанием помощи: «Хотя политические отношения между Москвой и Тегераном остаются напряжёнными... Будучи в значительной степени отрезанными от Запада, иранцы активизировали свою торговлю с СССР. В 1981 г. двусторонний товарооборот составил рекордные 1,2 миллиарда долларов. Это на 30% больше, чем в 1978 г., последнем году правления шаха. За тот же период Советский Союз закупил 16 миллионов баррелей иранской нефти» [9. Р. 2]. Хотя уже в следующем месяце – мае – Иран вышлет 18

советских послов из ИРИ. ЦРУ считали, что этим сможет воспользоваться СССР для свержения режима Хомейни: «Советы готовы использовать развитие событий в своих интересах, и следует ожидать, что Кремль будет готов извлечь выгоду из хаотической обстановки, которая, вероятно, возникнет в период после Хомейни» [9. Р. 3]. Данные тезисы довольно сильно преувеличивали роль и желание СССР как-либо вмешаться в дела Ирана. Наличие экономических интересов заставило Советское правительство отказаться от открытой поддержки коммунистической партии «Туде». Так, во время суда над партией «Туде» в январе 1984 г. Советское посольство ограничилось лишь заявлениями о неточности собранных доказательств, а просьба руководства Организации моджахединов иранского народа относительно «предоставления займа на подготовку вооружённого восстания против режима Хомейни» в 1986 г. была воспринята негативно [3. С. 7]. Уже после установления контроля власти у исламского духовенства, разведка США полагала, Советский Союз по примеру Афганистана начнёт поддержку левых “прокси” и начнёт ввод войск в Иран. Данные опасения оказались ошибочными, потому что в общем отношения начали восстанавливаться, хотя критика со стороны Ирана по отношению к СССР продолжалась. Однако ещё нельзя говорить о союзнических или дружеских договорах между странами. В общем, хотя СССР поддерживал Ирак, Иран и Советский Союз смогли улучшить отношения. Это было вызвано внутренним кризисом в Иране после ухода американских специалистов и желание СССР усилить своё влияния на Ближнем востоке.

17 мая 1985 г. будет издан отчёт «К политике в отношении Ирана» (Toward A Policy On Iran), в котором ЦРУ оценивает отношения СССР и ИРИ положительно: «США сталкиваются с мрачной ситуацией при разработке новой политики в отношении Ирана. События развиваются в значительной степени вопреки нашим интересам, и у нас мало приемлемых альтернатив. Грубо говоря, режим Хомейни колеблется и, возможно, приближается к моменту истины; вскоре мы увидим борьбу за преемственность. У США почти нет козырей для игры; у СССР их много. Иран, очевидно, пришёл к выводу, что независимо от того, нравятся ли им Россия и Коммунизм это или нет, но СССР – это страна, с которой нужно примириться... Наша разведка продолжает следить за продвижением Советского Союза к созданию значительных рычагов влияния в Тегеране. Мы должны следить за этим прогрессом... Даже если прогресс Москвы неравномерен, нам необходимо разработать стратегию реагирования» [10. Р. 2]. 20 августа 1986 выходит доклад «СССР-Иран» (USSR-Iran), в котором подводятся итоги по различным отраслям взаимоотношений СССР с Ираном: «Одно экономическое

препятствие на пути улучшения связей – массовый отток советских специалистов в 1985 г. с нескольких крупномасштабных проектов в Иране, включая электростанции и сталелитейный завод, - по-видимому, устранено. По сообщению тегеранского радио 10-го числа, Лариджани объявил, что после переговоров "советская сторона выразила склонность завершить эти проекты". Отъезд тысяч советских техников, якобы из-за страха перед иракскими воздушными атаками, вызвал продолжающееся негодование со стороны иранцев» [11. Р. 5]. В том же докладе поднимались и проблемные вопросы между ИРИ и Советским Союзом – введение войск в Афганистан и поддержка Ирака [11. Р. 4]. В общем, США считали, что между СССР и ИРИ отношения начали восстанавливаться, несмотря на противоположность идеологических установок внутри страны. Тем более, ЦРУ стали опасаться восстановления отношения между странами, потому что США потеряли рычаги давления на 2 государства в данном регионе.

1 января 1987 появляется общий отчёт с корректировкой ошибок предыдущих годов под названием «СССР-Иран: перспективы непростых отношений» (USSR-Iran: Prospects for a Troubled Relationship). В нём уже взвешенный анализ проблемных вопросов между СССР и ИРИ, путей решения их, взгляд со стороны США на гипотетическое сближение и развитие дальнейших связей. В докладе говорится о том, что, по мнению ЦРУ, Иран во многом виделся союзником СССР из-за отсутствия связей с другими богатыми государствами: «В течение последних двух лет Иран стремился улучшить отношения с СССР, хотя ему не хотелось идти на более чем незначительные уступки, чтобы умиротворить Москву. Эти усилия были предприняты теми, кого мы считаем прагматиками, которые были обеспокоены: 1. Ухудшением положения Ирана в войне. 2. Ухудшающейся экономической ситуацией. 3. Американо-иракским сближением в 1984 г. 4. Убедением в том, что Соединённые Штаты все больше угрожают Ирану... Инициативы Ирана привели к серии взаимных визитов. Хотя в обсуждениях на сегодняшний день [1987 г.] основное внимание уделялось экономическим вопросам, мы считаем, что Иран также стремился к более тесному военному и политическому сотрудничеству. Иранцы – попросили Сирию и Ливию убедить Советы в желании Тегерана сотрудничать в этих областях» [12. Р 12]. В общем-то говоря, Иран в какой-то степени стал выходить из международной изоляции благодаря тому, что Советский Союз начал в некоторых отраслевых сферах Ирана заменять бывших специалистов из США. Американский истеблишмент уже не смотрел и не видел причин для вторжения СССР в Иран: «Мы считаем маловероятным советское вторжение в Иран в 1980-е г. Советское руководство столкнулось бы с мучительным

решением использовать этот вариант. Советские войска столкнулись бы с ожесточённым сопротивлением Ирана, а также с серьёзными проблемами рельефа местности и логистики. Советы должны были бы остро осознавать, что военный ответ США ещё больше усложнил бы задачу и поставил бы под угрозу более широкую конфронтацию сверхдержав» [12. Р 16]. Подводя итог, хочется сказать, что с 1979 по 1987 г. СССР и ИРИ смогли улучшить свои отношения, хотя и оставались относительно прохладными. Газеты ИРИ смягчили антисоветскую риторику, но во многом её оставили. Советский Союз изображался, как необходимое зло, с которым можно кооперироваться в силу отсутствия других союзников в регионе у Ирана.

1 декабря 1989 г. в докладе «Советская политика в отношении Ближнего Востока» (Soviet Policy Toward The Middle East) писалось: «Советские отношения с Ираном, вероятно, продолжают улучшаться, но в пределах, налагаемых традиционной взаимной подозрительностью... хотя экономические связи будут постепенно расширяться, продажа оружия будет самой сильной картой Кремля. Типы и количество оружия, которое Советы продадут Ирану, будут зависеть от оценки Москвой стабильности иранского руководства, реакции Ирака и Саудовской Аравии и военного баланса между Ираном и Ираком» [13. Р. 11]. Таким образом, можно сказать, что СССР пытался балансировать между Ираком и Ираном в Ближневосточном Конфликте. Соединённые Штаты опасались вторжения со стороны Советского Союза в начале 1980-х г. после Исламской Революции. В связи с этим готовились различные сценарии развития политических отношений между СССР, США и ИРИ. Американская разведка пришла к выводу, что ИРИ была полностью потеряна для США, но уже отмечалось, что СССР не является сильным игроком на мировой арене, как было в начале десятилетия.

В заключение следует отметить, что взгляды ЦРУ на советско-иранские отношения после Исламской революции были сформированы под влиянием сложной сети геополитических факторов, включая американо-советское соперничество, внутреннюю политику Ирана и собственные стратегические желания Советского Союза. Хотя ранние оценки ЦРУ не всегда были точными, потому что они писались «по горячим следам» реальных событий той эпохи, поэтому не приходится ожидать от них глубокого анализа происходивших событий. Однако это не умаляет их значимости, ибо они дают ценное представление о мышлении американских политиков в критический период истории Ближнего Востока. В конечном счёте, анализ ЦРУ подчеркивает непреходящую важность понимания исторического контекста, в котором разворачиваются международные отношения, и необходимость детальных, основанных на фактических данных оценок

Источники и литература

1. Iran's international position // CIA. [S. 1.], 1995. – URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000238922.pdf (access date: 15.04.2023).
2. Mcglinchey S. Richard Nixon's Road to Tehran: The Making of the U.S.–Iran Arms Agreement of May 1972 // Diplomatic History. – 2013. – №4. – P.841-860.
3. Пилипенко В.И. Трансформация советско-иранских отношений после исламской революции // Восточный архив. – 2014. – №2 (30). – С 86-94.
4. Islam and Shiism in Iran and Central Asia, comments of academic specialists in a conference sponsored by the Congressional Research Service // CIA. [S. 1.], 2005. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP81B00401R000400130004-3.pdf> (access date: 16.04.2023).
5. A Soviet best case for military intervention in Iran // CIA. [S. 1.], 2001 – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP81B00401R000500130018-7.pdf> (access date: 18.04.2023).
6. Soviet Response to an Iranian-Iraqi clash // CIA. [S. 1.], 2004 – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP81B00401R000500050007-8.pdf> (access date: 17.04.2023).
7. USSR-Iran: A shift in policy? // CIA. [S. 1.], 2007. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83B01027R000300170010-9.pdf> (access date: 18.04.2023).
8. Soviet reactions to Iraq-Iran hostilities // CIA. [S. 1.], 2010. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00287R000102140002-4.pdf> (access date: 17.04.2023).
9. Soviet takeover strategy for Iran // CIA. [S. 1.], 2007. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00966R000100030017-0.pdf> (access date: 18.04.2023).
10. Toward a policy on Iran // CIA. [S. 1.], 2010 – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP87M00539R001702610003-9.pdf> (access date: 18.04.2023).
11. USSR-Iran // CIA. [S. 1.], 2011 – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP09-00997R000100350003-8.pdf> (access date: 18.04.2023).
12. USSR-Iran: prospects for a troubled relationship // CIA. [S. 1.], 2012 – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA->

- RDP89B00224R000903140008-2.pdf (access date: 18.04.2023).
13. Soviet policy toward the Middle East // CIA. [S. 1.], 2011 – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp94t00766r000200140002-3> (access date: 18.04.2023).

S. Khavarinejad

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

THE ECONOMIC ASPECT OF A STRATEGIC PARTNERSHIP IN IRAN-RUSSIA'S RELATIONS

Annotation. *Many observers are considering making Tehran-Moscow's relations into a strategic partnership as a result of Iran and Russia's growing closeness, while many others are opposed to this. The current study assesses the prospects for ties between Iran and Russia by looking at their economic interactions. After examining the areas where the two states cooperate, it is argued that due to structural problems in their mutual relations, particularly the low level of economic cooperation, their economic collaboration has not yet reached the expected level for a true strategic partnership.*

Key words: Iran, Russia, Strategic Partnership, Economy, Cooperation.

1. Introduction.

The last decade has seen the proliferation of bilateral relationships between Iran and Russia. Officials in Tehran and Moscow frequently speak of their desire to increase relations to the level of “strategic partnership.” An examination of talks between presidents and negotiations between senior Iranian and Russian officials over the last decade frequently reveals that their perspectives on the characteristics of the relationship between the two countries have significantly changed in a positive way and that relations between Tehran and Moscow have been elevated to a strategic level.

The term “strategic partnership” is commonly used in the discourse of the two nations’ leaders and policymakers, indicating a change in the leaders’ thinking towards the present and future of mutual political, security, and economic relations in the near future. Now that the term “strategic partnership” has gained currency and has become an established feature of official policy discourse between Iran and Russia, it is incumbent not only to deconstruct its meaning and composition, but also to investigate its viability and the circumstances under which it occurs between Tehran and Moscow.

Notwithstanding the constructive attitude and favorable opinions in recent meetings between Iranian and Russian officials, analysts and scholars’ perspectives on Iran-Russia relations will be varied. The majority of assessments on how these interactions work are divided into two primary groups, and there is severe disagreement and heated argument about the logic of each of these two groups.

Due to its ups and downs and atmosphere of mutual distrust, studying the historical trajectory of the two countries' prior interactions may not guarantee any substantial improvements in the depth and extent of relations between Tehran and Moscow. However, new political, economic, and security events in defined areas of vital interest for both parties' security, have resulted in an unprecedented development of the level of relations between the two countries—a relationship that had not been seriously reconsidered in the previous decades much as it is now but now significantly gains attention among western political and academic circles.

2. Reviewing the Literature

Numerous studies have been conducted on the relationship between Iran and Russia and its various aspects, and the literature on the topic of strategic partnership between Tehran and Moscow consists of theses, journal articles, reports, and analyses available on the websites of research institutes or think tanks.

Güneylioğlu [1. 51] argued that, in the Middle East, Russia does not embrace an individual state as a constant ally and seeks pragmatic cooperation with all regional states. In this regard, the Russia-Iran alignment is not an example of “hard balancing,” which relies on military alliance formation and mutual arms build-up and aims at confrontation with an adversary, but rather of “soft balancing,” which relies on less confrontational methods such as informal alliances and limited arms build-up and aims to restrain a rival state's threatening behavior.

Azizi stated that Russia and Iran have three sets of common, parallel, and contradictory interests in the Middle East, and that Russia's presence in Ukraine has ushered in a new phase of military cooperation between Tehran and Moscow, unprecedented in the history of their bilateral relationship, and is expected to highlight the two sides' common interests [2].

According to Therme, security factors, particularly overlapping security interests on the regional and global scale, have been the foundations of the Iran-Russia relationship in the post-Cold War period, and are the rationale for expanding the alliance between the two sides, because the decrease in American global dominance, which has been evident throughout the 2000s, has allowed Russia and Iran to build a unified ideological narrative against “Western ideals” [3].

According to Zotova, who looked at data from sociological surveys, the opinions of Russian and Iranian experts, and the representations of Iran and Russia in school-level history textbooks of the two countries, while there are negative stereotypes and a mistrust of Russia among contemporary Iranians, Iran obtains so little attention in Russia that it is impossible to specify the image of this country as either positive or negative [4].

Karami, Rasoulnezhad, and Shokri empirically attempted to investigate the

bilateral trade flow between Iran and Russia by using statistical analyses on macroeconomic series from 1991 to 2017, resulting in a significant statistical difference in terms of exports between Iran and Russia and identifying a buyer-seller dialogue between the two countries [5].

3. Methodology

This study's methodology is an exploratory research design with a qualitative methodological choice that employs an inductive approach and an empirical case study strategy over a cross-sectional time horizon. This research approach was established by a framework that employed secondary and qualitative data types. It used a library study and a literature review to collect data on two main subjects: 1) the historical course of relations between the two countries following the collapse of the Soviet Union in the 1990s, and 2) key opportunities and the cases of cooperation in their political and security relations, and economic exchanges.

4. Economic and Trade Cooperation

Iran and Russia started working together commercially in the middle of the 1990s. The total goods trade between the two nations was \$416.6 million in 1996, which is barely 10% of the \$4 billion in commerce that would occur between the two states in 2021 [6].

Iran and Russia have intensified their economic diplomacy in recent years, and the degree of mutual economic cooperation between Tehran and Moscow has risen as the frequency of contacts between the two countries' political and economic authorities has increased.

The financial and banking cooperation, transit routes, reciprocal trade in commodities, as well as collaboration in the form of regional economic unions and organizations, are the most significant topics that may be explored in the economic relations between Iran and Russia.

4-1. Under Western Sanctions: Finance and Banking Connections

The two nations are working on creating a competitor to the SWIFT payments messaging service, which supports cross-border payments throughout the global economy, as a result of the expulsion of many Russian banks from the Belgian-based SWIFT since February 24, 2022 [7].

As a result of both countries' severely constrained access to the SWIFT system, it became imperative that the SWIFT banking issue be resolved for Russia and Iran at this point. Iran has agreed to collaborate with Moscow on this project, and the two states have already started creating a SWIFT substitute payment system [8].

SWIFT alternatives include China's CIPS, India's SFMS, and Russia's SPFS, as

well as more primitive techniques like tax and phone messaging, which are time-consuming and risky. To replace SWIFT, Russia chose to create its own national interbank exchange system, the Financial Messaging System of the Bank of Russia (SPFS), which was initially launched in 2014 and was then expanded to the BRICS nations and the Eurasian Economic Union (EEU) [9].

It is no secret that Russian economic authorities have spent years negotiating the use of national currencies in mutual commerce with their friends and partners. Iranian President Ebrahim Raisi stated that the two nations addressed monetary and banking problems during a two-day visit to Moscow in January 2022: “The two nations may take efforts to remove the dollar's dominance over monetary and banking relations and trade in national currencies,” Raisi stated during his visit.

In an effort to mitigate the negative impacts of restricting access to Western financial systems, Russia developed the Mir financial payment system in 2014. Another important aspect of the financial cooperation between the two countries is the agreement to link the Iranian Shatab banking system with the Russian Mir payment system.

Mir Business Bank, which was founded with 100% foreign capital and whose sole shareholder is Bank Melli of Iran and which has branches in Moscow, Kazan, and Astrakhan, will be a crucial player in Russia in enabling financial transactions between the two embargoed nations. Iran will soon begin accepting payments made with Russia's Mir bank cards, making it the latest country to embrace the Russian-made alternative to Visa and Mastercard [10].

Besides developing and facilitating bilateral banking and financial interactions between Iran and Russia, Tehran might transfer funds to other EEU member states. In summary, it appears that Tehran and Moscow's plan to progressively phase out the US dollar in banking and commercial operations in favor of the ruble and rial is yet another proof of the two nations' developing relations amid the Ukrainian conflict [11].

4-2. New Routes for Trade: Land and Sea Transit Corridors

Cooperation between Iran and Russia is now being sought in the development and building of land and maritime transportation channels. The North-South Corridor (INSTC) is the most significant objective on the agenda of the two nations for economic cooperation in the land transit sector, and it includes, in addition to the land customs for trucks that has existed for decades, the completion of the Astara-Rasht-Qazvin railway.

The International North-South Transport Corridor, which crosses Iranian territory, connects the economies of several significant commercial regions of the world: it will link the vibrant economies of the Indian Ocean region and the Persian

Gulf to the Caspian Sea region, which has abundant oil and gas reserves, and then, with Russia's entrance, it links Saint Petersburg and Northern Europe to this long trade route.

By completing this transit route, which will link Russia to the warm waters of the Persian Gulf and the Oman Sea via the Republic of Azerbaijan and use it for international commerce, it will be possible to lessen the damaging impact of sanctions on the economies of Russia and Iran.

In addition, these two countries have reached a mutual understanding about using the maritime trade capacity and activating sea routes between their ports in the Caspian Sea. The passage through Makhachkala, Olya, Astrakhan, Solyanka and Lagan ports to Iranian ports of Astra, Anzali, Caspian, Nowshahr, and Amirabad makes it possible to re-route portions of the Caucasus traffic through the Caspian Sea.

Due to the advantages of maritime trade and its capacity to cooperate with Russia, Iran's port infrastructure in the Caspian Sea plays an important role in the prosperity of transit in this route, and it can, along with the land route, encompass the movements of goods whose final destination is the southern ports of Iran, then markets in India and Asian countries.

The INSTC includes complementary trade routes between Russian and Iranian ports, and both Iran and Russia have recently given these ports a significant amount of attention. As a consequence of the Ukraine War, which has contributed to restrictions on transportation from Russia to Europe, Moscow's focus on all transit routes to Iran has significantly increased, and Astrakhan and Solyanka ports, which should be taken into account in the context of the INSTC, have grown to be two of the most significant transit links between Iran and Russia.

4-3. Iran and Russia as Trade Partners

Iran has perceived economic cooperation with Russia as an opportunity to grow its contacts in the context of international isolation and Western sanctions as a smaller mutual trading partner with Russia, which has traditionally had a negative trade balance with this country.

To summarize, both nations have decided to make more use of each other's capabilities in dealing with threats and breaking out of international isolation. As previously said, an assessment of the mutual foreign trade situation between Iran and Russia in the sphere of export and import of commodities from the past decades to the present demonstrates that Russia's trade balance has always been positive in the commercial relationship between Tehran and the Kremlin.

The greatest amount of commodity trading occurred in 2021, reaching slightly more than \$4 billion. Apart from that, except for the years 2007–2011, the total

volume of foreign trade between Tehran and Moscow has never exceeded \$3 billion. Figure 1 depicts the variations and total foreign trade between Russia and Iran in the period of 1996–2021.

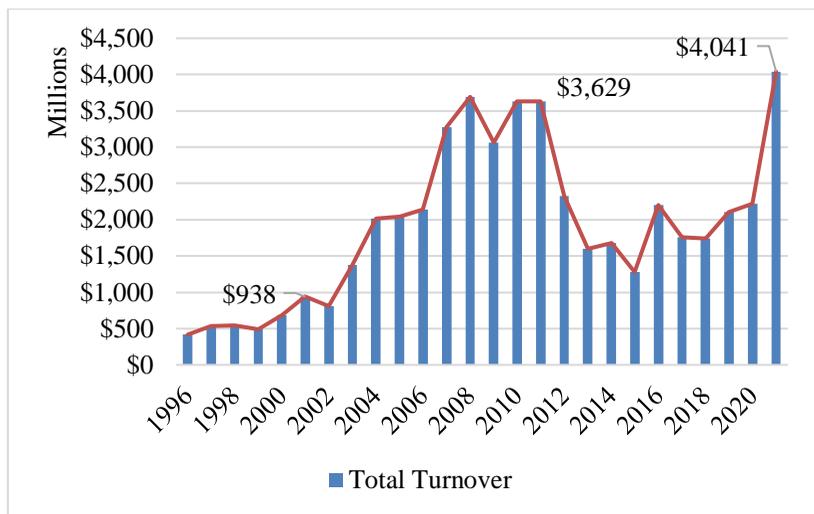

Figure 1 – Russia-Iran merchandise trade total turnover between 1996 and 2021, by value (in million U.S. dollars) [12].

Examining the trend of Iran's exports to Russia shows that this amount was negligible until the mid-2000s, and from this date until 2017, it has always been less than 500 million dollars. This figure has increased only in the last few years and by approaching 1 billion dollars in early 2020s, it has reached twice the figure of the past decade. The fluctuation in the level of mutual exports between Iran and Russia is worthy of attention and the difference in the highest and lowest value of exports between the two is greater in Russia compared to Iran.

According to a study by Karami, Rasoulinezhad, and Shokri [13], the levels of mutual trade flows volume between Iran and Russia constantly offer a very uneven picture in terms of trade balance, always in favor of Russia, indicating the existence of a buyer-seller dialogue between the two countries.

Despite numerous meetings and business sessions between high-ranking officials from Iran and the Kremlin, the two nations have yet to build a credible economic relationship, which demonstrates how weak their economic diplomacy is. To summarize, among the sectors of collaboration between Iran and Russia,

economic relations are the weakest in terms of outcomes.

4-4. Collaboration in Regional Trade Organizations: Eurasian Integration

The Eurasian Economic Union and the Shanghai Cooperation Organization are two regional organizations that might be used to examine the level of commercial interactions between Iran and Russia. Tehran has joined local trade unions as a result of Iran's efforts to penetrate regional and international markets over the past ten years by stepping up its economic diplomacy.

After months of talks with Russia, Iran concluded a Preferential Trade Agreement (PTA) with the EEU in May 2018, which went into effect on October 27, 2019. Iran's participation in Russia's plans to connect the EEU and the International North-South Transport Corridor with China's Belt and Road Projects, as well as in broader efforts to encourage de-dollarization, were also discussed. The two parties debated the technical and expert components of upgrading the PTA to a Free Trade Agreement (FTA), with the first round of talks taking place on July 19, 2021.

Entering the EEU provides huge economic benefits for Iran. These advantages are not restricted to the economy and will have a good impact on Iran's geoeconomics. The good and negative aspects of Iran's participation in this Russian multinational project have been thoroughly debated and researched in Iranian intellectual circles.

Tariff reduction is one of the steps implemented in accordance with the 2019 agreement between Iran and the EEU. This measure, which was carried out to promote exports and imports between the parties, benefits the Iranian economy. It should be emphasized, however, that the EEU-Iran PTA implies a partial decrease in import tariffs for some items. In other words, increasing the amount of economic contacts between Iran and EEU members would lead to greater successes when either tariffs on items on the EEU-Iran PTA list are totally abolished or new commodities are added to the PTA list.

In general, it is plausible to argue that cooperation between Iran and Russia in the field of foreign trade through regional organizations such as the EEU is a useful measure to broaden the scope of cooperation and bring the two countries' economies as close as possible in the face of extensive sanctions.

Iran has made a sincere effort to join the SCO, a group of six nations led by China and Russia that positions itself as a rival to the West. For Iran, the SCO's legitimacy and culture of unity are more important than its membership perks, unlike other regional organizations with a high level of legality and bureaucratization.

Nejati and Balaghi Enalou [14], who studied the economic effects of Iran's and

the SCO's lowering import tariffs, claim that Iran's membership in the SCO can have broad economic benefits in addition to political and security gains, provided that changes to the tariff rate are made with great accuracy.

Tehran's calls were heeded after signing a memorandum of obligations to join the SCO on September 15, 2021, which entails the formal inclusion of Iran as a permanent member in the organization. Tehran's foreign policy has kept putting a significant emphasis on its participation in the SCO since obtaining observer status in 2005 [15].

Russia welcomes and is eager for Iran to join the SCO in the larger Eurasian framework. China will become much more integrated with a group of its continental Asian neighbors if Iran also joins as a full member if the UN Security Council's sanctions are lifted. Russia would profit from such a deal given its extensive expertise in global politics and diplomatic experience.

5. Analysis and Conclusion

Despite decades of distrust in Iran-Russia relations, common threats in the form of political and security developments in the Middle East and East Europe, on the one hand, and economic reasons, particularly in the last 15 years, on the other, have led to a convergent shift in Iranian and Russian interests and have made their mutual cooperation more viable in recent years by expanding the depth and scope of Tehran-Moscow collaborations.

Although they share a maritime space and the potential for maritime trade, Iran and Russia's relations are not primarily based on economic considerations. This is supported by the fact that trade and commercial relations between them are minimal. According to an assessment of their economic connections, Tehran and Moscow do not engage in a considerable amount of overall international commerce, especially when measuring their process of reciprocal trade cooperation in terms of the quantity of commodities exported and imported. Because Iran is a small trading partner, it does not have a significant position in Moscow's economic vision. In order to facilitate commercial activity, a solid infrastructure is also necessary. The lack of a shared economic foundation for financial and banking cooperation is one of the main causes of the two governments' poor commercial collaboration.

Tehran and Moscow's relationship cannot presently be characterized as a strategic partnership because there has only been sporadic pragmatic collaboration based on common threats. Contrary to what many have claimed, the two countries' common threats and similar foreign policy priorities have led to practical cooperation rather than a strategic partnership. It is because, despite years of mistrust in their relations, the two states still have some constraints, competing interests, and rivalries in their current areas of cooperation.

Sources and Literature

1. Güneylioğlu M. The Russia-Iran alignment in the Middle East: The main dynamics and limits of the bilateral security cooperation // *Akdeniz İİBF Dergisi*. – 2023. – Vol. 23, № 1. – P. 50-62.
2. Azizi H. Close but complicated: Iran-Russia relations in the Middle East amid the war in Ukraine // *Friedrich Ebert Stiftung*. – [Germany], 2023. – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/international/20084.pdf> (access date: 25.02.2023).
3. Therme C. The Russian-Iran Partnership in a Multipolar World // *French Institute of International Relations*. – [France], 2022. – URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russian-iran-partnership-multipolar-world> (access date: 26.01.2023).
4. Zotova J. A. Mutual perception in contemporary relations between Russia and Iran: Image of Russia and Iran in history school textbooks of the two countries // *Vestnik RUDN. International Relations*. – 2021. – Vol. 21, № 1. – P. 157-170.
5. Karami J. Rasoulinezhad E. & Shokri S. A. Discussion on Russia-Iran bilateral trade in the modern era with emphasis on Russia's economy // *World Sociopolitical Studies*. – 2019. – Vol. 3, № 1. – P. 161-198.
6. The United Nations Comtrade Database // *UN Comtrade Database*. – [USA], 2023. – URL: <https://comtradeplus.un.org> (access date: 18.01.2023).
7. Iran to start accepting Russian Mir payment cards soon // *Reuters*. – [England], 2022. – URL: <https://www.reuters.com/business/finance/iran-start-accepting-russian-mir-payment-cards-soon-official-2022-07-27/> (access date: 11.12.2022).
8. Kaleji V. Banking cooperation between Iran and Russia increases as de-dollarization campaign intensifies // *Eurasia Daily Monitor*. – [USA], 2022. – URL: <https://jamestown.org/program/banking-cooperation-between-iran-and-russia-increases-as-de-dollarization-campaign-intensifies> (access date: 12.01.2023).
9. Liboreiro J. These are the 7 Russian banks banned from SWIFT – and the two exempted // *Euronews*. – [Lyon], 2022. – URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2022/03/02/these-are-the-7-russian-banks-banned-from-swift-and-the-two-exempted> (access date: 20.11.2022).
10. Iran to start accepting Russian Mir payment cards soon // *Reuters*. – [England], 2022. – URL: <https://www.reuters.com/business/finance/iran-start-accepting-russian-mir-payment-cards-soon-official-2022-07-27/> (access date: 11.12.2022).

11. Kaleji V. Banking cooperation between Iran and Russia increases as de-dollarization campaign intensifies // Eurasia Daily Monitor. – [USA], 2022. – URL: <https://jamestown.org/program/banking-cooperation-between-iran-and-russia-increases-as-de-dollarization-campaign-intensifies> (access date: 12.01.2023).
12. The United Nations Comtrade Database // UN Comtrade Database. – [USA,], 2023. – URL: <https://comtradeplus.un.org> (access date: 18.01.2023).
13. Karami. J. Rasoulinezhad E. & Shokri S. A. Discussion on Russia-Iran bilateral trade in the modern era with emphasis on Russia's economy // World Sociopolitical Studies. – 2019. – Vol. 3, № 1. – P. 161-198.
14. Nejati M. & Balaghi Enalou Y. Analysis of the interests of Iran's membership in the Shanghai Cooperation Organization: Computable general equilibrium (CGE) approach // The Economic Research. – 2022. – Vol. 22, № 2. – P. 89-118.
15. Khan A. What does Iran's membership in the SCO mean for the region? // The Diplomat. – [Washington], 2022. – URL: <https://thediplomat.com/2022/09/what-does-irans-membership-in-the-sco-mean-for-the-region> (access date: 20.01.2023).

Н.Д. Кувалдин

Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ПОЛИТИКЕ Э. ГРЕЯ В ПЕРИОД КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются общественные дискуссии относительно политики Э. Грея как отражение общественного мнения на решение «Персидского вопроса». С подписанием договора между Россией и Великобританией в 1907 г. о разделе сфер влияния в Персии, британская общественность начала требовать пересмотра политики Грея. В 1908 г. был создан Персидский комитет, чья деятельность была направлена на гарантирование невмешательства в дела Персии. Деятельность участников комитета, в особенности Э. Брауна, позволила закрепить либеральный взгляд на Персию.*

Ключевые слова: общественное мнение, Эдуард Грей, Великобритания, Россия, Персия, Персидский комитет, Эдвард Браун.

На рубеже XIX и XX веков отношения России и Великобритании стали претерпевать серьёзные изменения. Британия воспринимала Россию как главную угрозу своим владениям в Индии, что заставляло ее продвигаться в Среднюю Азию, тем самым создавая буферную зону на пути в Индию. Россия использовала своё положение в Средней Азии как рычаг для давления на Британию. Это соперничество между великими державами в Средней Азии получило название «Большая игра».

Противоречия между Россией и Великобританией так и остались бы неразрешёнными, если бы не нарастающая угроза со стороны Германской империи, одним из проявлений которой стал Первый марокканский кризис [1. С. 196]. Формирование противоборствующих блоков запустило процесс сближения России и Британии. Однако улучшению отношений между странами и разрешению их споров препятствовала внутривнутриполитическая ситуация как в Российской Империи, так и в Персии.

Вплоть до поражения в русско-японской войне и начала Первой Русской революции, в российском обществе были популярны настроения по вхождению всей Персии в сферу влияния России, но

после озвученных событий России пришлось умерить свои геополитические амбиции [2. С. 178-179]. Параллельно революционные события происходили и в Персии. Британское руководство, несмотря на все предпосылки, сближающие Россию и Британию, заняло выжидательную позицию и не хотело кардинально менять ситуацию ни в Персии, ни где-либо еще, пока внутривосточное положение России не стабилизируется [1. С. 187].

По мере того, как революция в России затухала, стороны все более склонялись к заключению договора о разделе сфер влияния. В Британском обществе стали распространяться слухи о грядущем соглашении, что вызвало волну недовольства. Уже на этом этапе общественность начинала играть важную роль в решении «Персидского вопроса».

Возникло одновременно несколько групп интересов, желавших пересмотра Эдуардом Греем своей политики. Лейбористы и радикалы из либеральной партии в целом не одобряли стремление Форин Офис налаживать отношения с деспотичным царским режимом и поэтому не приветствовали шаги в сторону подписания документа. Протест выражали и ирландские националисты, для которых вопросы суверенитета в тот период являлись наиболее большой темой для обсуждения [1. С. 187-188].

Были и те, кто относился к сближению с Россией настроенно и среди высших государственных чиновников. Наиболее влиятельным среди них был Лорд Керзон. Являясь вице-королем Индии в период с 1899 по 1906 год, он воспринимал Россию как угрозу. Он объездил российские владения в Средней Азии, оценивая местную инфраструктуру и потенциальную угрозу, которая может представлять Россия в этом регионе. Побывал он и в самой Персии. Лорд Керзон был одним из наиболее эрудированных экспертов своего времени как по Персии, так и по востоку в целом. Тем не менее, персы произвели на него не самое приятное впечатление, он относил персов к «погибающим нациям» [3. С. 396]. Однако, являясь государственным служащим, он руководствовался, в первую очередь, прагматизмом, а не личными соображениями и идеологией. Он считал, что для того, чтобы обезопасить Британские владения в Индии, нужно окружить ее буферными государствами, поэтому последовательно защищал целостность и независимость Персии и уже после подписания русско-английского соглашения выступил в палате

Лордов с критикой документа [3. С. 399].

Те дискуссии, которые велись по поводу русско-английского соглашения 1907 года так или иначе рассматривались с позиции интересов тех или иных групп внутри Великобритании. По настоящему вопрос о самоопределении персов ни в палате общин, ни в палате лордов никто не рассматривал. В этом отношении, полной противоположностью членов парламента выступил Эдвард Браун. Являясь врачом по образованию, он был одним из главных специалистов по Ближнему Востоку и преподавал в Кембридже. Идеологически он был сторонником права на самоопределение народов и выступал против империалистической политики великих держав. Он считал Персию одной из величайших древних цивилизаций, наравне с Грецией. По его мнению, Персия оставила огромное историческое наследие. Браун сопереживал иранским конституционалистам, революционные события привлекали его внимание не просто как учёного, но и как сторонника либерального преобразования Персии. Однако он считал, что если Россия и Великобритания продолжат вмешиваться в дела Персии, то конституционное движение в стране ждёт провал [4. С. 136]. Тем не менее, Эдвард Браун был хоть и талантливым, но все же учёным, и политическим капиталом не обладал, поэтому одних лишь его усилий не хватало, чтобы оказывать поддержку конституционалистам.

Важно отметить, что у общества не было прямых способов повлиять на проводимую Форин Офис политику. Перед оппозицией встала непростая задача – каким-либо образом повлиять на Эдуарда Грея, чтобы он изменил направление политики. Однако, на то время существовали лишь непрямые инструменты давления в виде СМИ и специальных парламентских комитетов, которые затрагивали вопросы внешней политики. На тот момент уже существовали Египетский и Балканский комитеты [5. С. 1].

Так, сподвижником Эдварда Брауна стал Генри Линч, который являлся членом палаты общин в период с 1906 по 1910. Его полномочия заключались в том, что на отчётах Грея перед нижней палатой парламента он мог напрямую задавать вопросы или просить разъяснить происходящие события в Персии. Сам Генри Линч имел коммерческие интересы в Персии, компания Lynch Brothers Co., которая перешла ему в наследство, занималась транспортировкой товаров из Великобритании на Ближний Восток. Линч переживал, что договорённости с Россией навредят его коммерческим интересам,

поэтому примкнул к оппозиции. Ещё до подписания русско-английского соглашения в августе 1907 года, на заседании парламента он предложил Грею создать комитет, состоящий из специалистов осведомлённых о делах Персии, который бы помог разработать положения документа, но Грей отказался [6]. Подобный консультативный комитет помог бы лоббировать как коммерческие интересы Линча, так и интересы оппозиции.

Однако идея создать организацию, которая через общественное мнение смогла бы повлиять на политику Форин Офис, оставалась в умах Линча и Брауна.

Если 1906 год был довольно успешным для конституционного движения в Персии, Мозафереддин-шах принял конституцию, был созван меджлис, а в 1907 году Мохаммед Али-шах дал обещание конституцию, то в 1908 году, конституционное движение начало встречать сопротивление. Новый шах был лоялен России, и как только он сумел заручиться ее поддержкой, стал нарушать своё обещание и вести борьбу с конституционалистами. В июне 1908 года шахские войска под руководством русского генерала Ляхова обстреляли здание меджлиса, часть конституционалистов была арестована, а часть бежала из страны. Уже осенью часть политической эмиграции прибыла в Лондон по личному приглашению Брауна и поделилась информацией о произошедших событиях [1. С. 6]. У британской общественности появился хоть какой-то ресурс, который они могли использовать в борьбе с Греем.

Однако прибывшие конституционалисты имели плохую репутацию в британских СМИ. Единственным источником информации о событиях в Персии служило издание The Times, официальные сводки в которую поступали непосредственно от Форин Офис. Занимая проправительственную позицию, The Times клеймили прибывших конституционалистов «экстремистами-революционерами» и «русофобами». Иранской политической эмиграции было важно поднять свой авторитет в глазах общественности, чтобы повлиять на проводимую Великобританией политику, поэтому в сотрудничестве с Брауном они начали готовить публикации, в которых бы докладывалось истинное положение дел в Персии. Впоследствии их статьи были опубликованы в Manchester Guardian. По мере своего пребывания в Лондоне, иранские диссиденты все чаще требовали от Линча и Брауна решительных действий, им было важно как можно скорее повлиять на политику

Форин Офис [7. С. 8-9]. Так, критики Грея объединились и в октябре 1908 года создали Персидский комитет, куда вошло порядка 40 человек, среди которых были бизнесмены, журналисты и учёные. Председателем комитета стал Генри Линч, а заместителем председателя Эдвард Браун [5. С. 1].

В качестве целей, которые преследует комитет, числились стремление привлечь внимание к Персии, ее народу и происходящим событиям, а также формировать общественное мнение в пользу поддержки конституционного движения. В списке преследуемых целей также говорилось, что правительства России и Великобритании проводят экспансионистскую политику. Если Персия освободится от иностранного влияния великих держав, то конституционное движение сможет одержать победу [1. С. 7]. Поэтому генеральной линией в риторике членов Персидского комитета проходил призыв прекратить вмешательство России и Великобритании во внутренние дела Персии. Если повлиять на политику своей страны члены комитета ещё хоть как-то могли, то призывы прекратить экспансию России звучали совсем абсурдно [6].

С созданием Персидского комитета позиция общественности относительно русско-английского соглашения 1907 года изменилась: если раньше представители британской оппозиции критиковали документ как шаг, сближающий Россию и Британию, то потом они стали ссылаться на положения соглашения о невмешательстве двух стран в дела Персии. В действительности, две стороны банально были склонны по-разному трактовать пункты соглашения. Общие положения и обтекаемость формулировок закладывали в стремительно меняющиеся русско-английские отношения немало противоречий. Непонятно, каким образом возможно разграничение страны на сферы влияния при сохранении ее территориальной целостности и независимости. Так, руководство российского МИД трактовало положения соглашения в сторону свободы действий каждой стороны в своей сфере влияния, а с точки зрения Форин Офис сферы влияния касались лишь экономических интересов [1. С. 176-178]. В условиях настолько серьёзного непонимания позиций друг друга, разговоров о строгом соблюдении пунктов договора идти не может. Поэтому дальнейшее поведение двух стран в Перси и было обусловлено скорее политической волей.

Споры о сущности документа велись и в стенах нижней палаты парламента. Особенно жаркие дискуссии пришлось на весну 1908 –

зиму 1909 года, когда обострилось вооружённое противостояние между восставшими в Тебризе и шахскими войсками [6]. Правительственными войсками руководил русский генерал Ляхов, что вызывало возмущение со стороны британской общественности, ведь фактически это означало вмешательство в дела Персии со стороны России. Однако генерал Ляхов состоял на службе у шаха и формально не был связан с Россией. Поэтому упреки о вмешательстве во внутривосточную ситуацию были, по мнению Грея, безосновательными. На предложения предпринять какие-либо действия по отношению к России из-за нарушения соглашения 1907 года Грей отвечал, что это будет само по себе являться вмешательством во внутренние дела Персии [6]. Разрешить парадокс о том, что действительно является вмешательством во внутривосточную ситуацию оппозиции не удалось, как и не удалось получить от Грея каких-то содержательных ответов о действиях России в регионе [6]. Когда Россия направила уже правительственные войска в Персию, то Грей пытался убедить парламентариев в том, что Россия это делает с целью защитить иностранных граждан и иностранную (в том числе английскую) собственность [6].

Дискуссии в парламенте стали остывать уже в конце 1909 – начале 1910 года. С свержением Мохаммеда Али-шаха в Персии установилось конституционное правительство, что означало, что союзники Персидского комитета получили власть в стране. Более того, в 1910 году Генри Линч лишился статуса парламентария в палате лордов. Казалось, что Персидский комитет достиг своей цели, однако нападки на Грея возобновились в 1911 году. Конституционное правительство Персии испытывало серьёзные проблемы в финансовой сфере, поэтому, с согласия России и Англии, на пост министра финансов был назначен американец Морган Шустер, которому меджлис делегировал особые полномочия. По мере пребывания Моргана Шустера на посту министра финансов, русско-персидские отношения постепенно ухудшались. Это было связано с тем, что, во-первых, Шустер подчинил себе практически все финансы страны, а во-вторых, проводил все более самостоятельную политику, не советуясь с российским правительством. Поводом к началу Персидского кризиса 1911 года послужило назначение англичанина Лекорфа финансовым инспектором в Тебриз, входившего в зону влияния России. Соглашение 1907 года оказалось под угрозой, Россия

ввела войска в Персию и предъявила ультиматум с требованием уволить Шустера и Лекорфа, не принимать иностранцев на службу без согласия России и Великобритании, возместить сумму, потраченную на российскую военную экспедицию [8. С. 15-17].

В парламенте действия России вызвали насторожённость. Особенно сильно общественность пугала перспектива реставрации власти Шаха или же в целом потери Персией независимости [6]. Возникший кризис давал понять общественности, что политика, проводимая Греем, была ошибочной. Члены Персидского комитета решили созвать собрание, на котором они (в том числе Браун и Линч) зачитали доклады о происходящих событиях. О степени заинтересованности общественности свидетельствует тот факт, что на собрание пришло более 3000 человек [1. С. 15]. На Грея оказывалось серьёзное давление, и чтобы разрешить кризис, Форин Офис отправил официальный меморандум, в котором призывал Россию смягчить требования ультиматума и вывести войска. Россия и Англия сумели добиться определённого консенсуса, Шустер был уволен с занимаемого поста, а меджлис разогнан, тем не менее, соглашение 1907 года было сохранено [8. С.17].

Так, за все время существования Персидского комитета, главным его политическим достижением стало именно привлечение общественного внимания к Персидскому кризису 1911 года, которое косвенно повлияло на позицию Форин Офис. Дальнейшая деятельность комитета была сильно затруднена в связи с смертью Линча и вниманием общественности на события в Европе [1. С. 21]. Однако, оценивая деятельность комитета, нельзя не отметить, что во многом именно его членам удалось создать новый образ Персии. В СМИ появлялись статьи о событиях в этой стране, общественность узнавала о стремлении персидского народа к проведению реформ и воле к политической модернизации. В британском обществе появились сопереживающие либеральным преобразованиям на территории Персии. Более того, работа Эдварда Брауна в комитете позволила ему собирать источники и напрямую получать сведения о происходящих в Персии событиях. Эти источники в дальнейшем он использовал в таких работах как «Персидская революция 1906-1909» и «История современной поэзии и прессы в Персии», где говорил о либеральных интенциях в персидском обществе [4. С. 7]. Все это позволяет говорить об возникновении либерального взгляда на Персию.

Источники и литература

1. Bonakdarian M. The Persia Committee and the Constitutional Revolution in Iran // *British Journal of Middle Eastern Studies*. – 1991. – Vol. 18. – №2. – P. 186–207.
2. Ларин А.Б. «Русское дело в Персии» и проблема взаимо(не)понимания в российско-британских отношениях в конце XIX – начале XX века // *Самарский научный вестник*. – 2021. – Т. 10. – № 3. – С. 175–181.
3. Ross C. N. B. Lord Curzon and E. G. Browne Confront the 'Persian Question' // *The Historical Journal*. – 2009. – Vol. 52. – №2. – P. 385-411.
4. Javadi H. E. G. Browne and the Persian Constitutional Movement // *Iran*. – 1976. –Vol. 14. –P. 133–140.
5. Медведик И.С. Деятельность британского персидского комитета в связи с англо-российским соперничеством в Персии (1908-1913 гг.) // *Манускрипт*. – 2018. – №12-1 (98). – С. 45-48.
6. HANSARD 1803–2005. – [London], 2018. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/index.html> (access date: 14.07.2023).
7. Bonakdarian M. Iranian Constitutional Exiles and British Foreign-Policy Dissenters, 1908-9 // *International Journal of Middle East Studies*. – 1995. – Vol. 27. – №2. – P. 175–191.
8. Ларин А.Б. Перипетии согласованного курса: Россия, Британия и персидский кризис 1911 года // *Вестник Северного федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 11–19.

Научное издание

**ИРАН И РОССИЯ В ЕВРОАЗИАТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР,
ГОСУДАРСТВ, ТЕХНОЛОГИЙ**

**Сборник материалов I Международной молодёжной
конференции
(Томск, 2 мая 2023 г.)**

Компьютерная вёрстка Н. Пугачёв
Дизайн обложки И. Байкова

ISBN 978-5-600-04031-1

9 785600 040311

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В 2023 году Томский государственный университет отмечает 145-летие – он был основан 28 (16) мая 1878 г. императором Александром II как первый за Уралом Императорский Сибирский университет. Открытие Томского университета было важным цивилизационным мегапроектом Российской империи, направленным на социально-экономическое освоение азиатской части страны, развитие просвещения и культуры.

Сегодня ТГУ – один из крупнейших научно-образовательных центров России, университет входит в число лидеров российской высшей школы и во многом определяет направление дальнейшего ее развития, заостряя внимание общества на самых острых вызовах времени, ставя в фокусе своей деятельности личность человека и качество его жизни.

За 145 лет ТГУ подготовил более 160 тысяч специалистов для всех сфер экономики. В ТГУ учились и работали свыше 100 членов РАН и иностранных АН, больше 250 лауреатов государственных премий, пять лауреатов Нобелевской премии. Сегодня в профессорско-преподавательский состав входит более 600 профессоров (из них 140 – иностранных) и 1 300 кандидатов наук.

ТГУ входит в TOP-100 лучших университетов мира и в топ-3 лучших вузов России в рейтинге RUR-2022. В международном рейтинге QS занимает 264-ю позицию в мире и 4-ю – среди российских вузов. В 2021 г. университет вошёл в первую группу победителей программы «Приоритет 2030».

В бакалавриате, специалитете и магистратуре ТГУ обучаются более 15 тысяч человек, в аспирантуре – 800 человек (более 250 иностранцев). Студентам доступны самые передовые цифровые технологии: системы «Актру», «Plagio», «Talent Search» и др. Кроме того, ТГУ – федеральный оператор проекта «Содействие занятости».

ТГУ является членом международных сетевых коллабораций – ATLAS, EUCEN, Университета Арктики, Национального арктического научно-образовательного консорциума, Российско-Азиатского консорциума арктических исследований и др. Команды вуза инициировали 9 проектов в рамках Постановления Правительства РФ № 218 и 10 мегагрантов в рамках Постановления Правительства РФ № 220.

ТГУ сохраняет и приумножает вековые традиции тесного содружества преподавателей и студентов, высокий уровень подготовки специалистов. Во все времена диплом выпускника ТГУ – это твёрдая гарантия глубоких фундаментальных знаний, отличных практических компетенций и навыков работы. ТГУ является признанным интеллектуальным и культурным центром регионального развития, инициатором и участником крупных инновационных проектов, в том числе по воспитанию талантливой молодёжи.

National Research Tomsk State University

In 2023 Tomsk State University celebrates its 145th anniversary – It was established on the 28th of May, 1878 by the emperor's decree as the first Imperial Siberian University in the vast expanses from the Russian Urals to the Pacific Ocean. The opening of the university was a significant civilizational project of the Russian Empire, aimed at social-economic exploration of the Asian part of the country, enlightenment and cultural development.

Today TSU is one of the largest Russian scientific and educational centers. It is also one of the leaders among Russian top-tier institutions and has a vital influence on Russian higher educational system by raising public awareness to the most urgent challenges of our time and focusing mostly on individual's personality and living standards.

Within 145 years TSU has educated more than 160 thousand specialists in all economic fields. Over 100 members of Russian and foreign academies of sciences, 250 governmental awards laureates, 5 Nobel Prize winners have studied and worked in TSU. Today the academic staff of TSU comprises above 600 professors (140 of which are foreign), 1300 candidates of sciences.

TSU is included in TOP-100 universities of the world and TOP-3 Russian universities in RUR-2022. According to international QS ranking the university occupies the 264th position in the world and 4th position amid Russian higher institutions. In 2021 TSU became a part of the first winners group of the «Priority-2030».

Above 15 thousand students are enrolled in bachelor, specialty and master programs at TSU, in PhD – 800 people (more than 250 of them are foreigners). Students are provided with the most advanced digital technologies as «Aktru» systems, «Plario», «Talent Search» etc. Furthermore, TSU is the federal operator of «Employment promotion» project.

TSU is a member of international collaboration networks such as ATLAS, EUGEN, The University of Arctic, National Arctic Research and

Education Consortium, The Russian - Asian Arctic Research Consortium. The university's teams have initiated 9 projects in the framework of resolution No. 218. and 10 Mega-grants within the framework of resolution No. 220.

TSU preserves and enriches century-old traditions of tight-knit community between professors and students, high level of specialists training. At all times the graduate diploma of TSU is a sign of profound fundamental knowledge, excellent competencies and work skills. TSU is acknowledged as intellectual and cultural center of regional development, initiator and participant of the large innovative projects including those dedicated to the education of talented youth.